

Сергеев И. П.

Римская Империя в III веке нашей эры

*Проблемы
социально-политической
истории*

**Харьков
«Майдан»
1999**

Предисловие

Интерес к событиям социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. возник у меня еще в процессе исследования проблемы гражданской войны 193-197 гг. н. э., которая была темой моей кандидатской диссертации. Эта война трактовалась некоторыми историками как пролог или даже начальная стадия кризиса римского государства в III в. н. э. Поэтому естественно, что при изучении событий данной войны я в некоторой степени познакомился и с литературой, посвященной этому кризису. В те времена в советском антиковедении безраздельно господствовала концепция Е. М. Штаерман, согласно которой кризис III века рассматривался как напрямую связанный с кризисом рабовладельческого способа производства в Римской империи, всеобщий, т. е. охвативший все сферы общественной жизни римского государства, по своему характеру, закончившийся окончательным поражением в борьбе за политическое господство той фракции класса римских эксплуататоров, которая была связана с рабовладением.

Уже тогда, не будучи в достаточной степени знаком с источниками и историографией по проблеме, я начал сомневаться в правильности некоторых положений вышеупомянутой концепции. Смущало то, что кризис III века связывался с кризисом рабовладельческого способа производства, но окончание кризиса III века не признавалось концом существования рабовладельческих отношений в римском государстве. Преодоление кризиса датировалось с точностью до года. Естественно возникал вопрос: а можно ли так точно датировать конец существования рабовладельческого строя? Римская армия в концепции Е. М. Штаерман выступала защитницей интересов средних и мелких муниципальных земле- и рабовладельцев. Мне же никак не верилось, что солдаты не имели своих собственных интересов и обязательно защищали не их, а чьи-то другие. Возникали и другие сомнения (по поводу "сепаратизма провинций", размаха выступлений низов населения империи и т. д.).

Глубоким исследованием проблемы я занялся после довольно длительных колебаний. Уж больно масштабной была задача. Пред-

стояло изучить очень широкий круг исторических источников и “море” научной литературы на многих языках. При этом не было уверенности в том, что я смогу внести какой-то реальный вклад в разработку проблемы, которой уже давно занималось множество авторитетных ученых. Однако по мере знакомства с литературой постепенно выяснился ряд аспектов проблемы, которые, по моему убеждению, трактовались историками не совсем верно. К их числу я отношу вопросы о роли сената и армии в политической жизни Римской империи в III в. н. э., о “сепаратизме провинций” в период кризиса III века. В советской историографии эти вопросы трактовались в соответствии с представлениями о кризисе III века как о явлении, вызванном кризисом рабовладельческого строя. Кроме того, имеется круг вопросов теоретического характера по проблеме кризиса III века, которые неоднозначно решаются как в отечественном, так и в зарубежном антиковедении. Их изучение позволило мне прийти к выводам, которые не совпадают с мнениями многих современных историков, но, на мой взгляд, точнее отражают содержание событий социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. Имеются в виду вопросы о характере кризиса III века, причинах его возникновения, хронологических рамках и особенностях развития кризиса, о его месте в истории римского государства эпохи Империи.

Трудность исследования проблемы социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. состояла для меня не только в том, что нужно было проработать множество источников и почти необъятную специальную литературу, но и в том, что этот материал непросто было получить для ознакомления с ним. Особенно острым стал этот вопрос в последние годы, когда для ученых Украины фактически недостижимы фонды богатейших российских библиотек. В этих условиях большой удачей для меня была появившаяся возможность работать в библиотеках ряда университетов Германии. Во время научной стажировки в Гейдельберге (1995 г.) и выступлений с докладами в Восточном Берлине, Бонне, Трире, Брауншвайге, Тюбингене я не только имел возможность для обмена мнениями по ряду аспектов исследуемой проблемы с такими крупными специалистами в области античной истории и

археологии, как Г. Альфельди, К. Штробель, Х. Хайнен, И. Кенниг, Ф. Кольб, К.— П. Йоне, но и получил доступ к новейшей зарубежной литературе.

Считаю своей приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность коллегам по кафедре истории древнего мира и средних веков Харьковского госуниверситета — профессору В. И. Кадееву, доцентам В. А. Латышевой, Ю. А. Голубкину, С. Б. Сорочану, А. П. Мартемьянову, С. В. Дьячкову, О. А. Ручинской за доброжелательную критику и полезные замечания при обсуждении текста данной публикации.

Хочу поблагодарить Л. Копецкую, А. Калиберду, Д. Беспрозванных, А. Резвана за помощь в подготовке текста книги к публикации.

Введение

В истории Римской империи III в. н. э. — время сложных и важных перемен во всех сферах общественной жизни. На протяжении этого столетия происходили существенные преобразования в экономике империи. Заметные изменения наблюдались в социальной структуре римского общества. Серьезным образом трансформировалась идеология жителей римского государства. Для внутривосточного развития Римской империи этого периода были характерны частая смена императоров, попытки узурпации императорской власти, иногда приводившие к отпадению от Рима значительных территорий. Сложной в это время была и ситуация на границах римских владений. Римлянам с большим трудом удавалось справляться с глубокими вторжениями варваров в империю.

Все это позволяет многим современным историкам считать, что III в. н. э. отличался от предшествующего и последующего этапов развития Римской империи и его можно определять как особый период римской истории, период кризиса III века.

Процессы, происходившие в III в. н. э. в социально-политическом развитии Римской империи, вызывались изменениями в других сферах жизни римского государства и сами влияли на состояние экономики и духовную культуру римлян. Преодоление кризиса III века сопровождалось радикальными преобразованиями во всех сферах общественной жизни империи, причем направление перемен в значительной степени определялось изменениями в области социально-политических отношений. Поэтому изучение особенностей социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. важно не только для понимания закономерностей эволюции римского государства в это кризисное столетие, но и для выяснения истоков тех процессов, которые происходили в следующие века. Выяснение причин возникновения кризиса III века, особенностей его развития, средств и результатов его преодоления необходимо для определения места III века н. э. в истории Рима. Исследование проблемы особенностей социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. остается актуальным в силу неоднозначности трактовки ряда ее аспектов современными историками а также по причине того, что в советском антиковедении эта проблема освещается без учета результатов ее изучения зарубежными историками в последние десятилетия.

Источниковая база исследования социально-политического развития Римской империи в III веке н. э. довольно широкая и включает в себя несколько групп разнообразных по своему характеру исторических источников.

Нарративные источники представлены трудами античных авторов, бывших современниками изучаемых нами событий или писавших свои произведения в IV — V вв. н. э.; сочинениями историков христианской церкви этого времени; хрониками средневековых историков.

Важным источником по истории Римской империи первой трети III века н. э. является труд Диона Кассия Кокцеяна (около 155-235 гг. н. э.). Дион Кассий принадлежал к верхушке римского общества, со времен правления императора Коммода участвовал в заседаниях римского сената, при императорах из династии Северов занимал высшие должности в государственном аппарате империи. Им была написана фундаментальная “Римская история” в 80 книгах (на древнегреческом языке). К сожалению, как раз те книги его труда, в которых излагаются события римской истории III века н. э. (до повторного консульства Диона Кассия в 229 г. н. э.)¹, до нас не дошли, и их текст восстановлен лишь частично на основании отрывков, содержащихся в произведениях историков более позднего времени. Эти отрывки показывают, что Дион Кассий описывал события, современником которых являлся, с большой тщательностью и обстоятельностью. К началу III века н. э. этот историк, будучи в зрелом возрасте, занимал в обществе высокое положение, был близок к императорскому двору и имел доступ к надежным источникам информации о жизни всей Римской империи. Из труда Диона Кассия мы черпаем сведения о роли сената и армии в политической жизни римского государства в правление династии Северов, о предпосылках вызревания кризиса III века. Однако при пользовании этим источником следует учитывать тот факт, что Дион Кассий принадлежал к сенаторским кругам империи и отдельные события политической истории римлян освещал не беспристрастно.

Младшим современником Диона Кассия был историк Геродиан. О его биографии и карьере точных сведений мы не имеем. Предполагается, что он — выходец из восточной части империи, жил между 165 и 245 гг. н. э., а свою “Историю императорской власти после Марка”² написал в 40-е годы III века н. э.³ В труде Геродиана излагаются события политической истории римлян от смерти императора Марка Аврелия (180 г. н. э.) до провозглаше-

ния императором Гордиана III (238 г. н. э.). По научному значению этот источник существенно уступает труду Диона Кассия. Вероятно, Геродиан занимал не очень высокие должности в государстве и не имел доступа к солидным источникам информации, а его "История" создана главным образом на основании современной ему устной традиции⁴. При написании произведения автор в угоду читателям слишком заботился об увлекательности повествования и в некоторых случаях искажал действительные события. В труде Геродиана много длинных монологов действующих лиц, подозрительно подробных описаний разнообразных заговоров. Это заставляет осторожно и критически относиться к тем свидетельствам историка, которые отсутствуют в других нарративных источниках. Но с учетом того, что в труде Геродиана описываются те события, которые не освещены Дионом Кассием, а свидетельства других античных авторов заслуживают еще меньше доверия, нужно признать его довольно важным источником для изучения социально-политического развития Римской империи в первые десятилетия III века н. э.

Как современник описывает события римской империи III века н. э. Дексипп Афинский. Он родился в Афинах между 200 и 210 гг. н. э., жил до времен правления Аврелиана или Проба, занимал в родном городе важные магистратуры, жреческие должности. В 267/8 г. н. э. во время вторжения в Грецию герулов Дексипп собрал отряд в 2 тыс. человек и сыграл решающую роль в спасении Афин от разрушения их варварами. Известно, что им написаны два произведения исторического характера: "Хроника" (или "История") в 12 книгах и "Скифика", в которых излагались события от мифических времен до середины III века н. э. Однако до нас дошли лишь фрагменты этих произведений⁵, которые имеют определенное значение для изучения внешнеполитической деятельности римских императоров середины III века н. э. (Деция, Аврелиана).

В сборнике "Авторы жизнеописаний Августов"⁶ указывается, что отдельные его части написаны историками, жившими в конце III — начале IV вв. н. э. Но современные исследователи сомневаются в этом авторстве. В литературе высказывается предположение, что автором сборника был один человек — сенатор или близкий к сенаторам ритор или грамматик, а составлен сборник в период от конца III до конца IV вв. н. э.⁷ Состоит он из 30 биографий римских императоров, их наследников и претендентов на императорский престол от Адриана до Карина, а также двух очер-

ков, посвященных жизнеописанию группы лиц, пытавшихся захватить императорскую власть в середине III века н. э. (“Тридцать тиранов” и “Четыре тирана”). В дошедшем до нас тексте сборника отсутствуют биографии императоров Филиппа Араба, Деция, Требониана Галла, Эмилия Эмилиана, хотя, как явствует из упоминания их в биографии Аврелиана, они были написаны.

В каждом жизнеописании материал излагается по единой схеме: обстоятельства, при которых был занят императорский престол; характер правления (отношение к сенату, армии, внешняя политика, пороки и достоинства императора); обстоятельства смерти; оценка императора современниками. В тексте сборника много места занимают сплетни и анекдоты. Содержится в нем и значительный документальный материал — отрывки императорских речей, постановлений сената, законов, различных писем. Но по мнению современных историков, этот материал не заслуживает доверия⁸. Такие обстоятельства, как отсутствие ясности в вопросе об авторстве и времени написания сборника, изложение событий римской истории с явно просенатских позиций, заставляют с большой осторожностью пользоваться информацией, которая содержится в этом источнике. Однако значение произведения как исторического источника по истории социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. не следует и слишком преуменьшать. Все-таки его автор (или авторы) описывает события, происходившие при его жизни или незадолго до этого, и если учесть, что до нас дошло совсем мало трудов, написанных современниками изучаемых событий, то вряд ли следует пренебрегать всеми свидетельствами данного источника. Из биографий римских императоров III в. н. э. и узурпаторов императорской власти этого времени мы узнаем о роли сената и армии в политической жизни империи, о поисках правителями Рима путей вывода государства из кризиса, об их борьбе за сохранение или восстановление территориального единства империи.

На вторую половину IV в. н. э. приходится жизнь и творчество Секста Аврелия Виктора, занимавшего в годы правления императора Феодосия ряд высших государственных должностей, включая пост префекта города Рима (в 389 г. н. э.)⁹. Из четырех произведений, которые раньше приписывались Аврелию Виктору, в настоящее время как несомненно его признается одно — “О Цезарях”¹⁰. Это сборник коротких биографий римских императоров от Октавиана Августа до Юлиана (31 г. до н. э. — 361 г. н. э.). В жизнеописаниях императоров много места отводится мо-

ральной оценке правителей Римской империи, встречаются хронологические и фактические неточности. Вместе с тем в сборнике освещаются не только события и явления социально-политической истории римского государства, о которых сообщают более надежные нарративные источники, но и те, которые не нашли отражения в трудах других античных авторов. Например, именно на основании свидетельств Аврелия Виктора современные историки судят о содержании военных реформ императора Галлиена или приходят к заключению, что прекращение существования системы Принципата в Римской империи следует связывать не с провозглашением императором Диоклетиана, а с концом правления императора Проба (282 г. н. э.).

Около 370 г. н. э. по поручению императора Валента написал “Краткую римскую историю”¹¹ его личный секретарь Евтропий. Этот труд представляет собой конспективное изложение римской истории от основания города Рима до смерти императора Иовиана (364 г. н. э.). Евтропий сообщает некоторые биографические данные правителей римского государства в III в. н. э., пишет об их войнах. В целом же его труд не представляет большого интереса для изучения социально-политического развития Римской империи в III в. н. э.

К IV-V вв. н. э. относятся произведения ряда видных деятелей и историков христианской церкви. “Христианским Цицероном” Лактанцием (родился между 240 и 250 гг. н. э., умер около 320 г. н. э.) был написан труд “О смерти гонителей”¹². В нем содержатся поучительные повествования о печальной участи преследовавших христиан римских императоров — от Нерона до Максимиана. Конечно, римская история освещается в этом произведении тенденциозно, но в нем имеются и объективные исторические свидетельства. Общеизвестно, что труд Лактанция является важным источником по истории системы тетрархии. Содержающаяся в этом произведении информация в определенной степени помогает в решении вопроса о результатах преодоления кризиса III века и месте этого кризиса в истории Римской империи.

“Отец” истории христианской церкви Евсевий Памфил (263-340 гг. н. э.) написал “Церковную историю” в 10 книгах¹³, в которой отражены события от зарождения христианства до Никейского Собора (в 324 г. н. э.). Во второй половине этого произведения освещены отношения между римской императорской властью и христианами в конце II — начале IV вв. н. э. Некоторые данные “Церковной истории” позволяют судить о поисках императора-

ми III века путей вывода государства из кризиса. Евсевий Памфил написал также "Хронику" в двух книгах¹⁴, в которой приведен перечень римских императоров с сообщениями об обстоятельствах их прихода к власти и длительности пребывания на престоле. Это немаловажно для изучения хронологии событий политической жизни Римской империи в III в. н. э.¹⁵

Своеобразным источником является сборник латинских (галльских) панегириков¹⁶, созданных в конце III-IV вв. н. э. В них прославляется личность и деятельность римских императоров, начиная с Максимиана (286-305 гг. н. э.) и заканчивая Феодосием I (379-395 гг. н. э.). Содержащаяся в некоторых панегириках информация важна для сравнения систем Принципата и Домината, т. е. для выяснения вопроса об итогах преодоления кризиса III века.

Краткое изложение событий политической истории Римской империи в III в. н. э. содержится в последней, седьмой, книге "Истории против язычников" Павла Орозия¹⁷ (около 380 — около 420 гг. н. э.). Значение этого источника примерно такое же, как и вышеохарактеризованной "Хроники" Евсевия Памфила.

Об авторе "Новой истории"¹⁸ Зосиме известно, что он жил во второй половине V в. н. э., был финансовым чиновником. В его труде сделан обзор истории Римской империи от времени правления Октавиана Августа до завоевания Рима готами (410 г. н. э.). Довольно подробно Зосим излагает события IV-V вв. н. э., о событиях же I-III вв. н. э. речь идет только в первой (из шести) книге его труда. Причем больше внимания автор уделяет истории восточной части римского государства. Именно для изучения событий социально-политической истории восточных провинций Римской империи в III в. н. э. может быть использован этот источник.

Определенное место освещению событий истории римского государства в III в. н. э. отводят в своих хрониках всемирной истории такие средневековые авторы, как Иоанн Малала¹⁹, Георгий Синкелл²⁰, Георгий Кедрин²¹. Они пишут главным образом о войнах римских императоров, сообщают о том, сколько лет или месяцев находился у власти тот или иной правитель Римской империи. При этом хронисты не всегда правильно показывают последовательность смены императоров на римском престоле, неверно определяют продолжительность правления отдельных правителей. Конечно же, эти произведения нельзя относить к числу важных источников по истории социально-политического развития Римской империи в III в. н. э.

Среди трудов средневековых историков следует выделить “Анналы” Иоанна Зонары²² (умер около 1150 г.). При написании труда Зонара использовал много источников, часть которых не сохранилась до нашего времени. События римской истории III в. н. э. излагаются в “Анналах” весьма подробно. В произведении характеризуется время правления тех императоров, биографии которых отсутствуют в дошедшем до нас тексте сборника “Авторы жизнеописаний Августов”. Отдельные события политической жизни Римской империи в III в. н. э. Зонара освещает более объективно, чем античные авторы, жившие в ту эпоху. Например, это можно сказать о характеристике императора Галлиена и его правления.

В целом можно признать, что в нашем распоряжении имеется не так уж много нарративных источников по истории социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. Каждое из вышеназванных произведений играет определенную роль в изучении тех или иных аспектов проблемы. Но следует отметить, что всем им присущи и те или иные недостатки: или в них освещаются события только нескольких десятилетий III в. н. э., или же автор недостаточно объективен при изложении материала, или же события излагаются слишком сжато и т. д. Поэтому источники данной группы необходимо использовать в комплексе. Однако на основании свидетельств только нарративных источников глубокое исследование особенностей социально-политической жизни Римской империи в III в. н. э. невозможно.

Большое значение для изучения ряда аспектов проблемы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. имеют эпиграфические материалы. Обнаруженные в основном в ходе археологических исследований многочисленные латинские²³, древнегреческие²⁴ надписи и надписи на других языках (в частности, найденные на территории, находившейся под властью правителей Пальмиры²⁵), позволяют уточнять хронологию событий, определять границы территории, подвластной отдельным претендентам на императорскую власть. Эпиграфические материалы содержат в себе информацию о процессах, происходивших в политической, социальной, духовной сферах общественной жизни Римской империи. Известно, что надписи — весьма надежный исторический источник. Поэтому данные эпиграфики зачастую устраняют сомнения относительно свидетельств нарративных источников.

Обнаруженные в результате археологических раскопок папирусы²⁶ (официальные документы, частная документация, архи-

вы, письма) являются важным источником для изучения истории восточных провинций Римской империи (особенно Египта). Но в них содержится и информация, касающаяся отдельных моментов социально-политического развития всей Римской империи в III в. н. э. Данные папирусов позволяют уточнить хронологию политических событий, титулатуру римских императоров и претендентов на императорскую власть, условия службы солдат римской армии и т. п.

Для политической жизни римского государства в III в. н. э. характерна многочисленность правителей и претендентов на императорский престол. Императоры и некоторые из узурпаторов императорской власти выпускали множество монет и медальонов. Вследствие этого мы имеем возможность использовать в качестве существенного источника для изучения социально-политической жизни Римской империи в III в. н. э. богатый нумизматический материал²⁷. Историческая информация содержится не только в надписях (легендах) и изображениях на монетах, но и в металле, из которого чеканились монеты, в том, где выпускались монеты императора или узурпатора императорской власти, на какой территории монеты имели оборот. Нумизматический материал помогает глубже раскрыть вопросы о политической роли сената и армии в III в. н. э., об изменениях в характере власти императора, о сущности государственных образований на Западе и Востоке империи в 60 — 70-х гг. III в. н. э. и т. д.

Обнаруженный в результате раскопок археологический материал несет в себе информацию об экономике, быте, культуре народа. В последнее время историки все смелее используют данные археологии (клады монет, остатки строений, следы пожарниц и т. п.) для изучения таких вопросов, как изменения в социальной структуре римского общества, особенности внешнеполитического положения Римской империи в рассматриваемый период.

Документы юридического характера²⁸ имеют историческую ценность, предельно точно и объективно отражая реалии соответствующего времени. К сожалению, социально-политические отношения римского государства в III в. н. э. не получили в имеющихся юридических материалах равномерного отражения. А. Джоунз сравнил в связи с этим III в. н. э. в римской истории с темным туннелем, освещенным с двух концов (документы юридического характера времени правления династии Северов и правления Диоклетиана) и совершенно непроницаемым пространством посередине²⁹. Однако и тот материал юридического характера, которым

мы располагаем, довольно информационен. Юридические документы помогают судить о правовом положении солдат римской армии, об официальном месте римского сената в системе государственных органов Римской империи эпохи Принципата, об основах законности императорской власти и др.

Подводя итоги анализа исторических источников, можно констатировать, что они довольно многочисленны и разнообразны по своему характеру. Значение отдельных групп источников не одинаково, но в каждой из них имеется ценная информация по тем или иным вопросам социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. Комплексное же использование всей совокупности источников делает вполне реальным глубокое и всестороннее исследование проблемы.

Социально-политическая жизнь Римской империи в III в. н. э. была наполнена сложными, часто драматическими событиями. Такие периоды истории всегда привлекали внимание исследователей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что проблема социально-политического развития римского государства рассматриваемого времени уже давно и очень активно изучается историками, и к настоящему времени имеется весьма широкий круг специальной литературы по проблеме в целом и по отдельным ее аспектам.

Первые шаги в исследовании социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. были сделаны историками Западной Европы в конце XVII — XVIII вв. В публикациях этого периода³⁰ проблема социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. исследовалась довольно поверхностно. Исторические труды носили характер общих обзоров весьма длительных этапов истории Древнего Рима и не были посвящены специально III веку н. э. Авторы этих публикаций почти (или совершенно) не использовали эпиграфический и нумизматический материал, а к свидетельствам нарративных источников относились без надлежащей критики, хотя иногда и высказывали сомнения по поводу некоторых сообщений историков древности. Так, Э. Гиббон вслед за античными авторами просенатской ориентации считал, что причинами трудностей и неурядиц, которые переживало римское государство в III в. н. э., были развращенность и нахальство солдат римской армии; характеризовал императора Галлиена как самого непригодного правителя империи³¹. Но вместе с тем он называл выдумкой сообщение античных историков о восстании монетариев, утверждал, что против императора Авре-

лиана в Риме выступили его политические противники, а не работники монетного двора³².

Значительным этапом в исследовании социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. западноевропейскими учеными является XIX в. На протяжении этого столетия расширяется круг нарративных источников, привлекаемых историками для изучения проблемы; повышается уровень критического отношения к свидетельствам древних авторов; все в большей степени используются данные эпиграфики и нумизматики. Наряду с работами общего характера³³, в которых рассматривается римская история на протяжении нескольких веков, уже в первой половине XIX в. появляются исследования европейских историков, посвященные истории отдельных регионов Римской империи³⁴; с середины века публикуются работы по истории правления некоторых императоров III в. н. э.³⁵; делаются попытки определить причины возникновения кризиса III века и установить место этого кризиса в истории Римской империи. Так, по мнению французского историка Симона де Сисмонди, частая смена правителей Рима в III в. н. э. вызывалась тем, что в условиях установленного законом порядка наследования императорской власти все решала военная сила; первые три с половиной века существования Римской империи он делил на четыре периода, третий из которых, продолжавшийся со 192 по 284 гг. н. э., определялся исследователем как период кризиса III века³⁶.

Во второй половине XIX — начале XX вв. большой вклад в изучение социально-политической истории Римской империи на всем протяжении ее существования и в III в. н. э. в частности внесли немецкие антиковеды. Они пытались выяснить причины упадка римского государства³⁷, изучали историю основных государственных учреждений Рима³⁸, эволюцию вооруженных сил римлян³⁹, историю правления конкретных римских императоров III в. н. э.⁴⁰.

На этот период приходится научная деятельность выдающегося исследователя античной истории Теодора Моммзена. Большое значение для развития антиковедения имели его активное участие в издании свода латинских надписей а также опубликованные им работы по истории римского государства. Некоторые вопросы социально-политического развития Римской империи Т. Моммзен рассматривал в "Истории Рима"⁴¹. Существенное влия-

ние на представления его современников о сущности событий римской истории в III в. н. э. оказали труды авторитетного ученого, в которых рассматривались вопросы римского права. В них Т. Моммзен приходит к заключению, что в период Принципата (I-II вв. н. э.) в Римской империи было двоевластие (диархия) императора и сената. Со смертью Александра Севера (235 г. н. э.) началась агония данной системы власти; император Галлиен отстранением сенаторов от командных постов в армии положил конец не только двоевластию, а и самой системе Принципата. Диоклетиан восстановил стабильность в государстве, но его реформы привели к созданию политической системы, совершенно отличной от существовавшей в период Принципата⁴².

Много внимания изучению социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. уделил в начале XX в. французский историк Л. Омо. Он исследовал историю политических учреждений римлян⁴³, а также правление римских императоров второй половины III в. н. э. — Галлиена, Клавдия II, Аврелиана⁴⁴. В работе, посвященной правлению Галлиена, Л. Омо фактически осуществил “реабилитацию” этого императора перед историей. Ученый обращает внимание на то, что негативная оценка Галлиена содержится в трудах просенатски настроенных латинских историков, древние же авторы из восточной части империи оценивают деятельность этого императора положительно. Он заключает, что Галлиен в чрезвычайно сложных условиях прилагал большие усилия для борьбы с внешними врагами империи и сохранения территориальной целостности государства и что у нас нет оснований считать этого императора плохим правителем. Исследуя правление Клавдия II и Аврелиана, Л. Омо проанализировал историю Галльской империи и Пальмирской державы, характер отношений их правителей с римскими императорами; скрупулезно рассмотрел восстание монетариев в Риме при Аврелиане; сделал вывод, что учреждение Аврелианом общегосударственного культа бога Солнца являлось политической и даже административной реформой, способствовавшей укреплению власти императора и делавшей легитимным деспотизм.

Довольно много обстоятельных исследований проблемы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. или отдельных ее аспектов было издано зарубежными историками в период между двумя мировыми войнами.

Еще во время I мировой войны О. Шульц издал труд, посвященный анализу системы Принципата⁴⁵, а вскоре после этого — специальное исследование⁴⁶, в котором он попытался определить место III века н. э. в истории Римской империи. По его мнению, и в эпоху Принципата, и на протяжении III в. н. э. римский сенат оставался источником права, и его решения о наделении принцепса определенными полномочиями были основой легитимности власти императора. Опираясь на свидетельства Аврелия Виктора, О. Шульц утверждал, что после смерти императора Проба сенат потерял власть и право избирать императора, а значит, с этого момента, а не с приходом к власти Диоклетиана, начался новый период истории Римской империи — период Домината. Коснувшись вопроса о Пальмирской державе, О. Шульц пришел к заключению, что целью Вабаллата было не отпадение от Рима, а установление своей власти над всей Римской империей.

Значительным событием в антиковедении межвоенного периода стала публикация в 1926 г. эмигрировавшим из России М. И. Ростовцевым фундаментального исследования по социально-экономической истории Римской империи⁴⁷. Период римской истории от гибели Александра Севера до провозглашения императором Диоклетиана он называл “великой социальной и политической революцией”⁴⁸, хотя в другом месте своего труда заявлял, что у него нет никаких сомнений в том, что кризис III века был не политическим, а социальным по характеру⁴⁹. По мнению ученого, в III в. н. э. в римском государстве происходила борьба между опиравшимся на армию императором и высшими классами империи. При этом сенат выражал интересы городской буржуазии⁵⁰, а армия еще во II в. н. э. потеряла связи с городами и превратилась в армию сельских жителей империи⁵¹. Таким образом, по М. И. Ростовцеву, главной движущей силой социальной революции III века выступал антагонизм между городом и селом, и борьба между ними продолжалась до тех пор, пока высшие классы не признали победы над ними полуварварских солдат⁵².

Труд М. И. Ростовцева получил большой отклик среди историков античности, был переведен на несколько европейских языков и принес автору мировую известность. И поныне имя этого ученого пользуется заслуженным авторитетом. Но позже концепция М. И. Ростовцева подверглась критике, и в настоящее время у нее мало приверженцев среди историков.

С 30-х годов вопросы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. начал исследовать выдающийся венгерский антиковед А. Альфельди. В результате многолетнего глубокого изучения римской истории он опубликовал работы, в которых анализировал события политической истории римского Востока в годы правления Галлиена и Клавдия II⁵³, излагал свои взгляды на кризис III века⁵⁴ и на особенности власти римских императоров⁵⁵. А. Альфельди был автором раздела 12-го тома "Кембриджской древней истории"⁵⁶, освещавшего развитие Римской империи в III в. н. э.

В своих работах ученый основательно исследовал различные аспекты проблемы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. Анализ свидетельств источников о Галльской империи привел его к выводу, что по характеру программа ее основателя Постума не являлась галльской, т. е. Постум не стремился к отпадению от Римской империи. Изучив изменения в составе римской армии на протяжении III в. н. э., историк заключил, что солдаты этого времени не были деклассированным элементом. Суть кризиса III века А. Альфельди видел в том, что в сложных условиях того времени в римском государстве не нашлось такого слоя населения, который вынес бы на себе всю тяжесть борьбы с трудностями. Только после того, как в борьбу за стабилизацию ситуации в государстве включились иллирийцы (историк называет их "сыновьями дунайской земли" — "die Söhne des Donaulandes"), империи удалось вывести из состояния кризиса⁵⁷. По определению А. Альфельди, большим счастьем для империи являлось то, что к этому времени уроженцы дунайских областей были уже полностью романизованы и повсеместно в империи боролись за величие Рима⁵⁸.

Установление фашистской диктатуры и господство нацистской идеологии повлияли на исторические построения некоторых ученых Германии. Так, Ф. Альтхайм, начиная с конца 30-х годов, опубликовал несколько работ, в которых с определенных позиций трактовалось социально-политическое развитие Римской империи в III в. н. э.⁵⁹ При рассмотрении кризиса III века он руководствовался учением Ранке о примате внешней политики, о том, что все народы и расы на Земле делятся на молодые и старые. Период от смерти императора Коммода до провозглашения императором Диоклетиана Ф. Альтхайм называл веком солдатских им-

ператоров. Кризис III века, по его мнению, Римская империя не могла легко преодолеть потому, что италики были уже старым народом (раньше, когда римляне были молодым народом, они легко выходили из кризисных ситуаций). В III в. н. э. в дверь империи стучались новые народы и расы, которые еще не сыграли свою роль в истории. Среди прочих народов и рас, населявших римское государство, в III в. н. э. выделились сирийцы и иллирийцы. Именно борьба между этими народами за господство в империи, а не классовая борьба, утверждал Ф. Альтхайм, определяла политическую жизнь Римской империи в III в. н. э. Поскольку сирийцы были изнежены жизнью в городах, они не могли быть достойными соперниками иллирийских легионов⁶⁰.

Конечно же, эта концепция не получила поддержки историков других стран и подверглась критике, в частности Е. М. Штаерман⁶¹.

В послевоенные годы проблему социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. изучали не только ученые многих стран Европы (Германии, Англии, Франции, Италии и др.), но и американские исследователи. Уже в первые десятилетия после окончания мировой войны были опубликованы труды по истории Римской империи в целом⁶²; работы, посвященные истории отдельных регионов Римской империи⁶³, истории правления конкретных римских императоров III в. н. э.⁶⁴, развитию главных политических учреждений римского государства⁶⁵, римской армии⁶⁶ и т. д.⁶⁷.

Начиная с 60-х годов много внимания вопросам социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. уделяет Г. Альфельди. К настоящему времени им опубликовано несколько серьезных исследований по этому периоду римской истории⁶⁸. По мнению ученого, еще во второй половине II в. н. э. в Римской империи начался общий (или тотальный), охвативший все сферы жизни государства кризис, вызванный не обострением социальных конфликтов, а усилением хозяйственных трудностей и варварских вторжений. Социальные же противоречия обострились из-за начавшегося кризиса. Развитию кризиса и его преодолению способствовали процессы, происходившие в римской армии. С усилением внешней опасности императоры III в. н. э. объединяют под единым командованием войска нескольких соседних провинций, что, наряду с укреплением связей солдат с гражданским населением провинций, ведет к образованию в империи нескольких военных групп

пировок (британской, рейнской, дунайской, восточной) и так называемых “военных сообществ” (“Militärgesellschaft”). Интересы последних не совпадают, и между ними идет борьба за возведение на императорский престол выразителя их интересов. Таким образом, армия перестала быть орудием власти в руках императора. Кризис был преодолен, по мнению Г. Альфельди, лишь тогда, когда в результате реформ Диоклетяна и Константина войска снова оказались под властью императора и возросло значение военного и бюрократического аппарата империи.

В 60 — 90-е годы интерес зарубежных антиковедов к событиям римской истории III в. н. э. не только не уменьшается, но значительно возрастает. В эти десятилетия проблема социально-политического развития Римской империи данного периода плодотворно исследуется европейскими и американскими учеными, а также историками из стран Азии, например Японии. История римского государства в III в. н. э. рассматривается в работах общего характера⁶⁹; публикуются исследования, посвященные кризису III века⁷⁰ или развитию отдельных регионов империи в период этого кризиса⁷¹; объектами изучения в других изданиях становятся римский сенат⁷², армия⁷³, императорская власть⁷⁴. Историки объединяют свои усилия в изучении проблемы развития Римской империи в III в. н. э., в результате чего публикуются сборники работ, освещающих этот период римской истории⁷⁵. Среди достаточно многочисленных римских императоров III в. н. э. особое внимание историков привлекает Галлиен⁷⁶.

Для публикаций зарубежных историков последнего времени характерно то, что их авторы все чаще не только отмечают негативные явления в социально-политической жизни империи в III в. н. э., но и обращают внимание на качественные положительные сдвиги в различных сферах римского государства, которые во многом определили особенности развития всего Средиземноморья в последующие столетия. Некоторые, особенно немецкие, антиковеды начинают вообще ставить под сомнение правомерность определения III в. н. э. как периода кризиса. Так, Ф. Кольб утверждал, что нет никаких оснований считать этот век кризисным периодом⁷⁷. С его мнением в целом согласен и другой немецкий исследователь — К. Штробель. В своем труде он стремится определить содержание понятия “кризис”. Сравнивая характерные черты развития Римской империи в III в. н. э. и процессы, присущие в

его понимании периода кризиса, К. Штробель приходит к заключению, что на протяжении этого столетия римское государство прошло через ряд кризисных ситуаций, но кризиса как такового в нем не было⁷⁸.

Таким образом, в течение трех веков проблема социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. была объектом изучения многих зарубежных антиковедов. Отдельные ее аспекты трактовались историками далеко не однозначно. Хотя на сегодняшний день уже опубликованы многочисленные статьи и монографии, посвященные римской истории III в. н. э., можно с уверенностью утверждать, что разработка этой проблемы в зарубежном антиковедении будет интенсивно продолжаться и в будущем.

Если учитывать, что российское антиковедение стало полноценной составной частью мировой историографии античности только к середине XIX в., нет ничего удивительного в том, что в России первые исследования, в которых рассматривались некоторые вопросы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э., появились лишь во второй половине XIX в., и их было совсем немного.

Весьма кратко римская история III в. н. э. освещалась в работах общего характера С. В. Ешевского⁷⁹ и И. В. Нетушила⁸⁰. На основании данных эпиграфики рассматривал роль армии в жизни римского государства Ю. А. Кулаковский⁸¹. По его мнению, острая политическая борьба в Римской империи в III в. н. э. была следствием того, что центральная власть допустила проникновение в отдельные части римской армии духа провинциализма⁸². Р. И. Шерцль затрагивал вопросы о роли сената в выпуске монет в период Империи и о восстании монетариев Рима в правление императора Аврелиана⁸³. А. С. Черноусов, несмотря на весьма обнадеживавшее название своей работы, фактически ограничился характеристикой трудов античных авторов, имеющих значение для изучения римской истории конца II — первой трети III вв. н. э.⁸⁴

Следовательно, приходится признать, что российские историки не внесли заметного вклада в изучение социально-политического развития Римской империи в III в. н. э.

В советском антиковедении римская история III в. н. э. первоначально не относилась к числу наиболее интенсивно исследуемых проблем. В начале 20-х годов события социально-политической жизни Римской империи в III в. н. э. нашли отражение в рабо-

тах научно-популярного характера. С. А. Жебелев⁸⁵ кратко излагал эти события и характеризовал источники по данному периоду истории Рима. В. С. Сергеев, который в то время принадлежал к так называемой школе М. Н. Покровского и разделял его мнение о существовании феодализма и торгового капитализма в государствах античности⁸⁶, также кратко осветил события политической жизни римского государства в III в. н. э. и утверждал, что одной из причин кризиса III века было своеобразное перерождение капиталистического хозяйства империи⁸⁷.

С 30-х годов проблема социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. стала исследоваться в советском антиковедении намного активнее. В большой степени возрастание интереса советских историков к этому периоду римской истории вызвало высказывание И. В. Сталина о том, что "... революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся"⁸⁸. Приняв на вооружение эту мысль Сталина, советские историки увидели в бурных событиях III в. н. э. второй этап социальной революции, которая привела к смене рабовладельческой формации феодальной (первый этап они относили к периоду кризиса Римской республики). Так, А. И. Тюменев называл кризис III века повторным кризисом в более широких географических рамках. В разворачивании кризиса, по его мнению, противоречия внутри господствующего класса не играли почти никакой роли, кризис был обусловлен почти исключительно революционным движением низов. Во время кризиса III века действовали две силы: революционное движение низов и германская иммиграция, которые сливались в один поток, смывший шаткое сооружение империи⁸⁹. Кризис III века, подчеркивал А. И. Тюменев, был не столько кризисом рабовладельческой системы, находившейся к этому времени в состоянии полного разложения, сколько выражением бессилия общества выйти из того тупика, в который его завело развитие античного рабовладельческого хозяйства. По выражению историка, это были бессильные и напрасные родовые потуги при рождении новой феодальной формации, завершившиеся успешно только благодаря хирургическому вмешательству германских варваров⁹⁰. В событиях кризиса, считал А. И. Тюменев, наряду с социальным моментом на первый план выступают сепаратистские стремления провинций⁹¹.

Как революцию рабов рассматривал события политической истории Римской империи конца II-IV вв. н. э. В. И. Недельский. Вопреки свидетельствам античных авторов он утверждал, что власть Максимиана Фракийца нашла поддержку широких народных масс; в лагерь этого императора стекались толпы беглых рабов, колонов, гладиаторов и городской бедноты; конфискованные у сенаторов земли Максимиан раздавал крестьянам и рабам, освобождая их от всех налогов⁹². По мнению В. И. Недельского, в 237 г. н. э. в Африке произошло восстание колонов и рабов, направленное против римского господства. Но их недовольством воспользовались рабовладельцы, провозгласившие императором крупного землевладельца и сенатора Гордиана⁹³.

С. И. Ковалев писал, что с убийством Александра Севера затянувшийся кризис империи перешел в революцию.⁹⁴ Он также считал, что в III в. н. э. складывается единый фронт рабов, колонов, городской бедноты империи и варваров против господствующего класса рабовладельцев⁹⁵. Рассматривая вопрос о социальной природе римской армии, С. И. Ковалев утверждал, что с эпохи Северов социальный состав римской армии изменился, она перестала быть профессиональной военщиной; особенно это касается пограничных легионов, которые состояли из крестьян, военных колонистов и варваров. Такая армия принимала участие в революции III века не столько в качестве деклассированной группы, сколько в качестве определенной классовой величины, отражавшей интересы крестьянских низов римского общества⁹⁶. В изданном позже учебнике истории Древнего Рима С. И. Ковалев выделял кризис империи (161-284 гг. н. э.) как один из периодов истории Римской империи⁹⁷, писал о том, что варваров во время их вторжений в римские владения поддерживали рабы и колоны⁹⁸; оценивал Доминат, установившийся при Диоклетиане, как дальнейшее развитие диктатуры имперских рабовладельцев, но отмечал, что к этому времени класс рабовладельцев превратился в класс землевладельцев полукрепостнического, полукрепостнического типа, т. е. это была военно-бюрократическая знать, являвшаяся главной социальной базой Домината⁹⁹.

Руководствуясь сталинским высказыванием о революции рабов, освещал развитие Римской империи в III в. н. э. в своих работах 30-х годов и В. С. Сергеев¹⁰⁰.

По сравнению с другими публикациями советских историков этого периода довольно глубоким исследованием была статья З. Мишиной. Посвященная анализу позиции римского сената по отношению к провозглашению императором Максимиана Фракийца¹⁰¹ статья написана на основе критического подхода к свидетельствам античных авторов, с привлечением эпиграфического и нумизматического материалов. Касаясь кризиса III века и выступления Максимиана, З. Мишина подвергает критике взгляды таких историков, как Э. Гиббон, А. Домашевский, М. И. Ростовцев, и приходит к выводу, что против Максимиана, опиравшегося на армию и бюрократический аппарат, временно сложилась коалиция всех слоев населения империи с сенатом, к которой позже присоединилась часть армии.

Приняв на вооружение сталинскую теорию революции рабов, советские историки проявляли повышенный интерес к народным движениям в Римской империи. В 40-50-е годы этой проблеме посвятил несколько публикаций А. Д. Дмитриев¹⁰². При рассмотрении данного аспекта социально-политической истории Римской империи в III в. н. э. он явно преувеличивал размах и продолжительность выступлений низов населения римского государства, писал о союзе рабов, свободной бедноты и варваров. Особенно это было характерно для его статьи, посвященной движению багдаудов на Западе империи, которую позже критиковал А. Р. Корсунский¹⁰³.

Несомненно, наибольший вклад в изучение проблемы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. среди советских историков внесла Е. М. Штаерман. Ряд аспектов проблемы освещается в ее научных статьях и монографиях, она — автор соответствующего раздела во 2-м томе “Всемирной истории”. В работах, изданных в 40-х — начале 50-х годов¹⁰⁴, Е. М. Штаерман также писала о революции рабов, союзе рабов, колоннов и варваров, феодализации империи. Наиболее детально свои взгляды на особенности развития Римской империи во II-III вв. н. э. она изложила в известной монографии “Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи”. Перед тем, как раскрыть собственное видение проблемы, автор критически проанализировала взгляды “буржуазных” историков — М. И. Ростовцева, Ф. Альтхайма, А. Кальдерини. По ее мнению, события политической истории Римской империи во II-III вв. н. э. достаточ-

но детально освещены в отечественной учебной литературе, поэтому она решила сосредоточить внимание на социально-экономическом развитии римского государства в этот период¹⁰⁵. Согласно концепции Е. М. Штаерман, с последних десятилетий II до конца III вв. н. э. Римская империя переживала всеобщий кризис, который был проявлением кризиса рабовладельческого способа производства в римском государстве. В этот период в римском обществе шла борьба между крупными землевладельцами, уже не связанными со старым способом производства, и муниципальными земле- и рабовладельцами. Причем, в западных провинциях Римской империи главными соперниками земельной знати являлись солдаты римской армии, также представлявшие собой социальную группу, связанную с рабовладельческими отношениями¹⁰⁶. В глазах современников борьба между этими слоями населения империи принимала вид борьбы между “сенатскими” и “солдатскими” императорами¹⁰⁷. В то же время в римском обществе обострялись противоречия между господствующими классами и эксплуатируемыми массами. Большой размах народные движения в период кризиса III века приобрели потому, что происходило сближение рабов и свободных эксплуатируемых¹⁰⁸. В годы правления императора Галлиена социальная группа, представлявшая античную форму собственности, предприняла последнюю активную попытку отстоять свое существование¹⁰⁹. Создание Галльской империи было проявлением сепаратизма крупных землевладельцев римского Запада, чьими ставленниками выступали правители этого государственного образования¹¹⁰. Борьба внутри господствующих классов закончилась компромиссом, на который они пошли по причине обострения классовой борьбы (последний правитель Галльской империи вернулся под власть Рима из страха перед движением багаудов, а крупные собственники Африки не сделали ни одной серьезной попытки отделиться от Рима потому, что в Африке народные выступления начались раньше, чем в Галлии, а собственных сил для борьбы с эксплуатируемыми у африканских богачей не было¹¹¹). В целом же кризис III века закончился временным поражением народных масс и окончательным поражением муниципальных рабо- и землевладельцев¹¹².

Эта концепция кризиса III века оказала большое влияние на марксистскую историографию. Ее взяли на вооружение не только советские историки, но и антиковеды стран социалистического

содружества¹¹³. В "буржуазном" же антиковедении ее подвергли критике¹¹⁴.

Рецензию на монографию Е. М. Штаерман опубликовал В. Н. Дьяков, отметивший в фундаментальном исследовании и слабые места (мало внимания уделялось внешнеполитическому положению империи; в возникновении Галльской империи и Пальмирской державы большую роль, наряду с развитием крупного землевладения, сыграла необходимость борьбы с внешней опасностью; солдаты римской армии имели общие интересы скорее с крестьянами, чем с мелкими городскими землевладельцами). Вместе с тем он дал монографии высокую оценку, подчеркнув, что ни в советской, ни в зарубежной историографии нет столь обстоятельного исследования характерных черт развития Римской империи в сложный период кризиса III века¹¹⁵.

Сам В. Н. Дьяков планировал издать монографию, посвященную политической истории Римской империи в период кризиса III века, но смерть помешала осуществить задуманное. Уже после его смерти был опубликован отрывок из рукописи монографии, в котором В. Н. Дьяков весьма детально излагал события политической жизни римского государства в середине III в. н. э.¹¹⁶

Со второй половины 50-х годов, после разоблачения культа личности Сталина, советские историки перестали освещать социально-политическое развитие Римской империи в III в. н. э. в соответствии с теорией революции рабов. Однако вместе с этим наметилось снижение интереса советских антиковедов к данному периоду римской истории. Все же отдельные вопросы социально-политической истории римского государства в III в. н. э. ими рассматривались.

О. В. Кудрявцев называл кризис III века первым этапом общего кризиса рабовладельческого строя в Средиземноморье¹¹⁷. В результате прихода к власти Максимиана Фракийца, считал историк, период военной монархии в Римской империи сменился периодом военной анархии, но осуществленный Максимином переворот был не социальной революцией, а симптомом самого глубокого кризиса рабовладельческого типа производственных отношений в рамках античного мира¹¹⁸.

С 50-х годов проблему взаимоотношений римлян с их северными соседями в III в. н. э. изучает А. М. Ременников. В его публикациях¹¹⁹ наряду с подробным анализом конкретных военных

столкновений римлян с племенами Северного Причерноморья, Подунавья и Приднестровья содержится краткая характеристика социально-политического развития Римской империи в III в. н. э.

Отдельные вопросы социально-политического развития придунайских провинций Римской империи в III в. н. э. (попытки узурпации императорской власти Ингенуем и Регалианом, взаимоотношения римлян с варварскими племенами в этом регионе и др.) рассмотрены в исследованиях Ю. К. Колосовской¹²⁰.

Обстоятельства образования Пальмирской державы и характер взаимоотношений ее правителей с римскими императорами середины III в. н. э. освещаются в историческом очерке И. А. Стучевского¹²¹.

Весьма глубоко процесс усиления Пальмиры исследовал также И. Ш. Шифман. По его мнению, в III в. н. э. Римская империя находилась в состоянии социально-экономического кризиса, изучение которого важно для понимания закономерностей перехода от рабовладельческого общества к феодальному¹²². Императора Галлиена он характеризовал как явно не способного для ведения государственных дел¹²³.

Спустя 20 лет после издания своей монографии о кризисе рабовладельческого строя на Западе империи Е. М. Штаерман опубликовала очерк о кризисе III века. В нем этот кризис она назвала кризисом рабовладельческих отношений в Римской империи¹²⁴ (в вышеохарактеризованной монографии кризис определялся как проявление кризиса рабовладельческого строя). Данный тезис Е. М. Штаерман стал толчком к публикации статьи Н. Н. Беловой и М. Я. Сюзюмова. Авторы статьи утверждали, что кризис III века не был кризисом рабовладельческого строя в целом. По их мнению, общая нестабильность империи в III в. н. э. обуславливалась продолжением традиционной политики управления государством, как государством-полисом, и концентрации богатств в городе Рима¹²⁵. Однако обоснование такой трактовки причин возникновения кризиса III века в статье нельзя признать достаточно убедительным.

Это же можно сказать и о мнении относительно характера кризиса III века, высказанном А. В. Игнатенко. Хотя ее статья была опубликована в 1980 г., в ней идет речь о подъеме выступлений низов населения Римской империи в III в. н. э., о солдатах, как союзниках народных масс, о движении багаудов, как причине сда-

чи Тетрика Аврелиану. В целом же, считает А. В. Игратенко, кризис III века (хотя и был по своему характеру социально-экономическим и политическим одновременно) — прежде всего кризис Римской военной организации¹²⁶.

В последнее десятилетие интенсивность изучения проблемы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. советскими историками существенно не изменилась. Но ее исследование продолжалось.

Внешнеполитическое положение империи и развитие римских вооруженных сил в III в. н. э. рассматриваются в публикациях В. Н. Дряхлова¹²⁷ и Е. П. Глушанина¹²⁸.

Белорусский историк В. А. Федосик в двух монографиях глубоко осветил историю христианской церкви и характер взаимоотношений между христианами и римской императорской властью на протяжении III в. н. э. Свои взгляды по вопросам о причинах возникновения кризиса III века, его характере и продолжительности он не раскрывал, а лишь показал, как трактовались эти аспекты проблемы в советском антиковедении на момент издания его работ¹²⁹.

В монографии М. Г. Абрамзона¹³⁰ содержится детальная характеристика монетного производства Римской империи в III в. н. э., тщательно рассматривается вопрос пропаганды с помощью выпуска монет официальной политики императорами этого времени, показывается роль сената в выпуске монет, анализируются денежные реформы Аврелиана и Диоклетиана, идет речь о восстании монетариев города Рима в годы правления Аврелиана.

Оригинальную концепцию характера кризиса III века и его места в истории римского государства предложил в своей книге А. В. Коптев. По его мнению, никаких оснований для того, чтобы говорить о каких-либо качественных изменениях в системе рабовладельческих отношений Римской империи во II-III вв. н. э., нет. Те процессы, которые происходили в области социальных отношений империи данного периода, были вызваны расширением гражданского коллектива в результате эдикта Каракаллы. Связанные с этим эдиктом изменения в соотношении классов стали требовать переорганизации политической системы. Из-за неполной отделенности политического строя ранней империи от строя социального кризис III века, хотя и соотносился в своих проявлениях с политическими неурядицами и экономическими проблема-

ми, может быть определен как кризис социально-политический. А. В. Коптев считает, что социально-политические катаклизмы “эпохи солдатских императоров” по существу являлись той общественной формой, в которой вызревало новое качество политической системы “домината”. Доминат же представлял собой политическую структуру, адекватную новой социальной ситуации, вызванной к жизни эдиктом Каракаллы. Резкого разрыва в общественном строе ранней и начала поздней империи, убежден историк, не существовало. Поздняя империя была закономерным этапом в развитии римской гражданской общины, выступавшей в виде социально-политического организма. Поэтому, утверждает он далее, формальным началом эпохи поздней античности можно считать 212 г. н. э., год распространения прав римских граждан на всех свободных жителей Римской империи¹³¹.

Таким образом, А. В. Коптев фактически предлагает делить историю Римской империи на два периода — Принципат (до 212 г. н. э.) и Доминат (после 212 г. н. э.) и не видит в социально-политическом развитии римского государства на протяжении III в. н. э. ничего такого, что позволяло бы считать это столетие отдельным периодом римской истории.

Представляется, что в концепции А. В. Коптева преувеличивается влияние эдикта Каракаллы на социально-политические отношения в Римской империи, не принимаются во внимание изменения в социальном составе и идеологии римской армии, не учитывается влияние на развитие империи отношений римлян с их соседями. Это не позволяет соглашаться с изложенной концепцией историка.

Таким образом, вопросы социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. на протяжении достаточно долгого времени привлекали внимания большого количества исследователей. Результатом их изучения проблемы в целом или отдельных ее аспектов является весьма обширная историография по теме. Однако анализ этой историографии показывает, что и на сегодня некоторые вопросы данной проблемы не могут считаться разрешенными с достаточной глубиной и несомненно верно. На наш взгляд, в советском антиковедении продолжает господствовать неправильное представление о роли сената и армии в политической жизни Римской империи в III в. н. э. Недостаточно убедительной представляется также трактовка советскими историками воп-

роса о так называемом сепаратизме римских провинций в период кризиса III века. В зарубежном антиковедении продолжают неоднозначно решаться вопросы о характере кризиса III века, его продолжительности, особенностях его развития, месте данного кризиса в истории римского государства. Именно на этом круге вопросов социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. и будет сосредоточено внимание в предлагаемой читателю публикации¹³².

Сноски и примечания.

- ¹ Dio's Roman history with an english translation by E. Cary; In 9 vol. Vol. 9. — London: Cambridge; Massachusetts, 1955.
- ² Herodiani ab excessu divi Marci libri octo / Ed. C. Stavenhagen. — Stutgardiae, 1967; Геродиан. История императорской власти после Марка. Кн. I-VIII // ВДИ. — 1972. — № 4; 1973. — № 1.
- ³ Доватур А. И. Историк Геродиан // ВДИ. — 1972. — № 1. — С. 237-238.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Dexippi Fragmenta // Historici Graeci minores: In 4 vol. — Vol. 1. Lipsiae, 1870. — P. 165-200; E libris Dexippi Atheniensis. Excerpta de legationibus gentium ad romanos // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars 1. — Bonnae, 1829. — P. 11-20.
- ⁶ Scriptores historiae Augustae: In 2 vol. — Lipsiae, 1955; Авторы жизнеописаний Августов // ВДИ. — 1958. — № 3-4; 1959. — № 1-4; 1960. — № 1.
- ⁷ См.: Dietz K. — H. Senatus contra principem. Untersuchungen zu senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Thrax. — München, 1980. — S. 36.
- ⁸ По выражению А. Камерон, при чтении сборника возникает ощущение, что имеешь дело не с историческим источником, а с бульварной газетой (См.: Cameron A. Das späte Rom. 284-430 n. Chr. — München, 1994. — S. 22).
- ⁹ Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. — М., 1981. — С. 109.
- ¹⁰ Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus / Ed. R. Gruendel. — Lipsiae, 1966; Аврелий Виктор С. О Цезарях // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. — М., 1997. — С. 77-125.

- 11 Eutropii Breviarium ab urbe condita / Ed. F. Ruehl. — Lipsiae, 1901; Евтропий. Краткая история от основания Города // Римские истории IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. — М., 1997. — С. 5-73.
- 12 Lactantius, Lucius Caелиus Firmianus. De mortibus persecutorum / Cum notis S. Balusii. — Broedelet, 1693.
- 13 Eusebii Pamphili Ecclesiastica historia / Henrico Valesio interprete. — Moguntiae, 1672.
- 14 Eusebius (Pamphilus)/ Chronicorum libri 2 / Ed. A. Schoene. — Berolini, 1873.
- 15 Видным деятелем христианской церкви в III в. н. э. был Киприан. Его произведения имеют большое значение для изучения истории взаимоотношений между императорской властью и христианами рассматриваемого периода. Но важных сведений по социально-политическому развитию Римской империи они не содержат. О Киприане и его творчестве см.: Федосик В.А. Киприан и античное христианство. — Минск, 1991.
- 16 XII Panegyrici latini / Ed. A. Boehreus. — Lipsiae, 1574.
- 17 Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. — Vindobona, 1882.
- 18 Zosime Histoire nouvelle. Tome 1 (Livres 1 et 2) / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. — Paris, 1971.
- 19 Malala I. Chronographia / Ex rec. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
- 20 Georgius Syncellus et Nicephorus Cp. Opera. Vol. 1. — Bonnae, 1829.
- 21 Georgii Cedrini compendium historiarum / Ex versione G. Xylandri, cum eiusdem annotationibus. — Venetiis, 1729.
- 22 Zonara I. Annales / Ex rec. M. Pinderi: in 2 vol. — Bonnae, 1844.
- 23 Corpus inscriptionum latinarum: In 15 vol. — Berolini, 1863-1909; Inscriptiones latinae selectae / Ed. H. Dessau: In 3 vol. — Berolini, 1892-1914; L'annee epigraphique. Revue des publications epigraphiques relatives a l'antiquite romaine. — Paris, 1890-1991; Willeumier P. Inscriptiones latines des trois Gaules. — Paris, 1963.
- 24 Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. T. 3 / Ed. R. Cagnat. — Paris, 1906; Dittenberger G. Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. 1-4. — Lipsiae, 1915-1924.
- 25 Choix d'inscriptions de Palmyre / Traduites et commentees par J. B. Chabot. — Paris, 1922; Coutineau J. Inventoire des inscriptions de Palmyre. Fasc. 1: La grande colonnade. — Beyrouth, 1930.

- 26 The Oxyrhynchus Papyri. Vol. 1-27. — London, 1898-1952; Wilcken H., Mitteis L. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde. — Hildesheim; Olms, 1963.
- 27 Cohen H. Description historique des monnaies frappees sous l'Empire romain communent appellees medailles imperiales. T. 3-5. — Paris, 1883-1885; The Roman imperial coinage. Vol. 5. Part 2 / Ed. H. Mattingly and E. Sydenham. — London, 1933; Elmer G. Die Münzprägung der gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand // Bonner Jahrbücher. — Hf. 146. — Darmstadt, 1941. — S. 1-106; Robertson A. S. Roman imperial coins in the Hunter coin cabinet university of Glasgow. Vol. 4: Valerian to Allectus. — Oxford, 1978; Carson R. A. G. Principal coins of the Romans. Vol. 2: The Principate 31 B. C. — A D 296. — London; Wisbech, 1980.
- 28 Iustiniani Digesta / Recogn. Th. Mommsen // Corpus iuris civilis. Vol. 1. — Berolini, 1899; Codex Iustinianus / Recogn. P. Krueger // Corpus iuris civilis. Vol. 2. — Berolini, 1895.
- 29 Jones A. H. M. The Later Roman empire. 284 — 602. A social, economic and administrative survey. Vol. 1. — Oxford, 1973. — P. 23.
- 30 De Tillemont S. L. Histoire des empereurs et des autre princes, qui ont regne durant les six premiers siecles de l'eglise. P. 1-6. — Paris, 1696-1738; Crevier V. Histoire des empereurs romains depuis Auguste jusqu'a Constantin. P. 1-3. — Paris, 1750-1753; Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи / Пер. с англ. Ч. 1. — М., 1883.
- 31 Гиббон Э. История упадка ... Ч. 1... — С. 358.
- 32 Там же. — С. 403 — 404.
- 33 Duruy V. Histoire des romaines. T. 6. — Paris, 1879; Merivale Ch. History of the Romans under Empire. Vol. 1-7. — New York, 1852 — 1862; Hertzberg G. F. Geschichte des römischen Kaiserreiches. — Berlin, 1880.
- 34 Thierry A. Histoire de la Gaule sous l'administration romaine. T. 2. — Paris, 1847.
- 35 Bernhardt Th. Geschichte Roms von Valerian bis zu Diokletians Tode (253-313 n. Chr.). 1. Abth. — Berlin, 1867; Preuss Th. Kaiser Diokletian und seine Zeit. — Leipzig, 1869.
- 36 Simonde de Sismondi J. C. L. Histoire de la chute de l'Empire Romain et du declin de la civilisation, de l'an 250 a l'an 1000. T. 1. — Paris, 1835. — P. 40, 56.

- 37 Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 1-6.— Berlin, 1897-1920.
- 38 Marquardt K. J. Römische Staatsverwaltung. Bd. 1-3. — Leipzig, 1881-1885; Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer. — München, 1893.
- 39 Von Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. — Bonn, 1908.
- 40 Dannhäuser E. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Probus (276-282). — Jena, 1909.
- 41 Моммзен Т. История Рима. Т. 5 / Пер. с нем. — М., 1949.
- 42 Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. 1-3. — Leipzig, 1888; Eiusd. Abriss des römischen Staatsrechts. Neue ungekürzte Ausgabe. — Darmstadt, 1982.
- 43 Homo L. Les institutions politiques romaines. — Paris, 1927.
- 44 Homo L. L'Empereur Gallien et la crise de l'Empire Romain au IIIe siècle // Revue historique. — CXIII (May-August 1913). — P. 1-22; 225-267; Eiusd. De Claudio Gothico, romanorum imperatore (268-270). — Lutetiae Parisiorum, 1908; Eiusd. Essai sur le regne de l'empereur Aurelien (270-275). — Paris, 1904.
- 45 Schulz O. Th. Das Wesen des römischen Kaisertums der ersten zwei Jahrhunderte. — Paderborn, 1916.
- 46 Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat. Das Wesen des römischen Kaisertums des dritten Jahrhunderts. — Paderborn, 1919.
- 47 Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman empire. Vol. 1-2. 2nd ed. — Oxford, 1957.
- 48 Ibid. Vol. 1. — P. 448.
- 49 Ibid. — P. 500.
- 50 Ibid. — P. XII.
- 51 Ibid. — P. 128.
- 52 Ibid. — P. 495-497.
- 53 Alföldi A. Die römische Münzprägung und die historischen Ereignisse im Osten zwischen 260 und 270 n. Chr. // Berytus. — 1938. — Vol. 5. — Fasc. 1. — S. 47-91.
- 54 Alföldi A. La Grande Crise du Monde Romain au 3e siècle // L'Antiquité Classique. — 1938. — T. 7. — P. 5-18; Eiusd. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. — Darmstadt, 1967.

- 55 Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. — Darmstadt, 1970.
- 56 The Cambridge ancient history. Vol. 12: The imperial crisis and recovery A.D. 193-324. — Cambridge, 1939.
- 57 Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 228.
- 58 Ibid. — S. 384.
- 59 Altheim F. Die Soldatenkaiser. — Frankfurt a. M., 1939; Eiusd. Die Krise der alten Welt im 3. Jahrhundert n. Chr. und ihre Ursachen. 3. Bd.: Gotter und Kaiser. — Berlin; Dahlem, 1943; Eiusd. Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen. 2 Bd.: Imperium Romanum. — Frankfurt a. M., 1952.
- 60 Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 13, 14, 144.
- 61 См.: Штраерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957. — С. 4-7.
- 62 Boack A. E. R. A History of Rome to 565 A. D. — New York, 1945; Nilsson M. P. Imperial Rome. — New York, 1962.
- 63 Julien Ch. — A. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie — Algerie — Maroc. Des origines a la conquete arabe (647 Ap. J. — C.). — Paris, 1951; Birley E. Roman Britain and the Roman Army. — Kendal, 1953; Hatt J. J. Histoire de la Gaule Romaine (120 avant J. — C. — 451 apres J. — C.). Colonisation ou colonialisme? 2e éd. Revue et corrigee. — Paris, 1966.
- 64 Manni E. L'impero di Gallieno. Contributto alla storia del III secolo. — Roma, 1949; Vitucci G. L'imperatore Probo. — Roma, 1952; Calderini A. I Severi. La crisi dell'Impero nel III secolo. — Bologna, 1949.
- 65 Barbieri G. L'Albo Senatorio da Settimio Severo a Carino (193-283). — Roma, 1952; Degrassi A. I fasti consolari dell'impero Romano dal 30 a. C. al 613 d. C. — Roma, 1952; Jones A. H. M. Studies in roman government and law. — Oxford, 1960.
- 66 Van Berchem D. L'Armee de Diocletien et la reforme Constantinienne. — Paris, 1952; Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. — Milano; Roma, 1953.
- 67 Детальный обзор публикаций о кризисе III века в Римской империи, изданных в 1939-1959 гг., см.: Walser G., Pekary Th. Die Krise des römischen Reiches. Bericht über die Forschungen zur Geschichte des 3. Jahrhunderts (193-284 n. Chr.) von 1939 bis 1959. — Berlin, 1962.
- 68 Alföldy G. Die Legionslegaten der römischen Rheinarmeen // Epigraphische Studien. 3. — Köln; Graz, 1957; Eiusd. Fasti Hispa-

- nienses. Senatorische Reichsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des römischen Reichs von Augustus bis Diokletian. — Wiesbaden, 1969; Eiusd. Die Generalität des römischen Heeres // Bonner Jahrbucher. — Bd. 169 (1969). — S. 233-246; Eiusd. Noricum. — London; Boston, 1974; Eiusd. Römische Sozialgeschichte. 3. völlig überarb. Auflage. — Wiesbaden, 1984; Eiusd. Die römische Gesellschaft. Ausgew. Beitr. — Stuttgart, 1986; Eiusd. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962-1985. — Amsterdam, 1987; Eiusd. Die Krise des Römischen Reiches: Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgew. Beitr. — Stuttgart; Wiesbaden, 1989.
- ⁶⁹ Petit P. Histoire generale de l'Empire Romain. — Paris, 1974; Bengston H. Grundris der römischen Geschichte. — München, 1982; Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zu Konstantin. — München, 1988.
- ⁷⁰ Grant M. The Climax of Rome. The final achievement of the Ancient world A. D. 161 — 337. — Boston; Toronto, 1968; Remondon R. La crise de l'Empire Romain. De Marc-Aurele a Anastase. — Paris, 1964; Mazza L. Lotte sociali e restaurazione autoritaria nel 3 secolo d. C. — Catania, 1970.
- ⁷¹ Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193 — 284). — Budapest, 1982; King A. Roman Gaul and Germany. — Berkeley etc., 1990.
- ⁷² Talbert R. J. A. The Senate of imperial Rome. — New Jersey, 1984; Christol M. Essai sur l'evolution des carrieres senatoriales dans la seconde moitie du IIIe siecle ap. J. — C. — Paris, 1986; Chastagnol A. Le Senat romain a l'epoque imperiale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. — Paris, 1992.
- ⁷³ Ichikawa M. The Roman Army and Crisis of the Third Century A. D. // Kodai. — 1992. — N 3. — P. 45-55.
- ⁷⁴ Millar F. The Emperor in the Roman World (31 B. C. — AD 337). — London; New York, 1977; Campbell J. B. The Emperor and the Roman army: 31 B. C. — AD 235. — Oxford, 1984.
- ⁷⁵ The Roman West in the Third Century. Vol. 1-2 / Ed. A. King, E. Henig. — Oxford, 1981; Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert: Studien zu ausgewählten Problemen / Hrsg. von K. — P. Johne. — Berlin, 1993.
- ⁷⁶ De Blois L. The policy of the emperor Gallienus. — Leiden, 1976; Pflaum H. G. Zur Reform des Kaisers Gallienus // Historia. — Bd. 26 (1976). — S. 109-117; Christol M. Les reformes de Gallien et la carriere senatoriale // Tituli. — 1982. — N 4. — P. 143-166.

- ⁷⁷ Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte im Römischen Reich des 3. Jahrhunderts n. Chr. // Beihefte der Bonner Jahrbücher. — 1977. — Bd. 39. — S. 277.
- ⁷⁸ Strobel K. Das Imperium Romanum im "3. Jahrhundert". Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr. — Stuttgart, 1993. — S. 341-345.
- ⁷⁹ Ешевский С. В. Центр римского мира и его провинции // Соч.: В 2 т. Т. 1. — М., 1870. — С. 123-280.
- ⁸⁰ Нетушил И. В. Обзор римской истории. — Харьков, 1916.
- ⁸¹ Кулаковский Ю. Армия в Римской империи. — Б. М., б. г.; Его же. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Эпиграфическое исследование. — Киев, 1881.
- ⁸² Кулаковский Ю. Армия в Римской империи ... — С. 2.
- ⁸³ Шерцль Р. И. Римское монетное дело. — Харьков, 1893.
- ⁸⁴ Черноусов А. Е. Очерки по истории Римской империи 180 — 235 гг. Подготовка смуты III века. — Харьков, 1911.
- ⁸⁵ Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 2. Императорская эпоха. — Пгт., 1923.
- ⁸⁶ Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1980. — С. 333.
- ⁸⁷ Сергеев В. С. История Древнего Рима: Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении. — М., 1922. — С. 119.
- ⁸⁸ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. — М., 1945. — С. 412.
- ⁸⁹ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. — М.; Л., 1935. — С. 265-266.
- ⁹⁰ Там же. — С. 267.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Недельский В. И. Революция рабов и происхождение христианства. — М.; Л., 1936. — С. 10, 48-49.
- ⁹³ Там же. — С. 50.
- ⁹⁴ Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. — Л., 1936. — С. 256.
- ⁹⁵ Там же. — С. 266.
- ⁹⁶ Там же. — С. 263.

- ⁹⁷ Ковалев С. И. История Рима. — Л., 1948. — С. 483.
- ⁹⁸ Там же. — С. 657.
- ⁹⁹ Там же. — С. 691-692.
- ¹⁰⁰ См.: Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима. Ч. 1-2. — М., 1938; Его же. Кризис III века // Историк-марксист. — 1938. — Кн. 3. — С. 52-79.
- ¹⁰¹ Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената // ВДИ. — 1938. — № 3. — С. 133-146.
- ¹⁰² См.: Дмитриев А. Д. Движение багаудов // ВДИ. — 1940. — № 3-4. — С. 101-114; Его же. Падение Дакии (к вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров) // ВДИ. — 1949. — № 1. — С. 76-85; Его же. Народные движения в восточно-римских провинциях в период дунайских войн III в. (236-278 гг.) // Византийский временник. — 1956. — Т. 8. — С. 97-126.
- ¹⁰³ См.: Корсунский А. Р. Движение багаудов // ВДИ. — 1957. — № 4. — С. 71-87.
- ¹⁰⁴ Штаерман Е. М. Африканские восстания III века // ВДИ. — 1948. — № 2. — С. 65-74; Рабство в III — IV вв. в западных провинциях Римской империи // ВДИ. — 1951. — № 2. — С. 84-105; Ее же. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. — 1953. — № 2. — С. 51-79.
- ¹⁰⁵ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 17.
- ¹⁰⁶ Там же. — С. 12-13, 117, 305-306.
- ¹⁰⁷ Там же. — С. 321.
- ¹⁰⁸ Там же. — С. 117.
- ¹⁰⁹ Там же. — С. 448.
- ¹¹⁰ Там же. — С. 464-468.
- ¹¹¹ Там же. — С. 467-474.
- ¹¹² Там же. — С. 509.
- ¹¹³ См.: Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. — Berlin, 1974; Die Römer an Rhein und Donau. Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung der römischen Provinzen an Rhein und unterer Donau im III und IV Jahrhundert. — Berlin, 1975.
- ¹¹⁴ См.: Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 279; Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian. 284-565 n. Chr. — München, 1989. — S. 38.

- 115 Дьяков В. Н. [Рецензия] // ВДИ. — 1958. — № 4. — С. 122-129. — Рец. На кн.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
- 116 Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // ВДИ. — 1961. — № 1. — С. 84-107.
- 117 Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М., 1957. — С. 239.
- 118 Там же. — С. 203.
- 119 См.: Ременников А. М. Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250-251 гг. // ВДИ. — 1951. — № 2. — С. 201-210; Его же. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. — М., 1954; Его же. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. н. э. // ВДИ. — 1964. — № 4. — С. 131-138; Его же. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. — Казань, 1984.
- 120 См.: Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. — 1955. — № 3. — С. 63-84; Ее же. Паннония в I—III веках. — М., 1973; Ее же. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии // ВДИ. — 1988. — № 4. — С. 20-37.
- 121 Стучевский И. А. Пальмира // ВИ. — 1970. — № 2. — С. 211-218.
- 122 Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата (I-III вв. н. э.). — М., 1977. — С. 3.
- 123 Там же. — С. 288.
- 124 Штаерман Е. М. Кризис III века в Римской империи // ВИ. — 1977. — № 5. — С. 142.
- 125 Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1978. — Сб. 15. — С. 19-20.
- 126 Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ) // Правовые идеи и государственные учреждения. — Свердловск, 1980. — С. 20-32.
- 127 Дряхлов В. Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их

влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. — 1987. — № 2. — С. 151-168.

- ¹²⁸ Глушанин Е. П. Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпоху. — Горький, 1985. — С. 95-105; Его же. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. — 1987. — № 2. — С. 51-73.
- ¹²⁹ См.: Федосик В. А. Церковь и государство. Критика богословских концепций. — Минск, 1988; Его же. Киприан и античное христианство. — Минск, 1991.
- ¹³⁰ Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. — М., 1995.
- ¹³¹ Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. — Вологда, 1995. — С. 11, 18, 29.
- ¹³² Вопрос о народных движениях в Римской империи в период кризиса III века в данной работе не рассматривается. См. об этом: Сергеев И. П. О масштабах выступлений низов населения Римской империи в период кризиса III века // Вісн. Харк. держ. ун — ту. — 1997. — № 396. — С. 8-14.

Глава 1. Сенат и армия в политической жизни Римской империи в III веке н. э.

Согласно господствующей в советском антиковедении концепции, политическая история Римской империи в III в. н. э. определялась борьбой внутри господствующих слоев населения римского государства. При этом сенат рассматривается как оплот крупных землевладельцев, уже не связанных со старым способом производства, а армия — как защитник интересов мелких и средних муниципальных собственников, по-прежнему ведущих свое хозяйство на основе эксплуатации рабского труда. Выяснение роли сената и армии в политической жизни Римской империи в этот период необходимо для установления действительного характера кризиса III века и определения его места в истории Рима.

1.1. Сенат и армия Римской империи к началу III в. н. э.

Место сената и армии в римском государстве эпохи ранней Империи было обусловлено особенностями политического строя римлян этого времени — системы Принципата, основы которой были заложены в правление Октавиана Августа. Стремясь узаконить свое особое положение в государстве, Август на заседании сената 13 января 27 г. до н. э. отказался от всех чрезвычайных полномочий и “возродил республику”, но снова получил власть по решению высших органов власти Рима — сената и народного собрания. В результате фактически глава государства, принцепс (т. е. стоящий первым в списке членов римского сената), с юридической точки зрения, являлся не наследственным монархом, а своего рода чрезвычайным магистратом¹. Официально же высшим законодательным органом римлян оставалось народное собрание (комиции), которое принятием “закона об империи” (*lex de imperio*) наделяло принцепса определенными правами и полномочиями (*Dig. I. 4, 1; Gaius. Inst. I, 5*). Однако текст этого закона вырабатывался на заседании сената, и, поскольку на практике комиции никаких поправок и дополнений в этот текст не вносили, в действительности принцепс получал свою власть от сената. Вследствие того, что полномочия принцепса не только не передавались по наследству, но и законом не устанавливалось, кому они должны передаваться в случае, например, смерти принцепса, по существу

именно сенат решал вопрос о назначении нового главы государства, т. е. признание сенатом было основой легитимности власти нового правителя Рима².

В течение I — II вв. н. э. происходит процесс становления новой системы государственных органов римлян. Изменяется и положение сената в этой системе. С одной стороны, его роль увеличивается по мере падения роли народного собрания. Уже при императоре Тиберии выборы магистратов производят «сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле» (Тас. Ann. I, 15). К концу II в. н. э. римские юристы признают решения сената (*senatusconsulta*) имеющими такую же силу закона, как и постановления коммий³. Но с другой стороны, значение сената в управлении государством по мере формирования императорского бюрократического аппарата и расширения компетенции принцепса все более уменьшалось. В литературе встречаются утверждения, что к концу II в. н. э., и особенно со времени правления Септимия Севера, сенат фактически перестал влиять на управление Римской империей⁴. Однако другие современные историки считают, что и к началу III в. н. э. римский сенат оставался достаточно важным органом государственной власти, а для императоров признание их сенатом имело большое значение⁵.

В рассматриваемый период римский сенат представлял собой коллективный орган⁶. Со времен Августа членом сената мог быть римский гражданин, дед и отец которого имели сенаторское достоинство, при условии обладания имуществом стоимостью в 1 млн. 200 тыс. сестерциев (Dio. 56. 41, 3; Sueton. Aug. 41). При Тиберии имущественный ценз был снижен до 1 млн. сестерциев (Тас. Ann. I, 75). Кроме того, чтобы быть включенным в состав сената, следовало в установленном возрасте (не моложе 25 лет) в течение года выполнять магистратские обязанности квестора⁷. Император мог влиять на формирование состава сената путем исключения из него, в силу своих цензорских полномочий, определенных людей или включения нужных ему лиц в разряд промагистратов, хотя они и не отправляли никакой магистратуры, а также рекомендации своих кандидатов на должность квесторов⁸. В сенате к началу III в. н. э. были представлены уроженцы не только Италии, но и провинций. Однако все сенаторы должны были иметь дом в городе Рима или не далее одной мили от официально установленной городской черты⁹, а также недвижимое имущество в Италии (по решению императора Траяна, оно должно было составлять не менее одной трети всего

имущества сенатора, Марк Аврелий уменьшил эту долю до одной четверти¹⁰).

На свои заседания сенат мог собираться только по инициативе высшего магистрата или принцепса. Место заседания, время и повестка дня определялись созывавшим сенат должностным лицом, которое и председательствовало на этом заседании.

Конечно, роль сената в политической жизни римского государства в эпоху Принципата была намного меньше той, которую он играл в период Республики. Однако не стоит ее слишком уменьшать. Все же и в рассматриваемый период сенат занимал видное место в системе государственных органов Римской империи: избирал магистратов, ведавших различными сферами исполнительной власти; под управлением избиравшихся сенатом промагистратов находилась часть римских провинций; на заседаниях сената обсуждались важные вопросы текущей жизни, принимались законопроекты, утверждались конституции императора; сенат выполнял функции одной из высших судебных инстанций государства; в ведении сената находилась древняя государственная казна — эрарий Сатурна, по его решениям осуществлялся выпуск монеты (пусть и при монополии императора на выпуск монет из золота и серебра).

Во многом роль и место сената определялись отношением к нему правившего императора. Но, с другой стороны, и отношение сената к принцепсу было достаточно важным для последнего. До тех пор, пока для римских граждан, и особенно для граждан вооруженных — солдат римской армии, сенат оставался одним из носителей суверенитета, император был заинтересован в официальном признании его этим органом, в формальном пользовании своими полномочиями с его согласия.

В свое время Ф. Энгельс назвал армию Римской империи “материальной опорой правительства”¹¹. В специальной литературе римская армия также определяется в качестве важнейшего инструмента власти (a great instrument of power¹², the key organ of power¹³). Общеизвестно, что главной основой императорской власти (das Kernstück, по выражению Й. Бляйкена¹⁴) в период Принципата было верховное командование всеми вооруженными силами римского государства (imperium proconsulare maius).

Правители Римской империи хорошо понимали важность поддержки со стороны армейских кругов. Они постоянно заботились о сохранении лояльности армии по отношению к правящему принцепсу и не допускали того, чтобы кто-либо, не принадлежавший к

императорскому дому, пользовался слишком большой популярностью в войсках. Достигалось это различными мерами. С приходом к власти нового императора все воинские подразделения империи приводились к присяге на верность ему и его *domus*. Эта присяга приносилась воинами ежегодно¹⁵. Жалование, денежные подарки и отличия за боевые заслуги, пособие при выходе в отставку солдаты получали от имени императора. Если император находился в районе битвы, об отличившихся воинах ему сообщали сразу после боя. Если же он был где-то далеко, военачальники посылали ему отчет и предложения о наградах. В надписях награжденные солдаты отмечают, что их наградила император, и приводят его полное имя¹⁶. Все военные действия велись римскими войсками под верховным командованием правившего императора (под его ауспигиями). Непосредственно руководившие воинскими подразделениями военачальники являлись его легатами, т. е. действовавшими по его поручению. Поэтому все одержанные победы относились на счет принцепса, его генция. На этом основании с 19 г. до н. э. Август сделал своей монополией право на триумфальное шествие¹⁷. Монопольно пользовались императоры также правом на получение почетных титулов по случаю побед над внешними врагами (Германский, Парфянский и т. п.)¹⁸. Императоры стремились лично возглавлять войска во время ведения военных действий. По наблюдениям Дж. Кэмпбелла, в период между 81 и 192 гг. н. э. только два императора, Нерва и Антонин Пий, не командовали войсками во время войны и не посещали провинциальные армии¹⁹. Наряду с легионными орлами, значками и знаменами подразделений римской армии к числу воинских святынь относились изображения правившего императора²⁰.

Структура вооруженных сил империи и значение в их составе отдельных родов войск на протяжении первых двух веков эпохи Принципата существенных изменений не претерпели. Основу военной мощи римского государства по-прежнему составляла объединенная в легионы тяжеловооруженная пехота, на которую приходилось около половины численности войск империи²¹. К началу правления Септимия Севера в римской армии было 30 легионов. Этот император набрал три новых легиона, и таким образом в начале III в. н. э. легионов стало 33²².

В каждом легионе насчитывалось 5-6 тыс. человек²³. Наряду с тяжеловооруженной пехотой в легионе имелось 120 человек конницы (*Ios. V. Iud. III. 6, 2*), которые не представляли собой отдельного подразделения, а как бы придавались центуриям²⁴. Возглав-

лял легион легат (*legatus legionis*), обычно сенатор преторского ранга²⁵. Легаты легионов назначались на свои посты императором обычно на три года²⁶. К среднему офицерскому составу легиона относились шесть военных трибунов: пять — из сословия всадников (*tribuni angusticlavii*) и один — молодой сенатор (*tribunus laticlavius*)²⁷. Трибун-сенатор стоял в легионе на втором месте после легата. Поскольку для молодых сенаторов военная служба была обязательным элементом их карьеры, они начинали ее именно с должности трибуна легиона, находясь на этой должности до избрания в квесторы, т. е. в возрасте моложе 25 лет²⁸. Часто молодые сенаторы были трибунами легионов тех провинций, наместниками которых были их родственники²⁹. В средний офицерский состав легиона входил также префект лагеря (*praefectus castrorum*), отвечавший за обустройство лагеря легиона и поддержание в нем порядка. Этот пост обычно занимали бывшие примипилы (центурионы первой центурии первой когорты легиона) перед выходом в отставку³⁰. В отличие от остальных легионов, размещавшийся в Египте легион II Траяна и созданные при Септимиусе Севере легионы I-III Парфянские возглавлялись префектами из сословия всадников, не было в них и трибунов-сенаторов³¹.

Набор воинов в легионы к началу III в. н. э. осуществлялся в основном за счет добровольцев³². Большинство легионеров начинали службу в возрасте 18-23 лет³³, в почетную отставку уходили после 20 лет службы³⁴. За службу воины римской армии получали вознаграждение в виде выплачивавшегося три или четыре раза в год³⁵ жалования (*stipendium*)³⁶, денежных подарков (*donativum*) и подарков в виде "товаров потребления" (*annona*)³⁷. Однако из жалования солдат вычитались деньги за питание, экипировку и вооружение. В результате воинам доставалось меньше половины причитавшихся им денег³⁸.

Хотя размер жалования солдат в эпоху Принципата не раз повышался, это повышение отставало от темпов инфляции³⁹. При выходе в отставку легионеру от императора выделялся земельный надел или выдавалась определенная сумма денег (со времен правления Каракаллы — 5 тыс. денариев⁴⁰).

Важную часть римских вооруженных сил представляли собой вспомогательные войска (*auxilia*). Существовало три типа соединений этих войск: конные (*alae*), пехотные (*cohortes peditatae*) и смешанные, состоявшие из всадников и пехотинцев (*cohortes equitatae*). В соединениях насчитывалось 500 человек (*quingenaria*) или 1000 человек (*milliaria*)⁴¹. Их возглавляли префекты (часто из

бывших примипилов легионов⁴²). Эти соединения придавались легионам, в подчинении командиров которых они и находились (Suet. Tib. XVI; Tac. Ann. I, 44; Hist. I, 59). Численность воинов вспомогательных войск примерно равнялась численности легионеров⁴³ или даже несколько превышала ее⁴⁴. Это были peregrinские формирования, их солдаты получали права римских граждан по выходе в отставку⁴⁵. Существовала определенная специализация отдельных областей империи по пополнению различных родов соединений вспомогательных войск: Геродиан (VII. 2; 9) называет мавританских и нумидийских копьеметателей, осроенских лучников. Срок службы во вспомогательных войсках был дольше, чем в легионах (25 лет⁴⁶), а жалование солдат — ниже⁴⁷. При выходе в почетную отставку ветераны вспомогательных войск, в отличие от ветеранов-легионеров, не получали ни земли, ни денег⁴⁸.

Военный флот традиционно не играл заметной роли в составе вооруженных сил римлян. В его задачи входили борьба на море с пиратами и транспортировка морскими путями сухопутных войск. Главными флотами при Августе являлись два — с базами в Мизене и Равенне. В каждом из них насчитывалось около 10 тыс. матросов⁴⁹. Кроме того, имелись флоты с базами в Форуме Юлия, в Александрии и в Сирии⁵⁰. К концу II в. н. э. флот в Форуме Юлия был упразднен. С завоеванием Британии создается *classis Britannica* с базой в Гезориаке; на Востоке был образован *classis Pontica* с базой в Трапезунте, а потом в Кизике⁵¹. Существовали также речные флоты на пограничных реках империи — Дунае и Рейне, организованные по типу морских⁵². По численному составу военный флот Рима эпохи Принципата намного уступал легионам и вспомогательным войскам⁵³.

Во главе отдельных флотов стояли префекты флота (*praefectus classis*) из сословия всадников. Группы кораблей в составе флота находились под командой навархов. Каждый корабль представлял собой боевое подразделение, подобное центурии в легионе, со своим офицерским составом⁵⁴. Матросы во флот набирались из вольноотпущенников и перегринов (особенно из восточных областей империи), которые по выходе в отставку получали права римских граждан. Жалование матросов было ниже жалования солдат вспомогательных войск, служили они 26 лет⁵⁵.

Наряду с регулярными воинскими соединениями с середины II в. н. э. все в возрастающем количестве в Римской империи создаются иррегулярные формирования, называвшиеся *nationes* или

путей⁵⁶. Это была легкая конница и легковооруженная пехота, набравшаяся из населения пограничных областей или даже не из жителей империи⁵⁷. Но во главе этих формирований стояли офицеры регулярной римской армии (*praefecti gentium*)⁵⁸. Вероятно, нерегулярные воинские подразделения привлекались для службы в малонаселенных районах римских владений, например, для охраны торговых путей⁵⁹. О размещении этих формирований, условиях службы воинов, общей их численности на основании имеющихся к настоящему времени свидетельств источников ничего конкретного сказать нельзя.

Особую часть вооруженных сил Римской империи составляли воинские формирования, обеспечивавшие охрану императора, безопасность и порядок в столице государства.

Преторианские когорты создал Октавиан Август по образцу личной охраны высших магистратов периода Республики. Будучи наместником одновременно трех провинций, он в 24 г. до н. э. образовал свою гвардию в тройном размере — девять преторианских когорт⁶⁰. При Домициане была создана десятая когорта преторианцев⁶¹. Во главе всей гвардии стояли префекты претория (обычно два, но иногда и три) из сословия всадников⁶². До Септимия Севера преторианские когорты состояли из уроженцев Италии. Преторианцы служили 16 лет⁶³, их жалование было намного выше, чем у легионеров. В случае, если император покидал столицу империи, чтобы лично руководить военными действиями, преторианцы должны были его сопровождать, но большую часть времени своей службы они находились в Риме, неся караульную службу при дворце императора⁶⁴. В 193 г. н. э. Септимий Север под предлогом наказания преторианцев за то, что они были повинны в смерти императора Пертинакса и за деньги передали императорскую власть Дидию Юлиану, распустил старую преторианскую гвардию и создал новую, изменив принцип набора солдат в преторианские когорты. Теперь преторианцами становились лучшие солдаты пограничных легионов, прежде всего из придунайских провинций (Dio. 75. 1 — 2; Herodian. II. 13; SHA. v. Sev. VI). Септимий Север повысил также жалование преторианцев⁶⁵ с 1250 до 1700 денариев в год.

В I в. н. э. наряду с преторианцами охрану императора и членов его семьи осуществлял специальный отряд телохранителей, набранный из германцев, живших на римской территории. При Августе он формировался из батавов, фризов и севов⁶⁶. Траян вместо телохранителей-германцев создал конные формирования

equites singulares Augusti. Эти конники, набранные из всадников легионов, размещались в Риме, возглавлялись трибуном, находившимся в подчинении префекта преторианской гвардии⁶⁷. Вероятно, при Септимии Севере численность конников была удвоена⁶⁸.

Военный гарнизон города Рима состоял из городских когорт (*cohortes urbanae*), возглавлявшихся префектом города (*praefectus urbis*). При Августе городских когорт было три, позже их стало шесть, но новые когорты размещались не в Риме, а в Лугдуне, Остии и Карфагене⁶⁹. Численный состав городских когорт Рима был также увеличен Септимием Севером⁷⁰. Фактически солдаты городских когорт выполняли в Риме полицейские функции. Их жалование было вдвое меньше жалования преторианцев⁷¹.

Пожарную безопасность и порядок в ночное время в Риме обеспечивали семь когорт вигилов (*Dig. I. XV, 3*), по 1000 чел. в каждой во главе с префектом (*praefectus vigilum*) из сословия всадников⁷². Набирались они из вольноотпущенников, которые после трех лет службы становились полноправными римскими гражданами⁷³.

Большое значение для понимания особенностей социально-политического развития Римской империи в III в. н. э. имеет решение вопросов о социальной природе римской армии, о ее связях с теми или иными слоями населения римского государства.

Прослеживая изменения в римской армии на протяжении первых веков н. э., историки отмечают последовательные социальные и этнические перемены в составе вооруженных сил империи. К ним относится неуклонная провинциализация римской армии, включая ее ядро — легионы. В I в. н. э. основную часть новобранцев в легионах составляли римские граждане, уроженцы Италии и колоний римских граждан в западных провинциях. По мнению Й. Бляйкена, это были младшие сыновья муниципальных собственников, которые не могли надеяться на значительное наследство и хотели обеспечить свое существование посредством военной службы⁷⁴. Однако уже в I в. н. э. ряды легионеров пополняются и за счет провинциалов-пегринов, получавших права римских граждан при записи в легион. В начале II в. н. э., при Адриане, римляне полностью перешли к практике набора солдат в легионы из жителей тех провинций, в которых эти легионы размещались⁷⁵. Следовательно, отныне легионерами становились жители провинций, романизованные далеко не в такой степени, как население внутренних провинций, находившихся в составе римских владений на протяжении веков. Дж. Форни пришел к заключению, что к III в. н. э.

провинциализацию рядового состава легионов можно считать свершившимся фактом⁷⁶. К началу III в. н. э. ускорился и процесс провинциализации командного состава римских войск. Значительным толчком для него послужило то обстоятельство, что решением Септимия Севера центурионат перестал быть вершиной военной карьеры рядовых легионеров и превратился для них в ступеньку на пути к тем военным постам, которые раньше были доступны только представителям всаднического сословия⁷⁷. Более того, сыновья примипилов могли теперь занимать в легионе посты *tribuni laticlavii*, доступные ранее лишь сыновьям сенаторов⁷⁸. Хотя вспомогательные войска изначально формировались из провинциалов, но и в их рядах происходили изменения социального характера. Как отмечал А. Мочи, ко II в. н. э. племенная аристократия пограничных провинций империи в своем большинстве уже обладала правами римских граждан. Поэтому молодым аристократам не было смысла служить во вспомогательных войсках римлян, а следовательно, большинство в них составляли представители низших слоев племенных общин⁷⁹.

Общепризнано, что в эпоху Принципата идет также варваризация римской армии. На военную службу к римлянам принимаются не просто малороманизованные провинциалы, а "настоящие" варвары. Еще со времен Августа римляне разрешали германцам селиться на землях империи и принимали их на военную службу⁸⁰. Со второй половины II в. н. э., когда римские войска начали терпеть поражения от варваров, правители империи чаще стали предоставлять земли в пределах своего государства для расселения варваров. Видимо, из них набирались вышеназванные иррегулярные воинские формирования. Несомненно, ускорению процесса варваризации вооруженных сил империи способствовало издание в 212 г. н. э. императором Каракаллой эдикта о распространении прав римских граждан на всех свободных жителей римского государства. Теперь бывшие перекрины не нуждались в службе во вспомогательных войсках как средстве приобретения римского гражданства. В этих условиях значение варваров как источника пополнения рядов римской армии должно было резко возрасти. В III в. н. э. правители Рима не только принимают на военную службу варваров, поселившихся на римских землях, но и нанимают варваров, живших за пределами империи, принуждают служить в римских войсках захваченных в плен, а при заключении мирных договоров требуют от вождей племен поставки воинов для службы в римской армии. Как показатель все более частогл привлечения

варваров на службу римлянам в III в. н. э. расценивает Р. Макмаллен тот факт, что при Александре Севере в надписях для обозначения варварских воинских соединений в составе римской армии применяется неримский термин *sineus*⁸¹. Древние авторы сообщают о приеме варваров на военную службу при Каракалле (Dio. 78, 13; Herodian. IV, 7), Максимине Фракийце (Herodian. VII, 8; VIII, 1), Пупиене (Herodian. VIII, 6), Постуме (SHA. Gall. duo. VII — VIII), Пробе (SHA. v. Prob. XIII), Аврелиане (Dexipp. De bell. Scyth. 2).

С учетом указанных процессов в вооруженных силах Римской империи историки и пытаются трактовать вопросы о социальной сущности римской армии, ее роли в политической жизни римского государства в III в. н. э.

Так, М. И. Ростовцев пришел к заключению, что уже во II в. н. э. римская армия теряет связи с городами, становится выразительницей интересов сельских жителей империи и как таковая ведет в III в. н. э. борьбу против городской буржуазии⁸². Во второй же половине III в. н. э. эта армия перестала быть римской, не представляла интересы гражданского населения и превратилась в особую касту, существовавшую за счет остальных жителей империи⁸³.

Ф. Альтхайм считал, что в III в. н. э. римская армия — уже армия крестьянская (*Bauernheer*). Для нее и провозглашавшихся ею императоров античная городская культура была чуждой. Согласно его концепции, в основе событий политической истории Римской империи III века лежала не классовая борьба, а борьба между племенами и даже расами. В рассматриваемый период, считал историк, на смену “одряхлевшему” населению Италии к руководству античным миром шли новые племена и расы, за господство в империи боролись между собой преобладавшие в сенате сирийцы и составлявшие главную силу римской армии иллирийцы⁸⁴.

Историки-марксисты при определении социальной природы римской армии в III в. н. э. исходили из того, что в классовом обществе армия, как важнейший элемент аппарата принуждения — государства, всегда является орудием класса, стоящего у власти или борющегося за власть⁸⁵. В 30-е — начале 50-х гг. советские антиковеды полагали, что во II — III вв. н. э. вооруженные силы Римской империи все в большей степени пополнялись за счет разорившихся колоннов, бежавших рабов, вольноотпущенников, варваров, деклассированных люмпен-пролетариев. Такая армия была союзницей низов населения империи, боровшихся против эксплу-

ататоров, солдаты участвовали в восстаниях рабов и колонов. В соответствии с господствовавшей тогда сталинской теорией революции рабов, уничтожившей рабовладельческий строй, советские историки того времени рассматривали кризис III века как один из этапов этой революции⁸⁶.

С середины 50-х годов в марксистской историографии преобладали взгляды Е. М. Штаерман на классовую сущность римской армии в III в. н. э. По ее мнению, хотя в конце II — III вв. н. э. набор в римскую армию производился в значительной мере из сельских местностей, она не была армией сельчан. Поскольку после отставки ветераны по своему имущественному и правовому положению принадлежали к верхушке муниципалов, утверждала Е. М. Штаерман, армия в период кризиса III века в основном представляла антисенатское направление, поддерживая тех императоров, которые пытались охранять интересы муниципальных слоев⁸⁷.

В. Н. Дьяков, расценивая как необоснованное стремление Е. М. Штаерман трактовать римских солдат III века как представителей слоя мелких и средних рабовладельцев, имевших общие интересы с рабовладельцами-муниципалами и стремившихся сохранить прежнюю "античную форму" собственности, считал, что, поскольку набор солдат осуществлялся в сельских местностях, скорее именно с крестьянами, а не с муниципалами у солдат было больше общих интересов⁸⁸.

По мнению А. В. Игнатенко, наряду с варваризацией и провинциализацией, для римской армии в III в. н. э. характерны тесные связи с населением провинций, отрыв провинциальных армий от центрального правительства вследствие получения ветеранами наделов земли в провинциях. Служба в армии, считает А. В. Игнатенко, отрывала солдат от слоев, из которых они вышли, и превращала их в деклассированную массу. Однако солдаты участвовали в выступлениях низов населения империи, так как в легионы проникало недовольство существовавшим строем, что было особенно грозным явлением для господствовавших верхов⁸⁹.

Современные западноевропейские антиковеды выступают против тезиса о том, что римская армия обязательно должна была защищать интересы определенного класса общества империи. Как отмечает Г. Альфельди, вследствие практики набора солдат из жителей тех регионов, вблизи которых размещались римские войска, устанавливались тесные связи между солдатами и гражданским населением, солдаты видели в этих регионах свою "малую родину". Но это приводило не к совпадению интересов армейских

кругов и гражданского населения, а к образованию в составе римских вооруженных сил ряда "военных сообществ" ("Militärgesellschaft"). Солдаты, будучи привязаны к конкретной территории, начинают заботиться прежде всего о процветании и безопасности именно этой части империи, а не всего римского государства. Вследствие этого возникает соперничество между данными "военными сообществами", армия перестает быть послушным оружием в руках центрального правительства, выдвигает к нему свои требования, оспаривает приоритетность направлений внешней политики императоров⁹⁰. По мнению историков, материальное положение армейских кругов империи отличалось от положения гражданского населения, поскольку императоры, особенно с конца II в. н. э., проявляли большую заботу о благосостоянии солдат, понимая значение лояльности армии по отношению к правящему императору. Поэтому армия не только не имеет с гражданским населением общих интересов, но и становится для последнего враждебным элементом. Во время частых в III в. н. э. военных столкновений между войсками боровшихся между собой претендентов на императорский престол солдаты грабили и города, и села, и имения крупных собственников, и имущество средних слоев населения империи⁹¹. В то же время, подчеркивает В. Дальхайм, в самой армии было достаточно внутренних противоречий. Различные интересы имели не только рядовые солдаты и офицеры, но и армии конкретных регионов империи, воины разных родов войск, отдельные воинские подразделения⁹².

Изложенные соображения зарубежных историков, несомненно, следует учитывать при попытках уяснить особенности социально-политического развития Римской империи в III в. н. э.

1.2. Изменения в вооруженных силах Римской империи в III в. н. э.

Одной из характерных черт политической истории Римской империи в III в. н. э. является частая смена императоров. В годы правления многочисленных правителей римского государства этого периода по-разному складывались отношения между ними и римским сенатом. Но в целом в деятельности сената в течение этого бурного века мало что изменилось. Разве что заседания сената чаще, чем прежде, проходили без участия принцепсов. Поскольку императорам нередко приходилось лично командовать римскими войсками далеко за пределами Италии, многие вопросы теку-

щей жизни они решали вдали от Рима, даже без формального совещания с сенатом. Кроме того, можно, пожалуй, отметить определенные изменения в составе сената. Неоднократные попытки историков проследить эволюцию состава сената в течение III в. н. э. показывают, что в нем постепенно уменьшается доля уроженцев Италии и возрастает число выходцев из восточных провинций империи⁹³.

В римских же вооруженных силах особенности внешне- и внутриполитического положения Римской империи в III в. н. э. обусловили большие перемены.

Многие изменения в армии римлян этого периода были вызваны к жизни ухудшением обстановки на границах римских владений. Известно, что, несмотря на определенное расширение пределов империи, в целом внешняя политика Рима в эпоху Принципата носила оборонительный характер. Главной задачей правителей государства являлось не завоевание новых территорий, а надежная защита уже завоеванного. Легионы и приданные им вспомогательные войска были распределены по пограничным провинциям империи с целью не допускать варварских вторжений в римские владения. В случае если варвары усиливали натиск на какой-либо участок границы и размещенные здесь войска не могли справиться с внешней опасностью, по приказу императора из других регионов империи сюда перебрасывались подкрепления в виде специально созданных для выполнения конкретной военной задачи сводных отрядов войск (*vexillatio*) во главе с назначенным командиром (*praepositus*) или легионов в полном составе. После выполнения поставленной задачи эти войска возвращались на прежнее место стоянки.

Примерно до середины II в. н. э. такая стратегия себя оправдывала, и римлянам удавалось в целом успешно оборонять границы империи. Но уже при Марке Аврелии отчетливо проявилась уязвимость данной стратегии. Римляне добивались успеха, если варвары не пытались осуществить прорыв в империю на том участке границы, оборона которого была ослаблена переброской отсюда войск. Однако, когда Марк Аврелий во время войны с Парфией взял с собой на Восток три легиона с рейнской и дунайской границ⁹⁴, еще до окончания этой войны начались столкновения на северной границе империи (*SHA. v. Marc. XII*). По определению Р. Смита⁹⁵, эти события ознаменовали начало кризиса прежней римской военной и оборонительной системы. В конце II-III вв. н. э. кризис ее все более углублялся в связи с процессами,

происходившими за пределами римского государства. Если раньше римлянам на рейнской и дунайской границах противостояли мелкие разрозненные варварские племена, а на восточной — не очень сильная в военном отношении Парфия, то в рассматриваемый период ситуация резко изменилась. У северных соседей империи шел процесс образования крупных племенных союзов, и они все чаще совершали вторжения в римские владения с целью грабежа⁹⁶. На Востоке же в начале III в. н. э. соседом римлян стало агрессивное Ново-Персидское царство.

Изменившаяся обстановка на границах империи привела к тому, что со второй половины II в. н. э. римляне почти непрерывно вели войны с северными и восточными соседями. Военные действия иногда принимали затяжной характер, приводили к гибели или пленению многих римских солдат и жителей пограничных провинций. Служба в армии стала занятием более опасным, чем прежде. Возникали трудности демографического характера с набором пополнения в войска. В условиях преимущественно добровольного принципа комплектования армии требовались дополнительные материальные стимулы к тому, чтобы юноши пограничных областей империи записывались в легионы и подразделения вспомогательных войск.

На судьбе римских вооруженных сил определенным образом сказались и особенности внутривластной обстановки в Римской империи в III в. н. э. Острая, часто принимавшая форму гражданской войны, борьба за императорский престол делала армию фактически единственным гарантом прочности власти императора. Это заставляло правителей империи проводить реформы с целью укрепления лояльности армии по отношению к императору.

На рубеже II — III вв. н. э. существенные преобразования в армии провел император Септимий Север (193 — 211 гг. н. э.). В результате набора трех новых легионов и увеличения числа конных гвардейцев при нем была значительно увеличена общая численность вооруженных сил империи. Один из вновь созданных легионов (II Парфянский) впервые в римской истории был размещен на территории Италии — в Альбано, менее чем в 20 милях от Рима⁹⁷. При этом во главе новых легионов, как и во главе образованной при нем провинции Месопотамии, Септимий Север поставил не легатов-сенаторов, а префектов-всадников⁹⁸. Провинции Британию и Сирию, наместники которых противостояли ему в борьбе за императорскую власть, Север разделил на две провинции каждую⁹⁹. Этим он достиг того, что под командованием на-

местников провинций, за исключением наместника Верхней Паннонии, теперь находилось не более двух легионов. (В 214 г. н. э.¹⁰⁰ император Каракалла присоединил город Бригецию с размещенным в нем легионам I Помощник к территории провинции Нижней Паннонии (ILS. 2375), и после этого и в Верхней Паннонии было только два легиона.)

Септимий Север улучшил экономическое и правовое положение солдат римской армии, расширил их возможности в достижении высоких армейских постов. Как уже отмечалось, этот император повысил жалование легионеров и преторианцев, изменил принцип набора воинов в преторианские когорты, открыл рядовым легионерам доступ к всадническим и сенаторским должностям в легионе. Если раньше солдаты в период прохождения службы не могли заключать законный брак и в случае создания солдатом семьи до выхода в отставку его жена считалась лишь наложницей, а дети, рожденные в таком браке, не могли наследовать имущество отца, то при Септимии Севере солдатам разрешили вступать в брак в период службы и жить со своими семьями вне лагеря в расположенных рядом селениях (*canabae*) (Herodian. III, 8). После этого дети солдат, рожденные еще до выхода их отца в отставку, стали признаваться римскими гражданами и могли наследовать имущество отца¹⁰¹. Семьям солдат разрешили арендовать участки лагерной территории, являвшейся собственностью императора, и вести на них свое хозяйство¹⁰². Младшие офицеры получили право образовывать коллегии — нечто среднее между клубами и кассами взаимопомощи. Члены коллегии делали взносы в общую кассу, а при выходе в отставку или переходе в другой легион получали из нее определенную сумму денег¹⁰³. Офицеры преторианской гвардии постановлением Септимия Севера освобождались от обязанности опекунства над детьми их умерших товарищей по службе (Dig. XXVII. I, 9). Выходившие в отставку ветераны, селившиеся в провинциальных городах, освобождались от всех повинностей, кроме тех, которые отбывались в связи с владением имуществом, полученным по наследству (Dig. L. V, 7). Согласно сообщению Геродиана (III, 8), Септимий Север разрешил солдатам носить золотое кольцо, что до этого считалось привилегией сенаторов и всадников¹⁰⁴.

Причины проведения Септимием Севером преобразований в римской армии некоторые историки видят в африканском происхождении этого императора, провозглашении его солдатами придунайских провинций, поддержке сенатом его противника в борьбе

за императорский престол — наместника Британии Клодия Альбина. По их мнению, содержание военных реформ определялось стремлением Септимия Севера отблагодарить солдат за возведение его на престол и заручиться их поддержкой в дальнейшем, унижить римский сенат и Италию¹⁰⁵. На наш взгляд, ближе к истине те историки, которые считают, что упомянутые факторы прямо не влияли на содержание военных реформ этого императора и их проведением он преследовал другие цели. Эти историки признают, что ослабление военного потенциала наместников провинций, улучшение материального и правового положения солдат было в определенной степени связано с обстоятельствами прихода к власти Септимия Севера, направлено на усиление позиций центральной власти и упрочение лояльности солдат по отношению к императору. Но в то же время улучшение условий службы и расширение прав ветеранов должны были сделать службу в армии более привлекательной, облегчить решение ставшей острой к этому времени проблемы набора новобранцев в войска¹⁰⁶. Формирование преторианских когорт из лучших солдат легионов не только усиливало боеспособность императорской гвардии, но и, как отмечал еще С. В. Ешевский¹⁰⁷, вело к ликвидации существовавших до этого противоречий между привилегированными преторианскими когортами и пограничными войсками. (Иосиф Флавий свидетельствует, что уже в I в. н. э. легионеры римского Востока противопоставляли себя, “перенесших столько военных трудностей и поседевших под шлемом” солдатам в Риме, “утопающим в благоденствии, изнеженным, уши которых не могут даже слышать слово “война” (Ios. B. Iud. X).) Возражая против трактовки факта размещения одного из новых легионов на территории Италии как доказательства того, что Септимий Север хотел низвести Италию до уровня провинции, Р. Смит вполне обоснованно объясняет это действие императора необходимостью усиления обороноспособности внутренних областей империи. По его мнению, в последние десятилетия II в. н. э. выяснилось, что существовавшая до этого система обороны границ уже не гарантировала предотвращения глубоких вторжений варваров в римские владения. В условиях, когда переброска войск с одного участка границы на другой становилась невозможной, возникла необходимость в резерве военных сил, которые можно было посылать на наиболее угрожаемый участок границы без ослабления остальных. Именно такой резерв войск, считал Р. Смит, и стремился создать Септимий Север, размещая

в Италии II Парфянский легион и увеличивая гарнизон столицы империи¹⁰⁸.

В целом военные реформы Септимия Севера — важная страница в истории римской армии. Они способствовали усилению военной мощи Римской империи, укрепили позиции центральной власти в государстве, облегчили решение проблемы с набором новобранцев в войска, ослабили противоречия внутри армии.

Преемник Септимия Севера на императорском престоле, один из его сыновей, император Каракалла (211 — 218 гг. н. э.) не проводил значительных преобразований в армии. Однако некоторые его нововведения затронули и вооруженные силы империи. Как уже отмечалось, его эдикт о правах римских граждан для всех свободных жителей империи отразился на проблеме набора новобранцев в войска и способствовал дальнейшей варваризации римской армии. В литературе высказывалось предположение, что издание этого эдикта напрямую связано с увеличением жалования солдатам при Каракалле на 50%: чтобы изыскать средства для выплаты этого жалования, император увеличил с 5 до 10% налог на наследство, который раньше платили римские граждане, а теперь — все свободное население римского государства¹⁰⁹.

Дион Кассий (78. 6, 1) и Геродиан (IV. 7) сообщают, что Каракалла не только набирал воинские контингенты из варваров, живших за Рейном и Дунаем, но и создал из них отряд личной гвардии, воинов которого он одаривал должностями центурионов и называл “львами”. М. Спейдель расценивает действия Каракаллы как способствовавшие развитию варварских воинских формирований, которые теперь появляются не только в пограничных войсках империи, но и в составе императорской гвардии¹¹⁰.

Древние авторы изображают последнего представителя династии Северов императора Александра Севера (222 — 235 гг. н. э.) как правителя, пытавшегося опираться на сенат, а не на армию. Но, видимо, его закон, согласно которому земельные участки ветеранов не признавались их собственностью и право на пользование ими они сохраняли только в случае, если их сыновья становились солдатами (SHA. v. A. Sev. LVIII), следует объяснять стремлением императора облегчить трудности с пополнением рядов войск, а не его враждебностью по отношению к армейским кругам империи.

Хотя император Максимин Фракиец (235 — 238 гг. н. э.) признается и древними, и современными историками ярко выраженным “солдатским императором”, с его именем не связаны никакие

изменения в вооруженных силах империи. Правда, Геродиан (VIII, 6) свидетельствует, что Максимин вдвое увеличил жалование солдат. Однако современные историки подвергают правдивость этого сообщения сомнению¹¹¹.

Как отмечает А. Джоунз¹¹², в бурные 50 лет между смертью Александра Севера и приходом к власти Диоклетиана в римской армии должны были произойти значительные перемены: прекращение существования одних воинских формирований, создание вместо них новых воинских соединений. Однако состояние источниковой базы таково, что далеко не обо всех изменениях в вооруженных силах империи этого периода мы можем говорить с уверенностью.

В правление императора Гордиана III (238 — 244 гг. н. э.) произошло не такое уж частое явление в истории римской армии, как расформирование легиона. Оно было следствием событий, которые развернулись в 238 г. н. э. в провинции Африке. Провозглашенные здесь императорами Гордианы I и II (дед и дядя Гордиана III) погибли из-за того, что против них во главе III Августова легиона выступил наместник Нумидии Капеллиан. Став императором, Гордиан III, видимо, в конце 238 г. н. э.¹¹³ наказал этот легион расформированием. Солдат легиона распределили по другим воинским подразделениям. Вероятно, значительное их количество в 253 г. н. э. находилось в Норике и приняло участие в провозглашении императором Валериана. В благодарность за это Валериан, придя к власти, воссоздал III Августов легион и, так как в это время обе Мавритании и Нумидия подвергались вторжениям берберов¹¹⁴, вернул его на прежнюю базу в Нумидии¹¹⁵. Эти перипетии судьбы легиона нашли отражение в ряде надписей (CIL. VIII, 2452; 2482; 2634; 17976; ILS. 531; 2296).

При Аврелиане (270 — 275 гг. н. э.) целые легионы переводились из одной области империи в другую. Отказавшись от оккупации провинции Дакии, он вывел из нее римские войска и, образовав новую провинцию *Dacia ripensis*, сделал Эскус базой V Македонского легиона, а Рациарию — базой легиона XIII Близнец¹¹⁶.

На основе свидетельств древних авторов о том, что Александр Север в 231 г. н. э., готовясь к войне на Востоке, проводил широкую мобилизацию новобранцев и назначил будущего императора Максимиана Фракийца трибуном "созданного из новобранцев четвертого легиона" (Herodian. VI, 3; SHA. v. Max. V), в литературе высказывается предположение, что в этом году был образован новый IV Италийский легион¹¹⁷. Предположительно к числу со-

зданных в III в. н. э. относят также легионы VI Испанский, III благочестивый и верный (*pia fidelis*), IV Марсов, I — III Исаврийские, I Иллирийский, VI Галликанский (*Gallicana*)¹¹⁸.

Как было отмечено, в результате административных преобразований, осуществленных Септимием Севером и Каракаллой, в начале III в. н. э. под командой наместников провинций находилось не более двух легионов. Это способствовало упрочению положения императора в государстве, но, вероятно, затрудняло борьбу римлян с крупными вторжениями варваров в пределы империи. В настоящее время среди историков получило поддержку впервые высказанное Й. Фитцом¹¹⁹ заключение о том, что уже к началу 40-х годов III в. н. э. правители империи были вынуждены пойти на то, чтобы объединить военные силы нескольких соседних провинций под командованием специальных военачальников (*duces*)¹²⁰. В результате такой политики империя стала состоять из ряда провинциальных комплексов, а ее вооруженные силы фактически распались на отдельные провинциальные группировки — британскую, рейнскую, дунайскую, восточную¹²¹. По мнению Е. П. Глушанина, единый комплекс с объединенными войсками представляли собой в данное время и африканские провинции¹²².

Несомненно, образование подобных дукатов в составе вооруженных сил Римской империи следует признать одним из крупнейших изменений в римской армии в III в. н. э., которое повлияло на политическое развитие римского государства в рассматриваемый период.

Важные преобразования в армии были проведены императором Галлиеном (253-268 гг. н. э.). Для решения сложных задач по отражению вторжений варваров в империю, сохранению территориальной целостности римского государства, удержанию императорской власти он нуждался в значительных военных силах, высокой степени боеспособности войск, верности их императору. Поэтому армии Галлиен уделял много внимания.

Как уже отмечалось, традиционно конница у римлян имела намного меньшее значение, чем тяжеловооруженная пехота. Однако в III в. н. э. значение кавалерии в борьбе римлян с варварами постепенно возрастает. Видимо, это было связано с тем, что у противников империи в данный период конница играла большую роль¹²³. Поэтому уже в первой половине III в. н. э. правители Рима создавали новые конные формирования. Так, Александр Север во время войны с персами образовал подразделение панцирных конников-катафрактариев. Позже оно было переведено на Запад, при-

менялось в операциях против германцев при Александре Севере и Максимине Фракийце, участвовало в походе Максимиана на Италию¹²⁴. Максимин Фракиец набирал большие соединения конницы из германцев (по условиям мирных договоров с германскими племенами или за счет добровольцев)¹²⁵. Видимо, Галлиена конница привлекала своей высокой мобильностью. Ему приходилось решать сложные проблемы в условиях ограниченных возможностей по увеличению численности римской армии. На Западе при нем образовалась и фактически отпала от Рима Галльская империя Постума. На Востоке шла затяжная война с персами. В результате в распоряжении Галлиена оставались людские ресурсы только части территории Римской империи: Италии, балканских, придунайских и африканских провинций. Кроме того, финансовое положение империи в это время не позволяло существенно увеличивать численность войск.

Вероятно, идея создания отдельного конного корпуса возникла у Галлиена еще в первые годы совместного с Валерианом правления империей¹²⁶. Находясь на рейнской границе, он высоко оценил мобильность конницы в борьбе с германцами. Предполагается, что конница германских легионов и образовала ядро сформированного позже конного корпуса. Кроме легионной конницы, в него были включены и другие конные формирования — далматов, мавров, озроенцев¹²⁷. Примерно с 259 г. н. э.¹²⁸, базой этой мобильной армии стал Медиолан. Согласно сообщению Зосима (I. 40, 1), задачей корпуса являлось не допустить вторжения в Италию отпавшего от Галлиена Постума, который создал Галльскую империю и мог претендовать и на власть над Римом. Благодаря своей мобильности эта резервная армия не только охраняла Италию от Постума, но и эффективно использовалась для отражения вторжений в империю варваров и борьбы с попытками узурпации императорской власти на Дунае¹²⁹. Начальник нового кавалерийского корпуса был при Галлиене вторым человеком в государстве, возвышаясь даже над префектами преторианской гвардии¹³⁰. Возможно, при Галлиене со 120 до 726 человек была увеличена численность конников в легионах¹³¹.

По мнению Е. П. Глушанина, свой конный корпус Галлиен создавал по образцу того резерва войск, который в результате увеличения гарнизона города Рима и размещения в Италии легиона образовал Септимий Север¹³². Однако проводить параллель между этими военными формированиями неправомерно. Резерв войск Септимия Севера состоял прежде всего из тяжеловооружен-

ной пехоты (легионеров и преторианцев), размещался в Риме или вблизи него и должен был служить опорой правящему императору в борьбе с попытками наместников провинций захватить императорскую власть или охранять Италию от вторжений в нее варваров. Мобильный корпус, созданный Галлиеном размещался на севере Италии, откуда, как отмечал Й. Фитц¹³³, его в случае необходимости можно было быстро перебросить на Рейн или Дунай для борьбы с варварами или узурпаторами императорской власти.

Можно признать, что создание Галлиеном мобильного резерва войск отвечало требованиям времени и способствовало усилению военного могущества Римской империи. Преемники Галлиена сохранили это воинские соединения. Пост начальника конного корпуса занимал перед провозглашением его императором Аврелиан (SHA. v. Aurel. XVIII).

О содержании второй военной реформы Галлиена судят на основе сообщения Аврелия Виктора о том, что этот император "... запретил сенаторам занимать военные должности и приближаться к войскам" (*senatum militia vetuit et adire exercitum*) (De Caes. 33). Некоторые историки полагали, что Галлиен издал эдикт, которым отстранил сенаторов не только от постов трибунов и легатов легионов, но и от должностей наместников провинций. Вместо сенаторов эти посты стали занимать всадники, которые в надписях называются "действующими вместо" (*agentes vices*) соответственно легата или наместника¹³⁴. Причем Р. Гроссе даже считал, что командиром легиона вместо легата-сенатора становился не префект лагеря, а примипил, занимавший свой пост повторно¹³⁵. Однако в публикациях последнего времени обращается внимание на то, что данные эпитафии позволяют говорить как о широко распространенной со времен Галлиена практике замены сенаторов всадниками на командных постах в армии и на должностях наместников провинций, так и об оставлении во главе ряда провинций (Нижняя Мезия, Сирия-Финикия, Африка, Азия) вплоть до времени правления Диоклетиана легатов-сенаторов¹³⁶.

Скорее всего, Галлиен не издавал специального эдикта о запрете сенаторам занимать командные посты в армии, а просто сделал правилом то, что широко применялось еще до него. Можно согласиться с высказываемым в литературе мнением, что замена сенаторов всадниками была вызвана не какой-то враждой Галлиена по отношению к сенату, а тем, что в условиях сложной обстановки на границах империи и частых попыток узурпации импера-

торской власти имевшие большой военный опыт офицеры-всадники гораздо лучше справлялись бы с командованием войсками, чем сенаторы¹³⁷.

Хорошо понимая насколько необходима поддержка армии для сохранения за ним императорской власти, Галлиен принимал меры к усилению лояльности солдат и офицеров по отношению к нему. В его правление в надписях появляются упоминания о *protectores*¹³⁸. В литературе они определяются не как особый вид гвардии, а как армейские офицеры, проявившие преданность императору и составлявшие резерв для занятия ответственных постов в аппарате управления империей¹³⁹. Проанализировав эпиграфические материалы, Р. Гроссе пришел к заключению, что среди *protectores* можно выделить три разряда: самый низкий разряд — центурионы войск, размещенных в Италии; более высокий — префекты легионов и трибуны гарнизона столицы империи; высший разряд — офицеры в ранге *ducenarius* (т. е. имевшие жалование в 200 тыс. сестерциев в год — И. С.). Из числа *protectores* третьего разряда набирались воначальники высшего ранга, получавшие титул *vir perfectissimus* и после этого уже не относившиеся к числу *protectores*¹⁴⁰. Ф. Альтхайм полагал, что часть *protectores* выполняли при Галлиене функции императорской гвардии, другие находились на службе в штате префектов преторианской гвардии или откомандировывались в провинциальные армии, для третьих этот институт был своего рода военной академией, без прохождения которой они не могли надеяться на занятие высоких должностей в армии¹⁴¹.

Видимо, с целью повышения лояльности по отношению к императору со стороны рядового состава армии Галлиен даровал солдатам право ношения парадных белых плащей (*albata decursio*), что раньше считалось привилегией офицеров всаднического ранга (Tac. Hist. II, 89), а при Септимии Севере было распространено и на принцепалов¹⁴².

Хотя просенатские настроенные латинские авторы весьма низко оценивали Галлиена как правителя¹⁴³, следует признать, что этот император внес большой вклад в повышение боеспособности римских вооруженных сил и укрепление связей императора и армии. В условиях, “когда государство было охвачено смутой на протяжении всего круга земель” (SHA. Gall. duo. III) и под вопросом находилось само существование Римской империи, Галлиен сумел отразить вторжения варваров, подавил многочисленные попытки узурпации императорской власти и правил империей

дольше любого другого римского императора в III в. н. э., не считая Диоклетиана. Ему не удалось добиться преданности армейских офицеров, в результате заговора которых он и был убит. Однако у рядовых солдат Галлиен пользовался большой популярностью; после его убийства солдаты подняли мятеж и "... говорили, что у них отнят полезный, нужный, храбрый, способный вызвать зависть император" (SHA. Gall. duo. XV). Некоторые современные историки называют Галлиена гениальным реформатором, а его реформы — прообразом ряда преобразований Диоклетиана¹⁴⁴.

В короткое правление Клавдия II (268-270 гг. н. э.), видимо, никаких серьезных преобразований в римской армии не проводилось. С именем его преемника Аврелиана (270-275 гг. н. э.) в литературе связывают возрастание значения в вооруженных силах империи тяжеловооруженной конницы (катафрактариев и клибанариев). Объясняют это тем, что Аврелиану пришлось вести борьбу с персами и пальмирцами, в армиях которых этот род войск имел значительный вес. Причем римляне позаимствовали у своих противников многие элементы в тактике и вооружении тяжелой конницы¹⁴⁵. По мнению А. Альфельди, Аврелиан впервые создал в составе регулярной римской армии вспомогательные подразделения из вандалов, ютунгов, алеманнов. Это были чисто варварские формирования с принятыми у германцев значками, эмблемами на щитах, обмундированием¹⁴⁶. Х. Паркер полагал, что Аврелиан, продолжая дело Галлиена, увеличил число конников в составе легиона, затем полностью отделил легионную конницу от пехоты и создал из нее самостоятельные тактические подразделения под названием *promoti*¹⁴⁷.

Правившие после Аврелиана императоры Тацит и Флориан находились у власти очень недолго и не успели ничего изменить в римской армии. Следующий за ними император Проб правил дольше (276-282 гг. н. э.), но в источниках о каких-либо преобразованиях в армии при нем не сообщается. Известно только, что он представлял солдат заниматься различными хозяйственными работами, что и привело его к гибели (SHA. v. Prob. XX-XXI; Aur. Vict. De Caes. 37).

В конце III в. н. э. значительные преобразования в вооруженных силах Римской империи осуществил император Диоклетиан (284 — 305 гг. н. э.). Военные реформы этого императора являлись составной частью его деятельности по созданию новой политической системы империи — тетрархии. Строительство этой системы было продолжено императором Константином, и свидетель-

ства источников не всегда позволяют с уверенностью говорить, какие из реформ были проведены Диоклетианом, а какие — Константином¹⁴⁸. Поскольку перед Диоклетианом в военной сфере стояли в общем-то те же задачи, что и перед всеми императорами III века (пополнение армии новобранцами, повышение ее боеспособности, укрепление ее лояльности по отношению к центральной власти), он использовал положительный опыт своих предшественников на императорском престоле, развил те тенденции, которые наметились еще до него. Но он внес в римскую армию и совершенно новые черты. Конечно, важной предпосылкой содержательной реформаторской деятельности Диоклетиана было то, что ему удалось на длительное время закрепиться во главе государства.

Диоклетиан намного увеличил численность римской армии. Лактанций сообщает (*De mort. perses.* 7), что число солдат в империи при Диоклетиане возросло в четыре раза. Но современные историки относятся к этому свидетельству с осторожностью. Предполагается, что численный состав римских вооруженных сил в эпоху тетрархии увеличился примерно в два раза¹⁴⁹. Высказывается также мнение, что вывод о столь значительном увеличении армии при Диоклетиане Лактанций сделал под впечатлением от существенного возрастания числа легионов в это время¹⁵⁰.

Относительно количества легионов при Диоклетиане мнения историков расходятся, поскольку в источниках по этому вопросу нет достаточной информации. Полагают, что к концу его правления римская армия включала до 60 и более легионов¹⁵¹. При этом высказывается утверждение, что легионы периода тетрархии по количеству солдат в них были намного меньше прежних легионов — в них насчитывалось около 1000 воинов¹⁵². Однако П. Саузерн и К. Р. Диксон убеждены, что если созданные при Диоклетиане новые легионы и были столь небольшими, то не обязательно считать, что и существовавшие до него легионы в такой же степени уменьшались в размерах¹⁵³.

Увеличение численности войск империи при Диоклетиане произошло также в результате образования других подразделений войск, пехотных и кавалерийских, полной информации о которых мы не имеем. Естественно, что это обострило проблему набора новобранцев в армию. Эту проблему Диоклетиан решил с помощью введения принудительной мобилизации. Теперь для каждой общины в империи определялась квота выставляемых ею рекрутов. Впрочем, допускалась выплата в казну установленной суммы

денег (*aureum tironicum*) вместо предоставления в армию новобранцев¹⁵⁴. А. Джоунз допускает, что уже при Диоклетиане было предписано, чтобы сыновья ветеранов обязательно служили в армии, хотя точные сведения о таком правиле относятся уже ко времени правления Константина¹⁵⁵. Диоклетиан также широко практиковал прием на службу в римскую армию варваров, живших за пределами империи, пленных или по добровольному найму. По подсчетам А. Джоунза, только среди ал и когорт, размещавшихся на восточной границе империи, включая Египет, при Диоклетиане, более 20 имели названия, происходившие от названий племен — франков, вандалов, саксов, готов, сарматов, квадов, ютунгов и т. д.¹⁵⁶

Поскольку Рим при Диоклетиане фактически перестал быть столицей государства, император отказался от услуг традиционно размещавшейся в “вечном городе” старой преторианской гвардии, превратив ее в городской гарнизон. Вместо нее функции императорской гвардии и одновременно мобильного центрального резерва войск начал выполнять так называемый *comitatus*. Вопрос о характере *comitatus* Диоклетиана решается историками по-разному. В целом не вызывает возражений тезис о том, что уже при Диоклетиане в его состав входили *protectores divini lateris*, которые в отличие от *protectores* Галлиена были действительно телохранителями императора и повсюду его сопровождали¹⁵⁷. Признается также, что гвардия Диоклетиана включала в себя как пехотинцев, так и конницу. В конную часть свиты императора входили специальные подразделения (типа *equites Dalmatae*) и подразделения легионной конницы (*equites promoti*), отделенные от легионов фактически, но формально продолжавшие входить в состав легионов¹⁵⁸. К пехотной части, кроме уже названных *protectores*, относились и так называемые “копьеносцы” (*lanciararii*). Важной составной частью свиты времен Диоклетиана являлись *Ioviani* и *Herculiani*, набранные из размещавшихся в провинции Скифии легионов I *Iovia* и II *Herculia*¹⁵⁹. Историки обращают внимание на то, что *comitatus* Диоклетиана не был чисто военным по характеру. К свите императора причислялись многочисленные придворные чиновники и служители, занимавшиеся обустройством быта императора¹⁶⁰.

Споры среди современных историков вызывает вопрос о том, можно ли считать, что уже при Диоклетиане с созданием его *comitatus* произошло разделение римской армии на две части: пограничные войска (*limitanei* или *ripenses*), размещавшиеся вдоль границ империи, солдаты которых должны были не только нести

военную службу, но и обрабатывать земли в пограничных провинциях, и *comitatenses*, составлявшие мобильную резервную армию императора, несшие службу вдали от границ империи и имевшие более привилегированное положение. Одни исследователи считают, что эти изменения в римской армии произошли уже при Диоклетиане¹⁶¹. Другие полагают, что при Диоклетиане такое разделение в армии только наметилось, а окончательно оно осуществилось уже при Константине¹⁶².

С целью ослабления могущества наместников провинций и предотвращения попыток с их стороны узурпировать императорскую власть Диоклетиан принял меры по отстранению наместников от командования размещавшимися в провинциях войсками. Теперь во главе войск одной или сразу нескольких провинций стояли независимые от наместников военачальники — *dux provinciae* или *dux limitis provinciae*¹⁶³. Как правило, это были опытные армейские офицеры, принадлежавшие к всадническому сословию¹⁶⁴. Однако процесс отделения военной власти от гражданской в провинциях ускорился уже в конце правления Диоклетиана, и это отделение не было при нем доведено до конца. В провинциях Исаурия и Мавритания, где римлянам постоянно приходилось вести военные действия, наместники продолжали возглавлять и гражданское управление, и войска¹⁶⁵.

Военные реформы императора Диоклетиана не только в определенной степени подвели итоги поисков путей усиления военной мощи римского государства и укрепления позиций центральной власти, проводившихся правителями Римской империи в III в. н. э., но и заложили основы вооруженных сил римлян периода поздней античности.

1.3. Роль сената и армии в политической жизни Римской империи в III в. н. э.

Внутриполитическая жизнь Римской империи в III в. н. э. была насыщена событиями, которые не в последнюю очередь были обусловлены позицией сената и армии. В значительной степени роль этих институтов в развитии римского государства рассматриваемого периода определялась отношением к ним со стороны правителей империи. Вместе с тем армейские круги и сенат выступали как самостоятельные политические силы и пытались влиять на императоров, корректировать направленность их внешней и внутренней политики.

Время правления Септимия Севера некоторые историки считают периодом ослабления позиций сената и возрастания роли армии в жизни Римской империи. По их мнению, этот император враждебно относился к сенату и сенаторам, предпочитал опираться на чиновников из всаднического сословия и солдат, не только был "солдатским императором" по обстоятельствам прихода к власти и характеру правления, но и вообще разрушил систему Принципата и установил в Риме неограниченную военную монархию¹⁶⁶. В качестве характерных черт правления Септимия Севера они называют улучшение экономического и правового положения солдат, назначение всадников, а не сенаторов на посты командиров новых легионов и наместника провинции Месопотамии, довольно многочисленные казни сенаторов, завещание императора своим сыновьям жить дружно, обогащать солдат, а на остальных не обращать внимания (Dio. 76. 15, 2).

При Септимии Севере действительно много внимания уделялось армии и укреплению связей между войсками и императором. Основатель династии Северов заботился об экономическом и правовом положении солдат, старался почаще бывать в войсках, лично руководил военными действиями против парфян и в Британии. Как отметил Х. Хоффманн, Септимий Север видел средства упрочения позиций императора не в пребывании в столице империи и установлении тесных контактов с сенатом, а в достижении успехов в войнах и в целенаправленной политике передвижений по территории империи (*eine gezielte Reisepolitik*), добываясь тем самым личного присутствия в войсках важнейших группировок римской армии¹⁶⁷. Характерно, что своих сыновей, Каракаллу и Гету, Септимий Север возводил в ранг Цезарей и Августов не в Риме перед сенатом, а в Парфии и Британии перед солдатами¹⁶⁸. Значение армии в жизни Римской империи на рубеже II — III вв. н. э., несомненно, возросло. В определенной степени это было связано с обстоятельствами прихода Септимия Севера к власти, но все-таки в большей мере объяснялось ухудшением внешнеполитического положения римского государства в последние десятилетия II в. н. э.

Взаимоотношения между Септимием Севером и сенатом не были очень хорошими. Освещая путь этого императора к власти и его правление, древние авторы сообщают о казнях сенаторов по его приказу (Dio. 76. 8, 3 — 4; Herodian. III, 8; SHA. v. Sev. IX; XII — XIII; v. Nig. VI; v. Alb. XII; Zon. XII, 8 — 9). По подсчетам Г. Альфельди, в правление Севера было казнено 38 сенаторов, не

считая его конкурентов в борьбе за императорскую власть и их сыновей¹⁶⁹. Однако выяснение причин казни этих сенаторов показывает, что они погибли не в силу их принадлежности к сенаторскому сословию, а в связи с участием в действиях против Септимия Севера или по подозрению в этом участии. Трое из них были казнены в 193 г. н. э. как приверженцы Дидия Юлиана; 29 — в 197 г. н. э. как приверженцы Клодия Альбина; четверо из шести оставшихся — в 205 г. н. э., по всей вероятности, в связи с участием в заговоре префекта претория Плавциана против Севера и его сыновей¹⁷⁰. Таким образом, за 18 лет правления Септимия Севера только два сенатора, насколько мы можем судить по имеющимся сведениям источников, были казнены по неизвестным нам причинам, но не обязательно только из-за их принадлежности к сословию сенаторов.

Нет большой необходимости трактовать как проявление враждебности Севера к сенаторам и назначение всадников на высшие посты в провинции Месопотамии. Действительно, до Септимия Севера наместниками провинции с двумя легионами были сенаторы консулярского ранга в возрасте старше 40 лет. Но, как показал Г. Альфельди, уже при Марке Аврелии, когда в составе Римской империи было девять провинций, гарнизон которых включал два или три легиона, среди сенаторов насчитывалось только 25-30 чел., которые могли быть назначены на должность наместников этих провинций¹⁷¹. То есть каждый третий из них должен был обладать способностями для командования армией в 20-40 тысяч человек. С образованием провинции Месопотамии таких постов становилось больше, а количество сенаторов, которые могли бы их занять, вследствие казней при Септимии Севере и гибели в годы гражданской войны 193-197 гг. н. э., видимо, уменьшилось. Не мог Септимий Север доверить командование значительными военными силами родственникам казенных и сенаторам, которые не были казнены за поддержку соперников Севера в гражданской войне, но дискредитировали себя в глазах императора такой позицией. К тому же, как уже отмечалось, провинция Месопотамия граничила с агрессивной Парфией и для государства было бы лучше, если бы ее возглавлял имевший значительный опыт командования войсками наместник-всадник а не "полководец-любитель" из сенаторов. Естественно, что наместнику из всадников должны были подчиняться и всадники — командиры легионов этой провинции (I и III Парфянских). Поскольку II Парфянский легион размещался на

территории Италии и его командир должен был подчиняться всаднику — префекту претория¹⁷², то и во главе этого легиона был поставлен всадник. В пользу такого объяснения причин назначения всадников на должности наместника провинции Месопотамии и командиров новых легионов говорит тот факт, что во главе старых провинций и легионов были оставлены сенаторы. Если бы Септимий Север действительно стремился уменьшить роль сенаторов в деле руководства провинциями и армией, он мог бы заменить их всадниками в Сирии и Британии при изменении административного устройства этих провинций.

О враждебности Септимия Севера к сенату в целом, на первый взгляд, говорят возрастание значения императорского совета (*consilium principis*) в деле управления государством и усиление роли всадников в этом совете¹⁷³. Но здесь надо учитывать то обстоятельство, что за весь период своего правления Септимий Север совсем немного времени находился в городе Риме. Собственно, в столице империи или вблизи нее он был только в 202–206 гг. н. э., да и в это время покидал Рим для визита в Африку¹⁷⁴. Следовательно, Север часто просто не мог решать назревавшие вопросы по управлению государством совместно с римским сенатом. Свидетельства источников не позволяют делать вывод о том, что принадлежность к сенаторскому сословию препятствовала включению в состав императорского совета. В числе 205 членов императорского совета при Септимии Севере, имена которых нам известны¹⁷⁵, был и идеолог “партии сената” Дион Кассий, успешно сотрудничавший как с самим основателем династии, так и с его преемниками¹⁷⁶.

Против утверждений о враждебном отношении Септимия Севера к сенаторам свидетельствует то, что этот император довольно терпимо относился даже к тем членам сената, которых подозревали в поддержке его соперников в борьбе за императорскую власть. Хотя часть сенаторов и была выведена по этой причине из состава сената, им позволялось оставаться в Риме (*Dig.* I. 9, 3). Детям многих сосланных на острова Север разрешил хоронить умерших не в месте ссылки (*Dig.* XLVIII. 24, 2). Никому из родственников казненных врагов государства или симпатизировавших им не запрещалось занимать какие-либо должности при соответствии требованиям возрастного ценза¹⁷⁷. В годы гражданской войны 193 — 197 гг. н. э., как показывает проведенный Г. Альфельди анализ данных эпиграфических источников, среди сенаторов были не только враги Септимия Севера, но много и его сто-

ронников¹⁷⁸. Можно согласиться с мнением авторитетного историка, что после победы в гражданской войне Север не преследовал цели полностью лишить сенат власти и пресечь всяческие притязания представителей сенаторского сословия. Но внутреннее положение в империи заставляло его в первые годы своего правления бороться с выступившими против него группами в составе сената¹⁷⁹.

Преобразования Септимия Севера не внесли радикальных изменений в политический строй Римской империи. Они проводились с целью укрепления императорской власти путем “усовершенствования” системы Принципата, а не замены ее какой-то другой системой. По мнению О. Шульца, с которым можно согласиться, принципат Септимия Севера не представлял собой разрыва с прошлым, и при нем официально признавалось, что император управляет римским государством по поручению римского народа и сената, а не по воле армии¹⁸⁰.

Сыновья Септимия Севера — Каракалла и Гета, правившие после смерти основателя династии, в целом следовали его завещанию. Недолго правившие Макрин и Гелиогабал старались сохранять лояльность армии и без особого почтения относились к сенату. Однако и при них в римском государстве продолжала существовать система Принципата¹⁸¹.

Правление последнего из императоров северовской династии — Александра Севера — ознаменовалось возрастанием если не власти, то престижа сената в государстве. Это было связано с большим влиянием на молодого императора (он начал править в возрасте 14 лет¹⁸²) его бабушки Юлии Месы и матери — Юлии Маеи, которые, как пишет Л. Омо¹⁸³, видели главную опасность для власти юного императора в военной анархии и стремились усилить позиции принцепса с помощью авторитета сената и возвращения к порядкам раннего Принципата. По данным Зонары (XII, 15), “... Маея приставила к сыну лучших людей из сената, с которыми он советовался во всех своих действиях”. Геродиан (VI, 1) сообщает, что в качестве помощников и советников Александра из состава сената были избраны “... 16 мужей, считавшихся наиболее почтенными по возрасту и воздержанными по образу жизни”. Наряду с этим управлять государством императору помогал состоявший в основном из сенаторов императорский совет, включавший 70 человек, 20 из которых являлись профессиональными юристами (SHA. v. A. Sev. 16). Как сообщает автор жизнеописания Александра Севера (SHA. v. A. Sev. XLVI), император “... дол-

жности наместников, проконсулов и легатов ... всегда давал ... руководствуясь либо собственным суждением, либо суждением сената". Возрастание роли сената проявилось также в подтверждении за ним права рассматривать уголовные дела, возбужденные против лиц высокого ранга, в предоставлении ему права на утверждение всех назначений на высшие посты императорской администрации¹⁸⁴.

Однако И. В. Нетушил считал, что просенатский характер правления Александра Севера не нужно преувеличивать. При этом императоре были проведены и преобразования, которые сокращали компетенцию бывших республиканских институтов. Так, именно Александр Север учредил при префекте города совет из 14 представителей районов (*regiones*) Рима под названием *curatores urbis* для совместного обсуждения вопросов жизни столицы империи. В связи с этим прекратилось избрание сенатом магистратов (преторов, эдилов, трибунов) для управления отдельными *regiones*. Тогда же эдилитет и трибунат перестали быть обязательными ступенями сенаторской карьеры, и после Александра Севера эдилов и трибунов уже больше не избирали¹⁸⁵.

По мнению И. В. Нетушила, гражданский образ правления Александра Севера вызывал недовольство в армии, усугублявшееся стремлением императора к бережливости и к восстановлению солдатской дисциплины¹⁸⁶. Хотя, по-видимому, в первые годы его правления армия не проявляла недоброжелательности по отношению к молодому правителю. Геродиан пишет, что "... замена наглой тирании ... некоей аристократической формой правления" была по душе не только сенату и народу, но и солдатам (VI, 1). Отношения между императором и армейскими кругами стали портиться только после того, как в связи с наступлением персов на владения римлян Александр во главе войск отправился на Восток. Здесь проявилась неспособность императора успешно руководить военными действиями. Римляне потерпели поражения, понесли значительные потери (Herodian. VI, 5-6). В 231 г. н. э. начались вторжения варваров в Мезию и Фракию¹⁸⁷. Когда вести об этом пришли на Восток, участвовавшие в войне с персами воины-иллирийцы фактически заставили Александра Севера прекратить военные действия в восточной части империи и заняться изгнанием варваров из тех областей, где находились их семьи (Herodian. VI, 7). Как отметил Й. Фитц, это был первый случай, когда иллирийцы предпочли нужды своей родины интересам всей империи¹⁸⁸.

Нерешительность действий Александра Севера на дунайской границе, его попытки купить мир у варваров окончательно подорвали его авторитет в войсках. Намерение императора выплатить деньги варварам за счет сокращения расходов на армию еще более усилили раздражение солдат (Herodian. VI, 7). Этими настроениями в войсках воспользовался Максимин Фракиец, и в конце февраля или начале марта 235 г. н. э.¹⁸⁹, свергнув непопулярного императора, он пришел к власти.

По определению К. Христа¹⁹⁰, Максимин Фракиец был первым солдатским императором в узком смысле этого слова и типичным представителем этого нового типа римских правителей. Древние авторы также подчеркивают, что Максимин пришел к власти по воле солдат, вопреки желанию сената и без его постановления (SHA. Maxim. Duo. VIII; Aur. Vict. De Caes. 25; Oros. VII. 19, 1).

Можно согласиться с мнением К. — П. Йоне, что в 235 г. н. э. в Римской империи произошло нечто до сих пор невиданное¹⁹¹: уроженец пограничной области на Нижнем Дунае, простой солдат, благодаря службе в армии ставший офицером и попавший в состав всаднического сословия, был провозглашен императором и в течение трех лет управлял Римской империей. Несомненно, приход к власти путем убийства угодного сенату Александра Севера, незнатность происхождения нового императора не могли способствовать возникновению дружественных отношений между Максиминим и сенаторами. По сообщению Геродиана (VII, 1), придя к власти, Максимин "... немедленно отстранил всех, кто сопровождал Александра в качестве советников, избранных сенатом: некоторых из них он отослал в Рим, а от некоторых отделался под предлогом назначения управлять провинциями". Автор жизнеописания Максимиана пишет, что "... он ненавидел сенат" (SHA. Maxim. duo. XII). Раздражение сената должно было вызвать то, что, став императором, Максимин не спешил в Рим, а ограничился извещением сената о своем избрании солдатами и все внимание сосредоточил на ведении войны с германцами (SHA. Maxim. duo. X).

А. М. Ременников оценивал правление Максимиана Фракийца как открытую военную диктатуру и считал, что установление этой диктатуры обусловлено ростом революционного движения в империи и критическим внешнеполитическим положением римского государства. По его мнению, Максимин и его окружение энергично действовали против сената и крупного senatorского земле-

владения¹⁹². Однако, видимо, следует признать уместным предостережение Б. Блекманна от чрезмерного упрощения характера взаимоотношений между Максиминим и сенатом¹⁹³. Хотя новый император лично и не предстал перед римским сенатом, он послал ему сообщение о провозглашении его императором солдатами; и сенат, пусть и без особого энтузиазма, официально признал его законным правителем империи и возложил на него обычные почести и титулы римских императоров, что нашло отражение и в дошедших до нас надписях (CIL. VI, 2001; 2009). В 236 г. н. э.¹⁹⁴ Максимин объявил Цезарем своего сына, и он тоже был признан сенатом как глава молодежи (*princeps iuventutis*) и кооптирован в коллегию жрецов (CIL. VI, 1009). По всей видимости, в столицу империи Максимин не спешил в силу двух обстоятельств. Во-первых, как отмечает автор его жизнеописания, "... став императором, Максимин сразу начал вести все войны ... желая сохранить составившееся о нем мнение" (SHA. Maxim. duo. X). Ведь солдаты убили Александра Севера потому, что он не вел решительной войны против германцев, и надеялись, что опытный полководец Максимин будет править иначе. Во-вторых, сам Максимин понимал, что сенат встретит его в Риме без ликования, так как "... относится нему с большим презрением" (SHA. Maxim. duo. XII). Поэтому он, вероятно, хотел успехами в войне с германцами оправдать надежды солдат и, прибыв в столицу как победитель в большой войне, добиться более радушной встречи со стороны сената и жителей Рима.

Но война с германцами приняла затяжной характер. Расходы на ведение боевых действий и содержание армии заставили Максимина прибегнуть к непопулярным мерам. По сообщению Геродиана (VII, 3), "... под предлогом непрерывных расходов на оплату воинов Максимин разорил многих богатых людей, использовал на это государственные деньги, собиравшиеся для благодеяний и раздач, посвящения в храмы, статуи богов". Конечно, это вызывало недовольство не только сенаторов, но и всего гражданского населения империи.

Поскольку Максимин за все время своего правления ни разу не прибыл в Рим, он не привлекал сенат к решению текущих вопросов по управлению государством. На фоне предшествующего правления Александра Севера роль сената в политической жизни империи заметно уменьшилась. С другой стороны, Максимин стремился сохранить верность ему армии и заботился о нуждах солдат. В течение трех лет армия оставалась лояльной по отношению

к императору, и сенат не предпринимал никаких действий против Фракийца.

Свержение Максимиана Фракийца с престола явилось логическим завершением событий, начавшихся в провинции Африке. В начале 238 г. н. э.¹⁹⁵ против Максимиана выступили, по Геродиану (VII, 4), “некие молодые люди” города Тиздра, когда “... наместник Ливии ... попытался немедленно взыскать деньги и лишить их отцовского и родового имущества”. Это выступление привело к тому, что восставшие объявили императором наместника провинции Африки М. Антония Гордиана, который затем сделал соправителем своего сына (Гордианы I и II).

Внезапно оказавшись противником Максимиана Фракийца, Гордиан I решил заручиться поддержкой римского сената. Он “... разослал многочисленные послания тем, которые слыли первыми лицами в Риме, составил официальные послания римскому народу и сенату” (Herodian. VII, 6). Собранный консулом для обсуждения событий в Африке сенат принял решение признать Гордианов императорами, а Максимиана объявил врагом государства (Herodian. VII, 7; SHA. Maxim. duo. XIV — XVI; Zos. I. 14, 1). По мнению М. Кэри¹⁹⁶, сенаторы решились выступить против Максимиана, потому что при Александре Севере они познали вкус власти и осознали важность сената в системе государственных органов империи. Ф. Кольб считает, что сенат поддержал выступление в Африке, так как многие сенаторы имели в африканских провинциях земельные владения¹⁹⁷. Понимая, что отвергнутый император не оставит без внимания действия сената, участники сенатского заседания решили для подготовки войны с Максимином создать специальный комитет из 20 консуляров (Zos. I. 14, 2). Официальное название этого комитета (XX viri ex s(enatus) c(onsulto) g. r. curandae) сохранилось в надписи, поставленной в честь одного из членов комитета — Л. Цезония Луцилла (CIL. XIV, 3902 = ILS. 1186)¹⁹⁸. К. Дитц предполагает, что большинство членов этого комитета составляли сенаторы-италики. Они могли иметь тесные контакты с населением Италии, которое нужно было мобилизовать на войну с Максимином¹⁹⁹. Ко всем наместникам провинций сенат отправил посольства из сенаторов и видных всадников с просьбой “... помочь их общей родине и сенату” (Herodian. VII, 7).

Правление Гордианов оказалось непродолжительным²⁰⁰. Оба они погибли вследствие того, что против них во главе III Августа легиона выступил смещенный Гордианом I со своего поста наместник Нумидии Капеллиан (SHA. Maxim. duo. XIX). Когда

весть о гибели Гордианов пришла в Рим, сенат избрал императорами членов комитета 20-ти Бальбина и Пупиена (Herodian. VII, 10; SHA. Gord. Tres. XXII; Aur. Vict. De Caes. 26). Подобно республиканским консулам они получили одинаковые полномочия и титулы, и даже впервые в римской истории оба стали верховными понтификами (CIL. VIII, 10365 = ILS. 496). Однако это решение сената вызвало возмущение жителей города Рима, по требованию которых сенаторы предоставили внуку Гордиана I (в посвященной ему надписи он назван "сын сестры божественного М. Антония Гордиана" (CIL. VIII, 848)) — Гордиану III титул Цезаря (Herodian. VII, 10). После этого Пупиен, как имевший опыт командования войсками, отправился на север Италии для борьбы с Максимом, а Бальбин и Гордиан III должны были поддерживать порядок в столице (Herodian. VII, 12). "После отправления Максима (Пупиена — И. С.) на войну сенат разослал по всем областям (Италии — И. С.) консуляров, бывших преторов, бывших квесторов, бывших эдилов а также бывших трибунов — с целью побудить каждую городскую общину заготавливать хлеб, оружие, средства защиты и позаботиться о стенах ... Во все провинции были посланы тайные агенты, и был дан письменный приказ считать врагом всякого, кто будет помогать Максиминому" (SHA. Max. et Balb. X).

Тем временем "взбешенный Максимин" (SHA. Max. et Balb. I) быстро собрал войска и выступил в поход на Рим. Поскольку в Италии не было значительных военных сил, он, вероятно, надеялся без особых усилий захватить столицу империи и наказать сенаторов. Но ему удалось дойти лишь до Аквилеи. Оборону города возглавили члены комитета 20-ти Криспин и Менофил (Herodian. VIII, 2; SHA. Max. et Balb. XII). Максимин не смог взять Аквилею с ходу и приступил к осаде города. Когда осада приняла затяжной характер, выяснилось, что воины Максимиана не имеют достаточного количества продовольствия и питьевой воды. В армии росло раздражение. Наконец, солдаты II Парфянского легиона, семьи которых оставались в лагере легиона недалеко от Рима, опасаясь за судьбу своих близких, выступили против Максимиана. Это выступление привело к гибели Максимиана Фракийца и его сына (Herodian. VIII, 5; SHA. Maxim. duo. XXIII).

В событиях политической жизни Римской империи в 238 г. н. э. сенат, несомненно, сыграл очень важную роль. Тем не менее нужно отметить, что сенат не был инициатором выступления против Максимиана Фракийца, не выдвинул своего ставленника на импе-

раторский престол, а только поддержал объявившегося в Африке противника непопулярного императора. После гибели Гордианов сенат вынужденно возглавил борьбу против Максимиана, открыто выступив против него и не надеясь на примирение с ним. Армия же сохраняла верность Максимиану и после принятия решения сената об объявлении его врагом государства. Солдат II Парфянского легиона побудило выступить против Максимиана не преклошение перед авторитетом сената, а разочарование в действиях императора и опасение за судьбу своих близких.

После свержения Максимиана Фракийца во главе Римской империи оказались избранные сенатом императоры Пупиен и Бальбин. Воины пребывали в унынии, сенат же торжествовал, и ему в правление Пупиена и Бальбина "... оказывалось очень большое уважение" (SHA. Max. et Balb. XIII).

Но и правление "сенатских императоров" длилось недолго. Вскоре выяснилось, что новые правители империи не могут мирно сосуществовать. Как отмечает К. — П. Йоне, Бальбина и Пупиена объединяло то, что обоим перевалило за 60, они относились к числу консуляров, были близки к Александру Северу и входили в состав комитета 20-ти. Но если Бальбин по происхождению относился к провинциальной аристократии Бетики, то Пупиен был homo novus, выходцем из всаднического сословия. Историк полагает, что в сенате в это время соперничали между собой фракции старой аристократии и "новых людей". Бальбин и Пупиен являлись представителями этих фракций, и напряженные отношения, сложившиеся между "сенатскими императорами" после победы над Максимианом, отражали соперничество, существовавшее внутри римского сената²⁰¹. Отсутствие единомыслия между Бальбином и Пупиеном подрывало их авторитет. Преторианцы, затаившие зло на "сенатских императоров" еще со времени гибели Максимиана Фракийца, внезапно выступили против Бальбина и Пупиена, убили их и объявили императором Гордиана III. При этом они "издевались над сенатом и народом" (SHA. Max. et Balb. XIV).

По мнению Дж. Карателли, трагическая участь Гордианов, Пупиена и Бальбина показала, что хозяевами положения в империи оставались преторианцы и легионеры, а сенат не мог выступать их достойным соперником²⁰². Действительно, сенат не попытался привлечь к ответу виновников гибели избранных им императоров, признал Гордиана III законным правителем государства. Отметим, что провозглашение императором Гордиана III было

последним случаем, когда вопрос о передаче императорской власти решался рядовыми преторианцами (но не префектами преторианской гвардии). Видимо, следует признать справедливым наблюдение К. — П. Йоне, что с 238 г. н. э. вследствие постоянного напряженного положения на границах империи роль в политической жизни государства таких тесно связанных со столицей империи институтов, как преторианская гвардия и сенат, все более уменьшалась, а значение размещавшихся в пограничных провинциях воинских соединений и провинциальной знати постепенно увеличивалось²⁰³. На роли, которую играли сенат и армия в десятилетие после свержения Бальбина и Пупиена, в значительной степени отразилось то обстоятельство, что именно на этот период выпадает становление в римских вооруженных силах института дукатов. С одной стороны, это привело к возрастанию политической активности солдат римской армии. Наиболее значимые для самого существования римского государства группировки провинциальных войск претендуют на то, чтобы их полководец был и правителем империи; возникает соперничество между отдельными армейскими группировками. При этом часто толчком к провозглашению крупного военачальника императором становился успех возглавляемой им армии в борьбе с варварами. По подсчетам Ф. Хартманна, две трети попыток узурпаций императорской власти в III в. н. э. произошло примерно в то же время, когда и вторжения варваров в империю, и именно на том участке границы, который испытывал давление внешних сил²⁰⁴. С другой стороны, в условиях отсутствия внутреннего единства римской армии провозглашение полководца императором одной из армейских группировок не гарантировало прочности его власти, так как в любой момент можно было ожидать, что какая-либо другая группировка провинциальных войск выдвинет своего претендента на императорский престол. Поэтому провозглашенные солдатами императоры были вынуждены искать дополнительные основания легитимности своей власти. Некоторые из них считали таким основанием волю сената. Таким образом, роль сената в политической жизни Римской империи и в этих условиях полностью не сошла на нет.

В правление Гордиана III позиции сената и сенаторов в управлении империей ослабли. Казалось бы, молодой император (к власти он пришел в 13-летнем возрасте²⁰⁵) должен был испытывать чувство благодарности по отношению к поддержавшему его деда и дядю сенату. О том, что Гордиан III действительно не за-

был о событиях 238 г. н. э. в Африке, свидетельствует наказание, которому он подверг III Августов легион. Но вместе с тем и соправителем Пупиена и Бальбина, и единоличным главой государства он стал вопреки воле сената. К тому же юный император просто не был в состоянии проводить самостоятельную политику и полностью оказался под влиянием своего окружения. На основе анализа политической карьеры известных нам членов комитета 20-ти К. — П. Йоне пришел к заключению, что к 241 г. н. э. фактическим правителем империи являлся префект претория и тесть Гордиана III Тимеситей, руководивший действиями императора и отстранивший членов комитета 20-ти от важных гражданских и военных постов²⁰⁶.

После смерти своего тестя в 243 г. н. э. (CIL. XIII, 1807 = ILS. 1330) Гордиан III попал под влияние нового префекта претория Филиппа, который в 244 г. н. э. и сменил его на императорском престоле.

Филипп Араб — третий, после Макрина и Максимиана Фракийца, римский император, не принадлежавший на момент занятия престола к сословию сенаторов. Но в отличие от Максимиана он сразу после провозглашения его императором солдатами на восточной границе империи заключил мир с персами, поспешил в Рим и постарался установить хорошие отношения с сенатом. Видимо, он считал важным для себя иметь поддержку со стороны сената. Возможно, с целью укрепления своих позиций во главе империи он провел и празднование тысячелетнего юбилея города Рима. Однако при нем уже шла борьба за возведение на престол своего полководца между провинциальными группировками римской армии. Если попытки узурпации императорской власти Пакацианом на дунайской границе²⁰⁷ и Иотапианом на Востоке²⁰⁸ закончились безуспешно, то провозглашенный подчиненными ему войсками в Паннонии Деций оказался более удачливым. Характерно, что как только Деций в 249 г. н. э. выступил против Филиппа Араба, сенат объявил его врагом государства, но еще в том же году после победы Деция над Филиппом сенат признал его законным правителем империи²⁰⁹.

Вероятно, в правление Деция (249-251 гг. н. э.) сенату со стороны императора внешне оказывалось уважение. Деций принял имя пользовавшегося хорошей памятью у сенаторов императора Траяна. В связи с напряженной обстановкой на границах империи Децию было не до преобразований в политическом устройстве государства. Вопрос стоял о самом существовании Римской

империи. Поэтому он и не пытался как-то изменить роль старых политических институтов. Сенат же расценивал это как расположенность к нему императора и, когда Деций и его сын погибли в битве с варварами, объявил оставшегося в живых сына императора — Гостилиана Августом, хотя армия уже провозгласила императором Требониана Галла. В связи с этим Галлу пришлось усыновить Гостилиана (Aur. Vict. De Caes. 30; Epit. 30).

В короткое правление Требониана Галла (251-253 гг. н. э.) и еще более короткое — Эмилия Эмилиана (253 г. н. э.) сенат не проявлял особой политической активности. Императоров возводили на престол находившиеся под их командованием войска, а сенат послушно санкционировал выбор армии.

Солдатами же был провозглашен и император Валериан (253-260 гг. н. э.), но сенат по собственной инициативе объявил Цезарем находившегося в Риме его сына Галлиена (Aur. Vict. De Caes. 32; Eutrop. IX, 7; Oros. VII. 22, 1), а немного позже признал его соправителем Валериана с титулом Августа (ILS. 531). В 258 г. н. э.²¹⁰, когда Валериан находился на Востоке, а Галлиен — на Рейне, алеманны и маркоманны вторглись в Италию, дошли до Равенны и угрожали самому Риму. Тогда сенат мобилизовал жителей Рима на борьбу с варварами, и последние повернули назад (Zos. I, 37).

В период совместного правления Валериана и Галлиена императорами не проводились какие-либо преобразования, которые сказались бы на роли сената в государстве. Но для того чтобы обезопасить себя от попыток узурпации императорской власти со стороны крупных военачальников, Валериан и Галлиен решили внести некоторые изменения в организацию высшего командования войсками. Не отказавшись от системы дукатов, они стремились назначать командующими важнейших провинциальных армейских группировок представителей правящей императорской семьи²¹¹. Когда Валериан отправился на войну с персами, верховное командование войсками западной части империи осуществлял Галлиен. Сыновья Галлиена (Валериан и Салонин) представляли правящую семью на Дунае и Рейне. Однако это не привело к стабилизации внутривластного положения империи. После смерти сыновей Галлиен был вынужден искать другие способы укрепления позиций центральной императорской власти.

При единоличном правлении Галлиена в организации управления провинциями и армией проводились реформы, которые объективно вели к уменьшению роли сената и сенаторов в поли-

тической жизни империи. Если замену сенаторов всадниками на командных постах в армии можно объяснить стремлением Галлиена повысить боеспособность римских войск в борьбе с внешними врагами, то создание мобильного резерва войск не в меньшей мере предполагало использование его и в борьбе с попытками командиров провинциальных армейских группировок узурпировать императорскую власть. С помощью конного корпуса, возглавляемого Авреолом, Галлиену удалось отразить вторжения варваров, подавить выступления Ингенуя и Регалиана на Дунае, но восстановить территориальное единство Римской империи и предотвратить дальнейшие попытки узурпации императорской власти посредством своих реформ он не смог. Изменилось в этом плане лишь то, что теперь солдаты провозглашали императорами не только командующих пограничными войсками, но и командиров резервной мобильной армии, начиная с Авреола.

Галлиен не стремился к установлению хороших отношений с сенатом, и сенаторы не любили его. Весть о гибели Галлиена Рим встретил с ликованием, сенаторы убили находившегося в столице малолетнего сына ненавистного императора (Aur. Vict. De Caes. 33; Zon. XII, 26).

Сменивший Галлиена на императорском престоле Клавдий II традиционно причисляется к "сенатским" императорам. Хотя императором его провозгласили армейские офицеры, подготовившие убийство Галлиена (Zos. I, 40; Zon. XII, 25), Орозий сообщает, что этот император пришел к власти по воле сената, за победы над готами сенат отметил его помещением в курии золотого щита и установлением на Капитолии его золотой конной статуи (Oros. VII. 23, 1). Клавдий пользовался симпатиями сенаторами, но он почти все время своего правления находился вне Рима, воюя с варварами, и скорее всего не внес никаких изменений в порядки, установленные Галлиеном. Так что роль сената и армии в империи при нем оставалась прежней.

Когда Клавдий II умер от болезни, к власти пришел его брат Квинтилл, оставленный Клавдием во главе войск в северной Италии для защиты полуострова и столицы империи от возможного вторжения варваров (SHA. v. Aurel. XXXVIII). По мнению некоторых историков, в момент смерти Клавдия Квинтилл находился в Риме, где его объявили императором по решению сената, а потом он получил признание войск²¹². А. Альфельди считал, что войска объявили Квинтилла императором в Аквилее, а потом уже из любви к Клавдию его признал и римский сенат²¹³. Но солдаты

придунайских войск встретили провозглашение императором брата Клавдия II без особого энтузиазма. На дунайской границе продолжалась война с варварами, и когда полководец Л. Домиций Аврелиан, уже в правление Квинтилла, одержал ряд побед над противником, среди солдат стали распространяться слухи о том, что Клавдий, умирая, назначил своим преемником на престоле именно Аврелиана. И весной 270 г. н. э.²¹⁴ воины в Сирмии объявили его императором (SHA. v. Aurel. XVII; Zon. XII, 26; Zos. I, 47).

Квинтилл, узнав о провозглашении императором Аврелиана, сначала хотел бороться с ним за императорскую власть, но когда увидел, что солдаты не намерены его поддерживать, вскрыл себе вены (SHA. v. Aurel. XXXVIII; Zos. I, 47; Leon Grammaticus (ed. Bonn, 1842). — P. 79).

Отношения между Аврелианом и сенатом с самого начала правления этого императора были напряженными. Если, как отмечалось выше, в 258 г. н. э., когда варвары вторглись в Италию, сенат организовал сопротивление им, то в апреле 271 г. н. э., когда римские войска потерпели поражение от варваров у Плаценцы и над Италией снова нависла большая опасность, сенат не предпринял таких действий²¹⁵. Более того, видимо, в это время в Риме произошли какие-то выступления против императора, в которых были замешаны и некоторые сенаторы. Поэтому Аврелиан срочно прибыл в Рим, навел здесь порядок и даже казнил нескольких сенаторов (SHA. v. Aurel. XXV; Eutrop. IX, 14). По мнению М. Беснье²¹⁶, именно в это время произошло восстание работников римского монетного двора во главе с Фелициссимом (SHA. v. Aurel. XXI). После этих событий римский сенат стал бояться Аврелиана (SHA. v. Aurel. L), а народ по причине сурового отношения императора к членам сената прозвал его “дядькой сенаторов” (*vulgo dicebat Aurelianus paedagogum esse senatorum* (SHA. v. Aurel. XXXVII)).

Если даже Аврелиан, как считал Х. Паркер²¹⁷, и советовался с сенатом по поводу строительства стен вокруг Рима и проведения денежной реформы, следует признать, что роль сената в управлении государством при нем уменьшилась. Как отмечал Р. Шерцль²¹⁸, при Аврелиане сенат уже не имел никакого отношения к монетному делу. Аврелиан лишил сенат права выпускать даже медную монету. Теперь выпуск монеты из всех металлов (золота, серебра, меди) стал монополией императора. И. В. Нетушил полагал²¹⁹, что Аврелиан уничтожил последний остаток бывшей диархии, заключавшийся в буквах S C (*senatus consulto* — И. С.) на медной моне-

те. Этим же у сената было отнято право на непосредственное распоряжение сенатским отделением государственной казны (эзария): расходы из него могли теперь производиться только по разрешению императорских префектов эзария.

У солдат Аврелиан имел большой авторитет, но был строг к ним, требовал высокой дисциплины (в связи с этим Евтропий называет его *disciplinae militaris corrector* (IX, 14)). Император стремился быть независимым от армии. Об этом свидетельствует сообщение анонимного продолжателя Диона Кассия, согласно которому во время солдатского мятежа Аврелиан заявил воинам, что не они, а бог дал ему власть, а потому бог и определяет, сколь долго он будет находиться у власти (*"Deum, qui dator sit purpurae ..., etiam annos regni definire"* (Dio. Cont. 10, 6 // FHG. IV. — P. 197)).

К концу своего правления Аврелиан не только восстановил территориальное единство Римской империи, но и добился внутреннего единства римской армии. Можно считать, что к 275 г. н. э. в империи прекратилась борьба за господство между провинциальными военными группировками. После возвращения территории Галльской империи под власть Рима войска Запада были ослаблены и деморализованы и не могли претендовать на право возводить на императорский престол своего ставленника. На Востоке еще со времен Галлиена фактически не было римских войск, их заменили здесь войска правителей Пальмиры²²⁰. После победы над пальмирцами Аврелиан по существу вновь создал римскую армию в восточной части империи. В связи с этим в монетах, выпущенных в 274-275 гг. н. э. в Кизике, он назван "восстановителем войска" (*RESTITUTOR EXERCITI*)²²¹. Эта армия была образована в результате размещения в восточных провинциях подразделений конницы и набранных из иллирийцев двух новых легионов²²². Следовательно, восточная армейская группировка представляла собой "филиал" придунайской армии, ставленник которой Аврелиан мог не опасаться, что на Востоке появится претендент на императорский престол, пользующийся поддержкой местных войск.

Хотя позиции императора в таких условиях были достаточно прочными, Аврелиан, тем не менее, понимал временность данной ситуации и не хотел основывать свою власть только на поддержке армии. Он принимает меры для обоснования божественности происхождения императорской власти. К их числу относят строительство храма Солнца в Риме и учреждение коллегии жрецов для отправления культа Непобедимого Солнца²²³. На монетах Аврелиана

на его соправителем выступает Геркулес, сам Аврелиан носит на голове диадему, символизирующую божественный характер его власти, в легендах монет он называется богом и господином от рождения (DEUS ET DOMINUS NATUS)²²⁴.

Сразу после победы над Пальмирой Аврелиан не стал отворачивать у персов Месопотамию, поскольку вторжение карпов в Нижнюю Мезию и необходимость ликвидации Галльской империи требовали его срочного возвращения на Запад²²⁵. Но в 275 г. н. э. он решил начать войну с персами и вернуть Месопотамию под власть римлян. В Персии в это время происходила частая смена правителей²²⁶, и можно было надеяться, что война с персами не будет трудной.

Собрав в Иллирике «скорее большое, чем огромное войско» (SHA. v. Aurel. XXXV), Аврелиан двинулся на Восток, но в пути, в местечке Кенофрурии, находившемся между Гераклеей и Византием (SHA. v. Aurel. XXXV; Eutrop. IX, 15; Lact. De mort. pers. 6; Zos. I. 62, 1), был убит²²⁷.

Е. М. Штаерман связывала гибель Аврелиана с углублением социальных противоречий в римской армии. По ее мнению, этот император, выдавая командному составу армии большое жалование деньгами, натурой и обширными землями, способствовал сближению армейских офицеров с провинциальными земельными магнатами. Рядовые же солдаты были против уступок сенаторскому сословию, и Аврелиан пал жертвой их оппозиции²²⁸.

Однако свидетельства нарративных источников показывают, что убийство императора — прямое следствие его чрезмерной строгости. Организатором убийства стал письмоводитель Аврелиана по секретным бумагам императорский вольноотпущенник Мнестей (Mnesteus)²²⁹. Он совершил какой-то служебный проступок и боялся строгого наказания императора. Тогда, умело подделав почерк Аврелиана, он составил список воинов, которых император якобы намеревался казнить, и для убедительности включил в него и свое имя. Показав список намечавшимся жертвам, он добился того, что ценой жизни императора избежал наказания (SHA. v. Aurel. XXXV — XXXVI; Aur. Vict. De Caes. 35; Epit. 35; Eutrop. IX, 15; Zos. I. 62, 1).

После смерти Аврелиана встал вопрос о новом правителе империи. Поскольку убитый император имел только одну дочь (SHA. v. Aurel. XLII), о прямом наследовании императорской власти речи быть не могло. И тут выяснилось, что в рядах армии, собранной для войны с персами, нет достойного претендента на императорс-

кий престол. Солдаты не провозгласили императором кого-либо из своих военачальников, как этого можно было ожидать, а решили обратиться к сенату с просьбой избрать правителя из числа сенаторов (SHA. v. Aurel. XL; v. Tac. II; Aur. Vict. De Caes. 35).

Современными историками высказаны различные соображения по вопросу о причинах отказа армии от провозглашения нового императора. Г. Ферреро и К. Барбагалло считали, что солдаты наконец поняли, что император, избранный солдатами, не будет признан другими армиями. В поисках мира, порядка и безопасности они обратились к сенату, который наряду с комициями на протяжении веков был священным источником права²³⁰. А. Альфельди видел в факте признания иллирийскими войсками права сената на избрание императора доказательство наличия у них консервативно-римского чувства²³¹. Х. Паркер полагал, что воины доверили сенату избрание императора потому, что сенат к тому времени во многом состоял из бывших офицеров армии²³². Л. Омо обратил внимание на то, что Аврелиан, в отличие от Галлиена, не был убит в результате хорошо подготовленного заговора, участники которого заранее продумали бы и вопрос о возведении на императорский престол конкретного человека²³³. Ф. Хартманн объясняет решение солдат обратиться к сенату специфичностью сложившейся ситуации, когда офицеры армии, собранной для войны с персами, дискредитировали себя участием в убийстве Аврелиана, а наиболее достойные кандидаты на освободившийся императорский престол находились в это время далеко от места событий — на Востоке (Проб, Сатурнин) или на Западе (Прокул, Боноз)²³⁴. Е. М. Штаерман и здесь видела проявление острых противоречий внутри римской армии. Согласно ее мнению, с предложением об избрании нового императора к сенату обратилась не вся армия, а ее высший командный состав, представители которого все теснее смыкались с крупными земельными собственниками и этим шагом рассчитывали добиться примирения с сенатской знатью²³⁵.

На наш взгляд, участие офицеров в убийстве Аврелиана действительно в определенной степени оказало влияние на поведение солдат. Автор жизнеописания Аврелиана сообщает, что воины не хотели, чтобы императорский престол занял человек, причастный к убийству “столь хорошего государя” (SHA. v. Aurel. XL). Несомненно, на ходе событий отразился и тот факт, что в момент гибели императора его наиболее авторитетных полководцев не было рядом, на месте событий. Однако последнее обстоятельство

требует определенных комментариев. Конечно, не исключено, что если бы кто-либо из полководцев Аврелиана, ставших впоследствии императорами или пыгавшихся занять императорский престол, находился в районе Кенофрурия и не был замешан в убийстве Аврелиана, то солдаты провозгласили бы его императором. Но закономерно возникает вопрос, почему никого из них не объявили императором войска, не участвовавшие в походе на Персию. Ведь когда в 193 г. н. э. в Риме был убит император Пертинакс и преторианцы продали императорскую власть Дидию Юлиану, удаленность от столицы империи Британии, Сирии и Верхней Паннонии не помешала войскам этих провинций объявить императорами их наместников. Да и сенат впоследствии вел переговоры об избрании нового императора не со всеми военными группировками, а только с войсками, находившимися у Кенофрурия.

Думается, что поведение и солдат, и полководцев Аврелиана, и сената следует объяснять с учетом особенностей положения внутри римской армии и обстановки на границах империи в 275 г. н. э. И солдаты, и сенаторы понимали, что хозяином положения в государстве была именно придунайская армия, во главе которой Аврелиан намеревался воевать с персами. Войска Востока империи, как уже отмечалось, к этому времени еще не противопоставляли себя армии придунайских провинций. Наиболее популярный из полководцев Аврелиана Проб только в 274 г. н. э. прибыл в Египет²³⁶ и, вероятно, еще не настолько сблизился с восточной армией, чтобы она, вопреки воле иллирийского войска, объявила его преемником Аврелиана. Войскам же Запада в это время было не до притязаний на императорскую власть, так как они отражали вторжения варваров в римские владения и терпели от них поражения (SHA. v. Prob. XIII; XV; v. Tac. III). Как показывает археологический материал, именно в 275 г. н. э. западные провинции Римской империи подвергались самым ужасным из всех, имевших место в III в. н. э., вторжениям алеманнов и франков²³⁷.

Появление в Риме гонца от армии с сообщением об убийстве Аврелиана и предложением к сенату избрать нового императора было, конечно, для всех полной неожиданностью. Сенаторы отнеслись к этому предложению без всякого энтузиазма и отослали гонца назад с просьбой к солдатам самим решить вопрос о новом правителе империи. Как объясняют такую реакцию сената древние авторы, сенаторы знали, что избранные ими императоры не нравятся войнам, и уже привыкли к тому, что императоры провозглашаются солдатами (SHA. v. Aurel. XL; v. Tac. II; Aur. Vict.

De Caes. 35). Гонец вернулся к Кенофрурию, но солдаты опять обратились к сенату с тем же предложением. Таким образом, решение вопроса о преемнике Аврелиана затянулось. В империи неожиданно установился период междуцарствия. По сообщениям древних историков, он продолжался шесть (SHA. v. Aurel. XL; v. Tac. II; Aur. Vict. De Caes. 36; Cedren. — P. 455) или семь месяцев (Erit. 35). В течение этого времени гонцы не раз курсировали между Римом и Кенофрурием (SHA. v. Aurel. XL; v. Tac. II)²³⁸.

Автор жизнеописания императора Тацита считает, что в отсутствие императора государством совместно управляли сенат, воины и римский народ (*sub iudicio senatus et militum populi que Romani totus orbis est temperatus*) (SHA. v. Tac. II). По сути, в этот короткий период в Риме фактически была возрождена республиканская форма правления. Некоторые же современные историки считают, что во время междуцарствия империей правила вдова Аврелиана — Ульпия Северина, с именем которой продолжали чеканиться монеты во всех монетных дворах империи²³⁹. Однако такая точка зрения не может быть признана верной. Известно, что римские женщины не допускались к военной службе, судебным должностям и магистратурам (Tac. Ann. VI, 10; Dig. I. 17, 2; V. 1, 12), и правовое положение императрицы было таким же, как и положение других женщин²⁴⁰.

В конце концов сенат решился на избрание императора и объявил таковым консуляра М. Клавдия Тацита. Древние авторы объясняют выбор сената тем, что Тацит был богат и пользовался авторитетом среди сенаторов (SHA. v. Aurel. XLI; v. Tac. IV). Правда, согласно сообщениям Малалы (XII) и Зонары (XII, 28), ему было уже 75 лет. Вероятно, решающую роль в выборе сенаторов сыграло то обстоятельство, что Тацит при обсуждении вопросов на заседаниях сената первым высказывал свое мнение (*erat primae sententiae consularis*) (SHA. v. Tac. IV). Скорее всего, когда сенаторы в очередной раз получили предложение солдат избрать из своей среды нового императора, они были готовы назначить принцепсом кого угодно. И как только Тацит начал излагать свое мнение по этому вопросу, сенаторы прервали его выступление и предложили ему стать принцепсом. Собственно, так процесс избрания нового императора излагается автором его жизнеописания (SHA. v. Tac. IV)²⁴¹.

Будучи ставленником сената, Тацит произвел некоторые преобразования в интересах сенаторов. Л. Омо считал, что этот император сделал сферой судебной компетенции префекта города

Рима всю территорию Италии, вернул сенату управление бывшими сенатскими провинциями, но не восстановил выпуск сенатом медной монеты²⁴². Тацит обещал сенату, что в случае смерти наследовать его на престоле будет не кто-либо из его родственников, а достойнейший из сенаторов (SHA. v. Тас. XIV). Эти действия и заявления послужили основанием для того, чтобы в надписях его называли “действительным творцом свободы” и “восстановителем республики” (CIL. XII, 5563 = ILS. 591).

Чтобы иметь поддержку солдат, новый император провел раздачу денег и подарков (SHA. v. Тас. IX) и решил осуществить замыслы Аврелиана относительно войны с персами. В связи с намечавшимися военными действиями он вскоре после прихода к власти назначил М. Аврелия Проба главнокомандующим римскими войсками на Востоке (*dux Orientis*) (SHA. v. Prob. VII). Сам Тацит тоже отправился к театру военных действий, взяв с собой М. Анния Флориана, которого назначил на пост префекта претория (Zon. XII, 28; Zos. I. 63, 1). Древние авторы называют Флориана братом или двоюродным братом Тацита (SHA. v. Тас. XIV; v. Prob. X; Aug. Vict. De Caes. 36). Но поскольку они имели разные *nomina*, то, вероятно, и происходили от разных отцов²⁴³.

Сначала Тациту пришлось воевать не с персами, а с племенами Приазовья, вторгшимися в римские владения. В пределах империи эти варвары появились потому, что еще Аврелиан заключил с ними договор об их участии в войне против персов на стороне римлян (SHA. v. Тас. XIII). Когда они морским путем прибыли к берегам Малой Азии, им стало известно об убийстве заключившего с ними договор императора²⁴⁴. Тогда они напали на провинцию Понт, прошли в Галатию, Каппадокию и продвинулись далее на юг Киликии (Zon. XII, 28; Zos. I. 63, 1). Римляне одержали над варварами ряд побед (это видно из легенд монет — *VICTORIA GOTHICA*, *VICTORIA PONTICA*²⁴⁵) и вынудили их покинуть пределы империи²⁴⁶.

С персами Тациту так и не пришлось воевать. Его правление оказалось недолгим и закончилось уже в 276 г. н. э. В нарративных источниках содержатся две версии его смерти. Согласно одной из них, Тацит назначил наместником Сирии своего родственника Максимиана. Образ его правления провинцией вызвал возмущение солдат, которые убили этого родственника императора, а потом, опасаясь мести со стороны Тацита, убили и его (Zon. XII, 28; Zos. I. 63, 2; Cedren. — P. 463). По другой версии, Тацит умер от лихорадки (Epit. 36). Малала сообщает (XII), что Тацит правил

семь месяцев, другие древние авторы — шесть (SHA. v. Tac. XIII; XVI; G. Sync. — P. 722; Eus. Pamph. Chron. Can. — P. 393).

Среди достаточно многочисленных правителей Римской империи в III в. н. э. Тацит, несомненно, занимает особое место. Хотя в обстоятельствах его прихода к власти не все ясно, видимо, если не способ получения императорского престола, то образ правления позволял древним авторам считать его “сенатским” императором. Но у нас нет оснований утверждать, что при Таците в государственном устройстве Римской империи произошли какие-либо преобразования, которые заметно увеличили бы роль сената в политической жизни империи. Вероятно, большие симпатии просенатски настроенных древних авторов Тацит вызывал не вследствие того, что он реально сделал для сената и сенаторов, а потому, что в глазах этих авторов он выглядел весьма привлекательным на фоне тех императоров, которые были его предшественниками или пришли сразу после него.

После смерти Тацита правителем Римской империи стал Флориан. Автор жизнеописания императора Проба сообщает, что Флориана объявили императором войска, которые он возглавлял в войне с приазовскими племенами (SHA. v. Prob. XIII). По данным Зонары (XII, 29), Флориан получил власть от сената. Автор жизнеописания Тацита (SHA. v. Tac. XIV) и Аврелий Виктор (De Caes. 36) пишут, что Флориан занял императорский престол не по решению сената или солдат, а по собственной воле, как будто императорская власть могла передаваться по наследству, хотя он и знал, что Тацит обещал сенаторам не передавать престол своим родственникам. Как бы то ни было, римский сенат и, как это видно из надписей (CIL. II, 1115; III, 10061; VII, 1156; XIII, 8895), войска европейской части империи признали Флориана императором.

Но войска римского Востока отреагировали на эти события иначе и, как предполагает Х. Паркер²⁴⁷, уже через 15-20 дней после смерти Тацита провозгласили императором Проба. В результате, как сообщает Зонара (XII, 29), под властью Проба оказались Египет, Сирия, Финикия и Палестина, а власть Флориана распространялась на европейскую часть империи, Малую Азию и Африку к западу от Египта.

Как видим, вопрос о новом императоре после смерти Тацита решался совсем не так, как после убийства Аврелиана. Сенат и в этом случае занимал пассивную позицию. Вряд ли Флориан был объявлен императором по инициативе сенаторов, которым Тацит обещал не делать своим преемником кого-либо из родственников.

Но сенат и не поставил под сомнение правомочность притязаний брата Тацита на императорский престол. Армия же на этот раз не обратилась к сенату с просьбой избрать нового правителя, а провозгласила императором военачальника, причем не одного. Видимо, и в данном случае поведение солдат нужно объяснять с учетом положения в армии и обстановки на границах империи в момент смерти Тацита. Войска западной части империи снова не попытались возвести на престол своего ставленника потому, что ситуация на западной границе в правление Тацита к лучшему не изменилась²⁴⁸, и командирам местных подразделений римской армии было не до выдвижения своей кандидатуры на императорский престол. У войск же, которые вели военные действия против племен Приазовья, теперь был достойный кандидат в императоры — Флориан, родственник предшествующего императора. Он, возможно, уже успел добиться успехов в борьбе с варварами и приобрести популярность у солдат. Однако и у армии римского Востока теперь имелся свой претендент на императорский престол — Проб, один из военачальников Аврелиана, назначенный Тацитом на пост главнокомандующего всех римских войск на Востоке. Не исключено, что уже под командованием Проба римляне добились побед над персами, и он также был популярен у солдат. К тому же Проб становился соперником императора, провозглашенного не римским сенатом, а подчиненными ему войсками.

Борьба между Пробом и Флорианом была недолгой²⁴⁹. Не позже августа 276 г. н. э.²⁵⁰ Флориан был убит своими же солдатами у Тарса в Киликии (SHA. v. Тас. XIV; v. Prob. X; Aug. Vict. De Caes. 37; Zos. I. 64, 4)²⁵¹, и Проб стал единственным правителем империи.

Хотя Проб пришел к власти по воле армии, внешне он стремился установить хорошие отношения с сенатом. Автор его жизнеописания сообщает, что новый император сохранил за сенатом все полномочия, полученные им от Тацита, обещал представлять на утверждение сенату все свои законопроекты (SHA. v. Prob. XIII). Как отмечал Э. Даннхейзер²⁵², имеющиеся у нас свидетельства источников не позволяют подробно характеризовать отношения между императором и сенатом, но поскольку Проб почти непрерывно воевал с внешними врагами империи, можно допустить, что он передал сенату часть полномочий по управлению внутренними делами империи. Таким образом роль сената в политической жизни Римской империи при нем в определенной степени возросла.

Опора на армию имела большое значение в борьбе Проба с внешними врагами. Но при нем в римских вооруженных силах уже не наблюдалось того внутреннего единства, какое существовало в конце правления Аврелиана. Поэтому Пробу пришлось вести борьбу с попытками узурпации императорской власти и на Востоке, и на Западе империи (SHA. v. Prob. XVIII; Aug. Vict. De Caes. 37). При поддержке войск придунайских провинций он сумел довольно длительное время сохранять за собой императорский престол. Но Проб стремился к тому, чтобы армия оставалась послушным инструментом власти в руках императора. Солдаты в его представлении требовались для охраны границ государства, но не должны быть слишком большой обузой для гражданского населения (SHA. v. Prob. XXIII). Император предъявлял высокие требования к армейской дисциплине, привлекал солдат к осушению болот, разбивке виноградников (SHA. v. Prob. XXI). Все это вело к охлаждению отношений между Пробом и армией, усилению недовольства солдат политикой императора.

Летом 282 г. н. э. Проб начал подготовку к походу против персов, а префекту претория М. Аврелию Кару поручил защищать от варварских вторжений западную часть империи²⁵³. В то время, когда Проб находился в Сирмии, войска Реции и Норика провозгласили Кара императором (Zos. I. 71, 4). Солдаты в Сирмии решили поддержать выступление Кара и убили Проба (SHA. v. Prob. XXI; Zos. I. 71, 5).

Власть Кара сразу же была признана на всей территории империи. Вопреки традиции Кар не спешил получить от сената подтверждение решения солдат о провозглашении его императором. Он ограничился лишь формальным извещением сенаторов о своем приходе к власти, в котором, как сообщает автор его жизнеописания, писал: «Итак, отцы сенаторы, надо радоваться тому, что один из вашего сословия ... стал императором» (SHA. v. Cari. V). Своих сыновей, Карина и Нумериана, новый император возвел в ранг Цезарей и опять не обратился к сенату за подтверждением их полномочий (SHA. v. Cari. VII).

Гибель Проба и приход к власти Кара некоторые историки рассматривают как некий рубеж в истории государственного устройства Римской империи. Они считают, что Кар забрал у сената права и полномочия, полученные при Таците, и вернулся к системе управления армией и провинциями, существовавшей при Галлиене²⁵⁴. О. Шульц расценивал правление императора Кара как поворотный пункт на пути перехода Римской империи от Прин-

ципата к Доминату. Осень 282 г. н. э. он определил как время гибели старой Республики (*"die Todesstunde der alten Res publica"*)²⁵⁵. При такой оценке периода правления Кара обычно приводится высказывание Аврелия Виктора, согласно которому после гибели Проба в римском государстве вплоть до времени жизни этого историка (его труд был написан около 360 г. н. э.)²⁵⁶ преобладало влияние армии, а сенат потерял право избирать правителей и разделять их властью (*"militaris potentia convaluit ac senatui imperium creandique ius principis ereptum ad nostram memoriam"*) (Aur. Vict. De Caes. 37).

На наш взгляд, роль императора Кара в деле устранения сената от управления империей и избрания ее правителей не следует преувеличивать. Аврелий Виктор хотел лишь сказать, что если до 282 г. н. э. все-таки бывали времена, когда вопрос об избрании нового императора решали не только солдаты, но и сенат, то после этого сенат участия в решении данного вопроса больше не принимал. Ведь, как отмечает К. — П. Йоне²⁵⁷, строго говоря, сенат никогда и не имел *ius creandi principis*. За исключением 238 и 275 гг. н. э., считает историк, роль сенаторов в возведении на престол новых правителей Римской империи сводилась к тому, что они лишь признавали императоров, провозглашенных войсками, и подтверждали законность их власти. Однако напомним, что и в случаях с возведением на престол Гордианов и Тацита инициатива провозглашения нового императора принадлежала не только сенату.

О представлении императора Кара относительно того, какую роль в государстве должна играть армия, трудно судить в силу краткости его правления и скудной информации источников по этому вопросу. С одной стороны, он определенно не нуждался в признании его сенатом как в дополнительной основе законности своей власти. С другой стороны, с самого начала своего правления Кар не очень доверял преданности ему римских войск и их военачальников, позаботился о том, чтобы иметь поддержку своих сыновей, возведя их в 282 г. н. э. в ранг Цезарей, а в 283 г. н. э. — и в ранг Августов²⁵⁸.

В начале 283 г. н. э. Кар отправился на Восток для войны с персами. В этот поход он взял с собой младшего сына Нумериана, а управление западной частью империи и командование размещавшимися в ней войсками поручил старшему сыну — Карину (SHA. v. Car. XVI). И Карину пришлось не только воевать с варварами, но и бороться с попыткой узурпации императорской власти (Aur. Vict. De Caes. 38).

Война с персами, которую Кар начал в 283 г. н. э., первоначально принесла римлянам значительные успехи. Они дошли до самой столицы Персидского царства, Ктезифона, и даже заняли город. Но Кар погиб в городе от удара молнии (Aug. Vict. De Caes. 38).

Власть над римским Востоком после этого перешла к Нумериану, который около года, с лета 283 по осень 284 г. н. э.²⁵⁹, был соправителем Карина, пока не умер, то ли от болезни, то ли в результате козней своего префекта претория Апра (Aug. Vict. De Caes. 38).

Карина просенатски настроенные латинские авторы противопоставляют даже его отцу, который, как уже отмечалось, отнюдь не благоволил к сенату. Согласно автору его жизнеописания, этот император высокомерно относился к сенату, обещал римской черни имущество сенаторов (SHA. v. Car. XVI). Конечно, полностью доверять этому сообщению нельзя, но, видимо, к установлению хороших отношений с римским сенатом Карин не стремился. Большой любовью в армии он, по всей вероятности, также не пользовался. Но характерно, что солдаты войск, размещавшихся в европейской части империи, сохраняли верность Карину и после смерти Кара и Нумериана и упорно сражались с войсками, признавшими императором Диоклетиана (SHA. v. Car. XVIII).

Диоклетиан был провозглашен императором после смерти Нумериана собранием офицеров ("ducum consilio tribunorumque") (Aug. Vict. De Caes. 39), которые являлись представителями воинских частей, участвовавших в войне с персами, 20 ноября 284 г. н. э.²⁶⁰ в Никомедии (Zos. I. 73, 2). Поскольку Запад империи, включая Рим, находился под контролем Карина, Диоклетиан не мог сразу же после провозглашения императором искать у сената признания законности своей власти. Но, как считают современные историки²⁶¹, и после смерти Карина в августе — сентябре 285 г. н. э.²⁶² Диоклетиан не стал посещать столицу империи и просить сенат признать его законным правителем римского государства. По определению Я. Буркхардта²⁶³, безопасность границ для Диоклетиана имела большее значение, чем дружба римского сената. Диоклетиан фактически произвел лишение Рима статуса столицы государства (la decapitalisation de Rome назвал это А. Шастаноль²⁶⁴). Сам Диоклетиан на протяжении своего достаточно длительного правления предпочитал иметь свою резиденцию в Никомедии, его соправитель Максимиан — в Августе Треверов или, хотя и в Италии, но не в Риме, а в Медиолане²⁶⁵. Примечательно,

что зимой 290/291 г. н. э. местом торжественной встречи Диоклетиана и Максимиана был избран не Рим, а Медиолан. И римские сенаторы были вынуждены предпринять путешествие в Медиолан, чтобы приветствовать своих правителей. По мнению С. Вильямса, тогда было впервые открыто продемонстрировано, что центром империи не является город на Тибре: настоящий Рим находился там, где пребывал император²⁶⁶.

Итак, с самого начала правления Диоклетиана римский сенат был полностью отстранен от участия в управлении государством. Император не нуждался в подтверждении сенатом законности его власти, не советовался с сенаторами при решении важных вопросов внутренней и внешней политики. Как отметил А. Демандт, с перенесением резиденции императора из Рима сенат потерял даже пространственный контакт с императорским двором²⁶⁷. Как и другие императоры III века н. э., Диоклетиан постоянно совершал поездки по территории империи и советовался с сопровождавшим его императорским советом (*consistorium*), члены которого не относились к сенаторскому сословию²⁶⁸. Высшие посты в армии, гражданской администрации, судебном ведомстве, управлении финансами при Диоклетиане занимали представители всаднического сословия. Для сенаторов при нем были сохранены лишь посты наместников провинции Африки, территория которой уменьшилась в три раза, и провинции Азии, уменьшенной в своих размерах в семь раз; частично посты корректоров отдельных областей Италии и чисто декоративный пост префекта города Рима²⁶⁹. Таким образом, в правление Диоклетиана сенат окончательно превратился из важного органа государственной власти основанной Августом системы Принципата в городской совет занимавшего почетное место в империи, но лишенного статуса ее столицы города Рима. По определению А. Демандта, к началу IV в. н. э. римский сенат находился на самой низкой точке своего значения (*"der Senat ... stand ... auf dem Tiefpunkt seiner Bedeutung"*)²⁷⁰.

Пришедший к власти при поддержке армии Диоклетиан, несомненно, хорошо понимал значение войск для сохранения внутреннего единства государства, борьбы с внешними врагами, прочности центральной власти. Военные реформы были важной составной частью всего комплекса его преобразований. Но Диоклетиан понимал и опасность, которую могла представлять собой армия для императора. Поэтому, проводя реформы в вооруженных силах империи, он стремился ограничить могущество военачальников, оградить правителя от слишком тесного контакта с потенци-

ально опасными для него людьми, и прежде всего людьми вооруженными, сделать армию опорой императорской власти, а не силой, несущей в себе для этой власти угрозу. Можно сказать, что, создавая систему тетрархии, Диоклетиан очень умело и часто пользовался древним римским принципом “разделяй и властвуй”. Он разделил военную и гражданскую власть в провинциях и в центральном аппарате; созданием сильного мобильного резерва войск разделил на две части армию, что позволяло императору опираться на одну из них в борьбе с другой; предоставляя блага и привилегии императорским чиновникам и армейским кругам, противопоставлял их остальному населению государства, делая их тем самым опорой императорской власти. Результатом преобразований Диоклетиана, касающихся вооруженных сил империи, должно было стать возрастание боеспособности армии, усиление ее роли в борьбе с внешними врагами и сохранении порядка внутри государства, но уменьшение ее политического значения, сокращение возможностей воздействия на правителя и образ его правления. Видимо, Диоклетиан выбрал правильное генеральное направление в политике ограничения политической роли армии, ее “укрощения”, превращения армии из фактора, дестабилизирующего положение в государстве, в одну из важнейших опор центральной императорской власти.

Итак, III век н. э. был важным этапом в истории сената и армии как политических институтов римского государства. К началу этого столетия римский сенат представлял собой коллективный орган, официально придававший легитимность власти фактического правителя Римской империи — принцепса, игравший довольно существенную роль в решении вопросов текущей жизни государства, в управлении провинциями, армией, финансами, в судопроизводстве. Римская армия, как и в предыдущие периоды истории римлян, обеспечивала безопасность границ империи, являлась важнейшей опорой императорской власти в деле сохранения мира и стабильности внутри государства. Бурные события политической истории Римской империи в III в. н. э. фактически не отразились на характере деятельности сената как органа системы Принципата. Разве что вследствие частого отсутствия принцепса в столице империи заседания сената реже стали проводиться под председательством главы государства. В вооруженных же силах Римской империи в течение этого столетия произошли значительные изменения. Продолжались начавшиеся еще в предшествующие времена процессы провинциализации и варваризации

римской армии. Сложная обстановка на границах империи и активное участие армейских кругов во внутривластной борьбе отражались на роли отдельных родов войск, численности армии, ее организации, судьбе конкретных подразделений, экономическом и правовом положении солдат. Военные реформы римских правителей III века (Септимия Севера, Галлиена, Диоклетиана) преследовали цели повышения боеспособности римской армии, решения проблемы пополнения войск новобранцами, обеспечения лояльности войск по отношению к правящему императору.

Роль армии и сената в политической жизни Римской империи на протяжении этого кризисного периода не была одной и той же. Были моменты, когда римский сенат действительно определял, кому будет предоставлена власть над государством. Но в большей степени ход событий политической жизни империи в этот период определяла все-таки позиция армии. Довольно многочисленные императоры данного периода возводились на престол или свергались с него при активном участии воинов и сенаторов. Члены сената и солдаты римской армии имели тесные контакты с определенными слоями населения империи, общие с ними интересы. Однако анализ конкретных событий политической истории Римской империи в III в. н. э. не позволяет признать соответствующими действительности долгое время господствовавшие в марксистской историографии утверждения о том, что в рассматриваемый период содержанием политической истории Римской империи была борьба за власть между фракциями господствующего класса римского общества (муниципальными средними и мелкими рабовладельцами и крупной земельной знатью, уже не связанной с муниципальной собственностью), ставленниками которых являлись "солдатские" и "сенатские" императоры.

Сноски и примечания.

¹ Межеричкий Я. Ю. "Республиканская монархия". Метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга, 1994. — С. 6.

О становлении системы Принципата при Августе см. также: Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. — М.; Л., 1949; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы зарождения и формирования принципата. —

- Л., 1985; Шифман И. Ш. Цезарь Август. — Л., 1990. Характеристика важнейших исследований зарубежных историков по проблеме содержится в указанной работе Я. Ю. Межеричского.
- ² Elbern S. Usurpationen im spätrömischen Reich. — Bonn, 1984. — S. 1-2; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. Bd. 1. — Paderborn etc., 1981. — S. 25, 113; Campbell J. B. The Emperor and the Roman army ... — P. 381.
- ³ Покровский И. А. История римского права. — Пг., 1918. — С. 145.
- ⁴ См.: Кареев Н. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. — СПб., 1908. — С. 256; Негушил И. В. Обзор римской истории ... — С. 255, 268; Homo L. Les institutions politiques ... — P. 316-317; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... Bd. 1. — S. 294.
- ⁵ См.: Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 35, 54; Boack A. E. R. A History of Rome ... — P. 415; Campbell J. B. The Emperor and the Roman army ... — P. 411.
- ⁶ Точных сведений источников о численном составе сената к началу III в. н. э. у нас нет. Юлий Цезарь в 49 г. до н. э. ограничил число членов сената в 600 чел. (Dio. 54. 13, 4). Некоторые современные историки полагают, что состав сената оставался таким же и к III в. н. э. (См.: Lange L. Römische Alterthümer. 2. Bd. — Berlin, 1879. — S. 367; Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Diocletien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284 — 363). — Paris, 1982. — P. 206). Другие же считают, что в это время сенат состоял из 900 (См.: Jaques F. L'ordine senatorio attraverso la crisi del III secolo // Società romana e impero tardoantico. Vol. 1: Istituzioni, ceti, economie / A cura di A. Giardino. — Editori Laterza, 1986. — P. 87) или даже 1000 чел. (См.: Hammond M. The Composition of the Senate, A. D. 68 — 235 // JRS. — Vol. 47. — 1957. — P. 77).
- ⁷ Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. — Wiesbaden, 1975. — S. 97-98.
- ⁸ Гримм Э. Исследование по истории развития римской императорской власти. Т. 1: Римская императорская власть от Августа до Нерона. — СПб., 1900. — С. 187, 214.
- ⁹ Dietz K. Senatus contra principem. Untersuchungen zur senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Thrax. — München, 1980. — S. 274.

- ¹⁰ Rouge J. Les institutions romaines de la Rome royale a la Rome chretienne. — Paris, 1969. — P. 140.
- ¹¹ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. — С. 310.
- ¹² The Cambridge Ancient History. Vol. 11 / Ed. By S. A. Cook and oth. — Cambridge, 1936. — P. 311.
- ¹³ Christ K. The Romans. An introduction to their history and civilisation. — Berkeley; Los Angeles, 1984. — P. 76.
- ¹⁴ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... Bd. 1 ... — S. 27.
- ¹⁵ Campbell J. B. The Emperor and the Roman army ... — P. 25.
- ¹⁶ Ibid. — P. 200.
- ¹⁷ Le Bohec Y. Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin d. Gr. — Stuttgart, 1993. — S. 231.
- ¹⁸ Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 412.
- ¹⁹ Campbell J. B. The Emperor and the Roman army ... — P. 57.
- ²⁰ Ibid. — P. 97.
- ²¹ Относительно общей численности римских войск в эпоху Принципата и того, какую часть от всего населения империи составляли воины, мы не имеем конкретной информации источников. Однако в литературе неоднократно предпринимались попытки найти ответы на эти вопросы. В целом современные историки приходят к примерно одинаковым выводам и предлагают считать, что при общей численности населения Римской империи в 50 — 60 млн. чел. воины к концу II в. н. э. составляли около 1% от этого числа, т. е. их было где-то 400 — 450 тыс. чел. (См.: Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres ... — S. 234; Levick B. The Government of the Roman empire. A sourcebook. — London; Sydney, 1985. — P. 1; Birley A. R. The economic effects of roman frontier policy // The Roman West in the Third Century ... — P. 42; Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, Society and Culture. — London, 1987. — P. 86.)
- ²² Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus // Historia. — Bd. 21. — 1972. — P. 486.
- ²³ Точная численность воинов в легионе периода Принципата в источниках не называется. Современные историки делают заключение о 6 тыс. чел. на основании сообщения Тацита о том, что в легионе было 60 центурионов (Тас. Ann. I, 32). При этом некоторые исследователи подчеркивают, что вследствие до-

- вольно часто практиковавшегося откомандирования отдельных подразделений легионов для выполнения специальных заданий фактически в лагерях легионов почти никогда не находилось одновременно полное число их воинов (См.: Roth J. The size and organisation of the roman imperial legion // *Historia*. — Bd. 43. — 1994. — P. 353; Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-... — S. 328; Demandt A. Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin, 1995. — S. 455; Dixon K. R., Southern P. The Late Roman Army. — London, 1996. — P. 6.)
- ²⁴ Roth J. The size and organisation ... — P. 353.
- ²⁵ Keppie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. — New Jersey, 1984. — P. 176.
- ²⁶ Alföldy G. Die Legionslegaten der römischen Rheinarmeen ... — S. 108.
- ²⁷ Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres ... — S. 239.
- ²⁸ Alföldy G. Fasti Hispanienses ... — S. 283.
- ²⁹ Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus. Die provinziale Verwaltung. — Amsterdam, 1968. — S. 144.
- ³⁰ Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 176-177.
- ³¹ Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian. — Berlin, 1905. — S. 399.
- ³² Campbell J. B. The Emperor and the Roman army ... — P. 12-13.
- ³³ Forni G. Il reclutamento delle legioni ... — P. 26-27. По закону, записываться в легион могли юноши не моложе 17 лет (Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 181-182). По сообщениям древних авторов (Liv. 22, 11; Dio. 55. 23, 1), максимальный возраст для записи в легион равнялся 35 годам.
- ³⁴ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... Bd. 1 ... — S. 219.
- ³⁵ Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry. From the First to the Third Century A. D. — London, 1992. — P. 88.
- ³⁶ Вопрос о размере жалования римских легионеров и его увеличении на протяжении I — III вв. н. э. довольно активно разрабатывается в литературе. Можно считать установленным, что повышение жалования легионерам производилось при Домициане, Септимии Севере, Каракалле и Максимине Фракийце. Для выяснения размеров жалования привлекаются свидетельства древних авторов (Suet. Dom. 7. 3; Tac. Ann. I. 17, 4; Herod.

- IV. 4, 7; VI. 8, 8; SHA. v. Sev. XII, 2) и папирусы. Однако и к настоящему времени историки не имеют единого мнения по этому вопросу (См.: Jahn J. Zur Entwicklung römischer Soldzahlungen von Augustus bis auf Diocletian // Studien zu den Fundmünzen der Antike. — 1984. — N 2. — S. 53-58; Duncan-Jones R. P. Pay and Numbers in Diocletian's Army // Chiron. — Bd. 8 (1978). — P. 549-550; Speidel M. A. Roman army pay scales // JRS. — Vol. 82 (1992). — P. 87-106; Alston R. Roman military pay from Caesar to Diocletian // JRS. — Vol. 84 (1994). — P. 113-115.)
- ³⁷ Jahn J. Zur Entwicklung römischer Soldzahlungen ... — S. 53.
- ³⁸ См.: Seec O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. 2. Bd. — Berlin, 1901. — S. 253; Jones A. H. M. The Later Roman empire ... Vol. 1 ... — P. 31.
- ³⁹ См.: Duncan — Jones R. P. Pay and Numbers ... — P. 550.
- ⁴⁰ Corbier M. Devaluation, inflation et circulation monétaire au 3e siècle // Hommes et richesses dans l'Empire Byzantin. Vol. 1: IV — VII siècle. — Paris, 1989. — P. 205.
- ⁴¹ Кулаковский Ю. Армия в Римской империи ... — С. 12; Dixon K. R., Southern P. The Late Roman Army ... — P. 6.
- ⁴² Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats- ... — S. 255.
- ⁴³ Marquardt K. J. Römische Staatsverwaltung. 2. Bd. — Leipzig, 1876. — S. 443; Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 123; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... 1. Bd. ... — S. 222.
- ⁴⁴ Levick B. The government of the Roman empire ... — P. 1; Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army ... — P. 4.
- ⁴⁵ Кулаковский Ю. Армия в Римской империи ... — С. 12; Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 124. Однако Р. Смит отмечает, что с середины II в. н. э. в дипломах ветеранов вспомогательных войск содержится оговорка, согласно которой права римских граждан даются тем из них, которые этих прав не имели (*qui civitatem non haberent*). На этом основании он приходит к заключению, что в данный период среди солдат вспомогательных войск были и обладавшие правами римских граждан еще до выхода в отставку (См.: Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus ... — P. 490.)
- ⁴⁶ Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 123
- ⁴⁷ Вопрос о соотношении жалования легионеров и солдат вспомогательных войск по-разному трактуется в литературе. Со-

- гласно существующим предположениям, солдат вспомогательных войск получал 1/3, 2/3 или 5/6 жалования легионера (См.: Speidel M. Roman army studies. Vol. 1. — Amsterdam, 1984. — P. 88; Jahn J. Zur Entwicklung römischer Soldzahlungen ... — S. 67; Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry ... — P. 87).
- 48 Dixon K. R. Southern P. The Roman Cavalry ... — P. 111.
- 49 Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 186.
- 50 Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 126.
- 51 Ibid. — P. 158.
- 52 Ibid. — P. 126.
- 53 По подсчетам Э. Берли, около 150 г. н. э. римские вооруженные силы включали в себя 140 тыс. легионеров, 224 тыс. солдат вспомогательных войск, 30 тыс. матросов флота (См.: Birley A. R. The economic effects ... — P. 42).
- 54 Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten ... — S. 226; Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 186; Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 126; Bounegru O., Zaharade M. Les Forces Navales du Bas Danube et de la Mer Noire aux I-er — VI-e Siecles. — Oxford, 1996. — P. 36 — 41.
- 55 Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 187; Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 126; Bounegru O., Zaharade M. Les Forces Navales ... — P. 41. Й. Бляйкен считает, что с конца II в. н. э. срок службы матросов был увеличен с 26 до 28 лет (См.: Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — S. 219).
- 56 Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats- ... — S. 240.
- 57 Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — S. 225.
- 58 Rouge J. Les institutions romaines ... — P. 157; Chastagnol A. L'évolution politique ... — P. 45.
- 59 Speidel M. Roman army studies. Vol. 1. ... — P. 117-118; Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry. ... — P. 31.
- 60 Нетушил И. В. Обзор Римской истории ... — С. 206.
- 61 Keppie L. The Making of the Roman Army ... — P. 188. Относительно численности солдат в преториаских когортах высказываются различные мнения. Н. А. Машкин (Принципат Августа ... — С. 506) считал, что уже при Августе каждая когорта состояла из 900 пехотинцев и 100 всадников. Л. Керри считает (The Making of the Roman Army ... — P. 188), что при Августе в каждой когорте было 500 чел., после Веспасиана — 1000 чел.

- ⁶² Rouge J. *Les institutions romaines ...* — P. 114.
- ⁶³ Keppie L. *The Making of the Roman Army ...* — P. 188.
- ⁶⁴ Smith R. E. *The Army Reforms of Septimius Severus ...* — P. 483.
- ⁶⁵ Parker H. M. D. *A History of the Roman world from A. D. 138-337.* — London, 1935. — P. 87.
- ⁶⁶ Машкин Н. А. *Принципат Августа ...* — С. 508.
- ⁶⁷ Schiller H., Voigt M. *Die römischen Staats- ...* — S. 242; Rouge J. *Les institutions romaines ...* — P. 156.
- ⁶⁸ См.: Rouge J. *Les institutions romaines ...* — P. 156; Speidel M. *Roman army studies. Vol. 2.* — Stuttgart, 1992. — P. 380.
- ⁶⁹ Негушил И. В. *Обзор Римской истории ...* — С. 206.
- ⁷⁰ См.: Smith R. E. *The Army Reforms of Septimius Severus ...* — P. 488.
- ⁷¹ Schiller H., Voigt M. *Die römischen Staats- ...* — S. 251.
- ⁷² Marquardt K. J. *Römische Staatsverwaltung. 2. Bd. ...* — S. 469-471; Rouge J. *Les institutions romaines ...* — P. 113.
- ⁷³ Schiller H., Voigt M. *Die römischen Staats- ...* — S. 242. Строго говоря, вигилы не были настоящими солдатами и не участвовали в боевых операциях. Но они были организованы по военному образцу и являлись воинами с точки зрения римских юристов (Dig. XXXVII. XV, 1). Видимо, поэтому Дж. Кемпбелл при определении общей численности войск Римской империи принимает во внимание и когорты вигилов (см.: Campbell J. B. *The Emperor and the Roman Army ...* — P. 4).
- ⁷⁴ Bleicken J. *Verfassungs- und Sozialgeschichte ...* — S. 223.
- ⁷⁵ Alföldy G. *Römische Heeresgeschichte ...* — S. 37-38; Bleicken J. *Verfassungs- und Sozialgeschichte ...* — S. 223.
- ⁷⁶ Forni G. *Il reclutamento delle legioni ...* — P. 53.
- ⁷⁷ Schiller H. *Geschichte der römischen Kaiserzeit. 1. Bd.* — Gotha, 1883. — S. 726; Smith R. E. *The Army Reforms of Septimius Severus ...* — P. 494.
- ⁷⁸ *The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ...* — P. 25; Remondon R. *La crise de l'Empire romain ...* — P. 80.
- ⁷⁹ Mocsy A. *Pannonia and Upper Moesia.* — London; Boston, 1974. — P. 157-158.
- ⁸⁰ Demandt A. *Die westgermanischen Stammesbunde // Klio.* — Bd. 75 (1993). — S. 391.

- 81 MacMullen R. Roman governments response to crisis A. D. 235-337. — New York; London, 1976. — P. 186.
- 82 Rostovtzeff M. The social and economic history ... Vol. 1 ... — P. 128 seq.
- 83 Ibid. — P. 467-468.
- 84 См.: Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 13-14.
- 85 Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 12.
- 86 См.: Сергеев В. С. Кризис III века ... — С. 57; Бокщанин А. Г. К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации // ПИШ. — 1952. — № 5. — С. 24.
- 87 См.: Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя ... — С. 60; Ее же. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 185 сл.; Ее же. Древний Рим: проблемы экономического развития. — М., 1978. — С. 206-207; Ее же. Кризис III в. в Римской империи ... — С. 145.
- 88 Дьяков В. Н. [Рецензия] ... — С. 127.
- 89 См.: Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса ... — С. 21 сл.
- 90 Alföldy G. Römische Heeresgeschichte ... — S. 35 — 42.
- 91 См.: Alföldy G. Römische Heeresgeschichte ... — S. 42; Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Die römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. — Bd. 74 (1992). — S. 215-216; Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 6; Doyle M. W. Empires. — Ithaca; London, 1986. — P. 100.
- 92 Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches ... — S. 200 ff.
- 93 См.: Lambrechts P. La Composition du Senat Romain de Septime Severe a Diocleten (193 — 284). — Budapest, 1937; Barbieri G. L'Albo Senatorio da Settimio Severo ...; Dietz K. Senatus contra principem ... — S. 22.
- 94 Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus ... — P. 483.
- 95 Ibid.
- 96 О формировании племенных союзов у северных соседей империи см.: Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья ... — С. 12 сл.; Дряхлов В. Н. Войны германских племен ... — С. 151 сл.; Demandt A. Die westgermanischen Stammesbunde ... — S. 387 ff.
- 97 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 81.

- ⁹⁸ Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten ... — S. 399.
- ⁹⁹ Hasebroek J. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus. — Heidelberg, 1921. — S. 68.
- ¹⁰⁰ Fitz J. Legati legionum Pannoniae superioris // AAASH. — 1961. — T. 9. — Fasc. 1-2. — P. 159.
- ¹⁰¹ Sander R. Das Recht der römischen Soldaten // Rheinisches Museum für Philologie. — 1958. — Bd. 101. — Hf. 2. — S. 157.
- ¹⁰² Seyfarth W. Römische Geschichte: Kaiserzeit. 1. Bd. — Berlin, 1974. — S. 251.
- ¹⁰³ Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 85; Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus ... — P. 497.
- ¹⁰⁴ В связи с этим А. Штейн высказал предположение, что отныне золотое кольцо перестало быть признаком принадлежности к сословию всадников (См.: Stein A. Der römische Ritterstand. — München, 1927. — S. 47).
- ¹⁰⁵ См.: Ешевский С. В. Центр римского мира ... — С. 271; Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten ... — S. 399; Homo L. Les institutions politiques ... — P. 317; Besniere M. L'Empire romain de l'avènement des Severes ... — P. 2, 194.
- ¹⁰⁶ См.: Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus ... — P. 498-499.
- ¹⁰⁷ Ешевский С. В. Центр римского мира ... — С. 271.
- ¹⁰⁸ О военных реформах Септимия Севера см. также: Сергеев И. П. К вопросу об "антисенаторской" политике Септимия Севера // Вестн. Харьк. ун — та. — № 238. — 1983. — С. 89 — 94; Его же. О военных реформах в Римской империи в конце II-III вв. н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. — № 363. — 1992. — С. 75-77.
- ¹⁰⁹ См.: Jones A. H. M. The Later Roman empire ... Vol. 1 ... — P. 16.
- ¹¹⁰ Speidel M. Roman army studies. Vol. 1. ... — P. 144.
- ¹¹¹ См.: Crawford M. Finance, coinage and money from the Severans to Constantine // AuNdRW. Bd. 2. Principat. — Berlin; New York, 1975. — P. 571.
- ¹¹² Jones A. H. M. The Later Roman empire ... Vol. 1. ... — P. 56.
- ¹¹³ Kotula T. U zrodol afrykanskiego separatyzmu w III w. n. e. — Wrocław, 1961. — S. 39.
- ¹¹⁴ Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel in

- Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III Jh. n. Chr.). — Frankfurt a. M.; Bern, 1982. — S. 48.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ Ritterling. Legio // RE. 24. Hbb. — Stuttgart, 1925. — Col. 1346.
- ¹¹⁷ См.: Колосовская Ю. К. К истории падения ... — С. 75; Parker H. M. D. The legions of Diocletian and Constantine // JRS. — Vol. 23 (1935). — P. 176.
- ¹¹⁸ См.: Ritterling. Legio ... — Col. 1346-1348; Ridley R. T. History of Rome: a documented analysis. — Rome, 1987. — P. 573.
- ¹¹⁹ Fitz J. Legati legionum Pannoniae superioris ... — P. 170-187; Eiusd. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland. — Köln; Graz, 1967. — S. 121.
- ¹²⁰ См.: Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz ... — S. 94; Mocsy A. Pannonia and Upper Moesia ... — P. 204.
- ¹²¹ Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres ... — S. 245.
- ¹²² Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана ... — С. 58.
- ¹²³ Штаерман Е. М. Кризис III в. в Римской империи ... — С. 151.
- ¹²⁴ Altheim F. Niedergang der alten Welt ... — S. 139.
- ¹²⁵ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 10.
- ¹²⁶ См.: Le Bohec Y. Die römische Armee ... — S. 228.
- ¹²⁷ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 12; Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise. Die Regierungszeit der römischen Kaiser Valerianus und Gallienus (253 — 268 n. Chr.). — Bochum, 1979. — S. 20-21.
- ¹²⁸ Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 12.
- ¹²⁹ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 408; Speidel M. Roman army studies. Vol. 1. ... — P. 396.
- ¹³⁰ См.: Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 408; Van Berchem D. L'armée de Diocletien et la réforme ... — P. 105; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 12.
- ¹³¹ О таком увеличении сообщает Вегеций (Epitome Rei Militaris. II, 6). Он не пишет, что автором данной реформы был Галлиен. Но в литературе довольно часто высказывается мнение, что осуществил ее именно этот император (См.: Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 105; Speidel M. Roman

- army studies. Vol. 1. ... — P. 396; Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry ... — P. 25 seq.)
- ¹³² Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана ... — С. 56-58.
- ¹³³ Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193-284). — Budapest, 1982. — S. 64.
- ¹³⁴ См.: Homo L. Les institutions politiques ... — P. 319; Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. — Berlin, 1920. — S. 4 ff.
- ¹³⁵ Grosse R. Römische Militärgeschichte ... — S. 4 ff.
- ¹³⁶ Pflaum G. — H. Zur Reform des Kaisers Gallienus ... — S. 114; Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. — Oxford, 1972. — P. 423; Christol M. Essai sur l'évolution ... — P. 44-53.
- ¹³⁷ См.: Osier J. The Emergence of Third-Century Equestrian Commanders // Latomus. — Vol. 36 (1977). — P. 677-679.
- ¹³⁸ Besnieri M. L'empire romain ... — P. 189. Й. Марквардт считал, что protectores появились еще при Септимии Севере (См.: Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. 2. Bd. — Leipzig, 1876. — S. 590). Но это не подтверждается данными эпиграфики.
- ¹³⁹ См.: Calderini A. I Severi ... — P. 309; Williams S. Diocletian and the roman recovery. — London, 1985. — P. 25 — 26; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 14.
- ¹⁴⁰ Grosse R. Römische Militärgeschichte ... — S. 14 — 15.
- ¹⁴¹ Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 191.
- ¹⁴² Besnieri M. L'Empire romain ... — P. 189; Le Bohec Y. Die römische Armee ... — S. 228.
- ¹⁴³ Например, автор его жизнеописания так характеризует Галлиена: "Рожденный только для своего брюха и удовольствий, он тратил дни и ночи на пьянство и разврат и довел дело до того, что чуть ли не 20 тиранов опустошали весь круг земель, так что даже женщины правили лучше его" (SHA. Gall. duo. XVI).
- ¹⁴⁴ См.: Calderini A. I Severi ... — P. 179; Heiheim F. M., Yeo C. A History of the Roman people. — New Jersey, 1962. — P. 400; Demandt A. Der spätrömische Militäradel // Chiron. — Bd. 10 (1980). — S. 609.
- ¹⁴⁵ См.: Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 410.
- ¹⁴⁶ Ibid.
- ¹⁴⁷ Parker H. M. D. A History of Roman world ... — P. 181.

- 148 CM.: Parker H. M. D. The Legions of Diocletian and Constantine // JRS. — Vol. 23 (1933). — P. 183 seq.; Jones A. H. M. The Later Roman Empire ... — P. 54 seq.; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 16.
- 149 Jones A. H. M. The Later Roman Empire ... — P. 60; Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 97.
- 150 Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 17.
- 151 CM.: Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 97; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 31; Masi F. Diocleziano (biografia dell'ultimo grande imperatore romano). — Roma, 1991. — P. 55.
- 152 Wachter J. The Roman Empire. — London; Melbourne, 1987. — P. 257.
- 153 Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 31.
- 154 MacMullen R. Roman governments response ... — P. 185; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 31.
- 155 Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 60.
- 156 Ibid.
- 157 Ibid. — P. 53.
- 158 Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 16.
- 159 Parker H. M. D. The Legions of Diocletian ... — P. 185; Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 52-53; Southern P., Dixon K. R. The Late Roman Army ... — P. 16.
- 160 Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 49.
- 161 Wachter J. The Roman Empire ... — P. 257 seq.; Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 59.
- 162 Parker H. M. D. The Legions of Diocletian ... — P. 187, 189; Van Berchem D. Armee de frontiere et armee de manoeuvre: alternative strategique ou politique? // Studien zu den Militärgrenzen Roms. II. Vorträge des 10. Internationalen Limeskongresses in der Germania inferior. — Köln, 1977. — P. 542.
- 163 Anderson J. G. C. The Genesis of Diocletians provincial re-organisation // JRS. — Vol. 22 (1932). — P. 30.
- 164 Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 48-49.
- 165 Anderson J. G. C. The Genesis of Diocletians ... — P. 30; Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 45; Wachter J. The Roman Empire ... — P. 256.

- 166 См.: Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten ... — S. 399; Homo L. Les institutions politique ... — P. 317; Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom. — Stuttgart, 1927. — S. 697-698, 705; Besniere M. L'empire romain ... — P. 194; Remondon R. La crise de l'Empire ... — P. 79.
- 167 Hoffmann H. Itinera principum. Geschichte und Typology der Kaiserreisen im Römischen Reich. — Stuttgart, 1986. — S. 53.
- 168 Ibid.
- 169 Alföldy G. Septimius Severus und der Senat // Bonner Jahrbücher. — Bd. 158 (1968). — S. 122.
- 170 Ibid. — S. 154-155.
- 171 Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres ... — S. 243.
- 172 Howe L. L. The praetorian prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180-285). — Chicago, 1942. — P. 22.
- 173 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 73.
- 174 Mattingly H. Roman coins. From the earliest times to the fall of the Western empire. Vol. 5. — London, 1957. — P. XII-XIII.
- 175 Alföldy G. Septimius Severus und der Senat ... — S. 131.
- 176 Millar F. A Study of Cassius Dio. — Oxford, 1964. — P. 17-18.
- 177 Alföldy G. Septimius Severus und der Senat ... — S. 129.
- 178 Ibid. — S. 126-127.
- 179 Ibid. — S. 131.
- 180 Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 35.
- 181 Вероятно, можно говорить о том, что при Гелиогабале наметилась тенденция к замене основ легитимности власти принцепса. Возможно, учреждением общегосударственного культа бога Солнца этот император хотел пропагандировать идею получения им власти от бога, что не вписывалось в систему Принципата. Однако правление Гелиогабала оказалось непродолжительным, и он не успел утвердить в империи теократию.
- 182 Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 18.
- 183 Homo L. Les institutions politiques ... — P. 305.
- 184 Cary M. A History of Rome down to the reign of Constantine. — London, 1935. — P. 715.
- 185 Нетушил И. В. Обзор Римской истории ... — С. 269.
- 186 Там же. — С. 275.

- 187 Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier ... — S. 58.
- 188 Ibid.
- 189 Storia di Roma. Vol. 3: L'eta tardoantica. 1. Crisi e trasformazioni / G. Einaudi editore. — Torino, 1993. — P. 155.
- 190 Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 650.
- 191 John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 193.
- 192 Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья ... — С. 23.
- 193 Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Johannes Zonaras. — München, 1992. — S. 322.
- 194 Мишина З. Выступление Максимиана ... — С. 138.
- 195 В литературе выступление Гордианов против Максимиана Фракийца датируется по-разному — от января до марта 238 г. н. э. (См.: Besniere M. L'Empire romain ... — P. 145; Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 280; Kienast D. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. — Darmstadt, 1990. — S. 188).
- 196 Cary M. A History of Rome ... — P. 721.
- 197 Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 284.
- 198 Всего же к настоящему времени известны имена шести членов этого комитета. См. о них: John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 215 — 218.
- 199 Dietz K. Senatus contra principem ... — S. 327.
- 200 Считается, что они правили около трех недель (См.: Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 281; Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 188).
- 201 См.: John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 212 ff.
- 202 Caratelli G. P. La crisi dell'impero nell'eta di Gallieno // La parola del passato. — 1947. — Fasc. 4. — P. 51.
- 203 John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 221.
- 204 Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise ... — S. 167.
- 205 John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 220.
- 206 Ibid.
- 207 Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 201.

- 208 Ibid.
- 209 Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 17-19.
- 210 Bernhardt Th. Geschichte Roms von Valerian bis ... — S. 22.
- 211 См.: Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen ... — S. 121.
- 212 См.: Homo L. De Claudio Gothico ... — P. 88; Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 188.
- 213 The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 192.
- 214 Л. Омо (De Claudio Gothico ... — P. 88) датирует это событие мартом 270 г. н. э., Дж. Барбьер (L'Albo Senatorio ... — P. 273) — маем 270 г. н. э.
- 215 Besniere M. L'Empire romain ... — P. 215.
- 216 Ibid. — P. 245.
- 217 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 207.
- 218 Шерцль Р. Римское монетное дело ... — С. 111.
- 219 Негушил И. В. Обзор Римской истории ... — С. 286.
- 220 Homo L. Essai sur le regne ... — P. 200.
- 221 Cohen H. Aurel. N 206.
- 222 Grosse R. Römische Militärgeschichte ... — S. 20-21.
- 223 Boack A. E. R. A History of Rome ... — P. 415.
- 224 Ensslin W. Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. — München, 1943. — S. 42.
- 225 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 202.
- 226 См.: Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 276; Demandt A. Die Spätantike ... — S. 43.
- 227 Убийство Аврелиана датируется в литературе по-разному, от марта до декабря 275 г. н. э. Думается, что нужно согласиться с теми историками, которые, опираясь на нумизматический материал, относят его к концу лета — началу осени 275 г. н. э. (См.: Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 235; Chastagnol A. L'évolution politique ... — P. 45; Levi M. A. L'impero Romano dalla battaglia di Azio alla morte di Theodosio I. — Torino, 1967. — P. 513).
- 228 Штаерман Е. М. Кризис III в. ... — С. 153.
- 229 Зосим (I. 62, 1) называет его Эротом.
- 230 Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom ... — S. 723 — 724.
- 231 Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 235/

- 232 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 213.
- 233 Homo L. Essai sur le regne ... — P. 125.
- 234 Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise ... — S. 123.
- 235 Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 488 — 489.
- 236 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 210.
- 237 Petit P. Histoire generale de ... — P. 484 — 485.
- 238 Современные историки считают, что этот период междоусобия был короче — от одного до трех месяцев (См.: Lafaurie J. L'empire Gaulois. Apport de la numismatique // AuNdRW. Principat. 2. Bd. — Berlin; New York, 1975. — P. 992; Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 235; Chastagnol A. L'évolution politique ... — P. 42). Л. Омо, исходя из того, что расстояние между Кенофрурием и Римом составляло около 1900 км., а гонец мог преодолеть его за восемь дней и трижды ездил в Рим и обратно, пришел к заключению, что междоусобие длилось три — четыре недели (См.: Homo L. Essai sur le regne ... — P. 339).
- 239 См.: Calderini A. I Severi ... — P. 211; The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 310; Strobel K. Das Imperium Romanum ... — S. 269 — 270.
- 240 Demandt A. Antike Staatsformen ... — S. 450.
- 241 Следует отметить, что тот же автор жизнеописания Тацита сообщает (SHA. v. Tac. VII), что по другой версии Тацит был избран императором, отсутствуя в столице империи и, соответственно, не участвуя в заседании сената. Согласно данным Зонары (XII, 28), Тацит был провозглашен императором войсками в Кампании, но прибыл в Рим, как частное лицо, и стал императором только после того, как сенат одобрил решение солдат. Некоторые современные историки придерживаются этой версии прихода Тацита к власти над империей (См.: Bleckmann B. Die Reichskrise des 3. Jahrhunderts ... — S. 306-308; Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 247).
- 242 Homo L. Les institutions politiques ... — P. 308.
- 243 Howe L. L. The Praetorian prefect from ... — P. 83.
- 244 Ременников А. М. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х ... — С. 191.
- 245 Cohen H. Tac. N 157, 164, 168.

- 246 Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 241.
- 247 Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 214.
- 248 Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches ... — S. 11.
- 249 Древние авторы по-разному определяют продолжительность правления Флориана — от 60 до 88 дней (См.: SHA. v. Тас. XIV; Eutrop. IX, 16; Oros. VII. 24, 1; Malal. XII; Aur. Vict. De Caes. 37; Epit. 36; Euseb. Hieronim. Chron. (Berlin, 1956). — P. 223).
- 250 Dannhäuser E. Untersuchungen zur Geschichte ... — S. 38; Lafaurie J. L'empire Gaulois ... — P. 992.
- 251 Автор "Эпитомы" сообщает (36), что Флориан сам вскрыл себе вены.
- 252 Dannhäuser E. Untersuchungen zur Geschichte ... — S. 45.
- 253 Besniere M. L'Empire romain ... — P. 276.
- 254 См.: Besniere M. L'Empire romain ... — P. 276; Boack A. E. R. A History of Rome ... — P. 415; Chastagnol A. L'évolution politique ... — P. 162.
- 255 Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 171 — 174.
- 256 Johne K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 239.
- 257 Ibid.
- 258 Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 256 — 257.
- 259 Ibid. — S. 256.
- 260 Ibid. — S. 262.
- 261 См.: Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 41; Bleckmann B. Die Reichskrise des 3. Jahrhunderts ... — S. 314; Chastagnol A. Le senat romain a l'époque imperiale ... — P. 234.
- 262 Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 262.
- 263 Burckhardt J. Die Zeit Constantin's des Grossen. — Basel, 1853. — S. 56.
- 264 Chastagnol A. Le senat romain a l'époque imperiale ... — P. 234.
- 265 Ibid.
- 266 Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 57.
- 267 Demandt A. Der spätrömische Militäradel ... — S. 611.
- 268 Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 49 — 50.
- 269 Ibid. — P. 48.
- 270 Demandt A. Der spätrömische Militäradel ... — S. 611.

Глава 2. Рим и провинции. О сепаратизме провинций Римской империи в период кризиса III века

Наряду с частой сменой «законных» правителей Римской империи ярким показателем политической нестабильности римского государства в III в. н. э. являются многочисленные попытки узурпации императорской власти. По подсчетам А. Демандта, только за 50 лет от убийства Александра Севера (235 г. н. э.) до смерти Карина (285 г. н. э.) неудачные попытки узурпировать императорскую власть предпринимались 41 раз¹. В большинстве случаев власть узурпаторов распространялась на небольшую территорию, в их распоряжении оказывались незначительные военные силы, и они быстро устранялись с политической сцены. Но иногда узурпаторам удавалось подчинить своей власти значительную часть римских владений и довольно долго соперничать с признанными римским сенатом императорами. Выступления именно этих узурпаторов привлекают внимание историков, хотя и неоднозначно ими трактуются. Некоторые исследователи объясняют фактическое отпадение ряда территорий от Рима тем, что центральное правительство было не в состоянии обеспечивать надежную защиту пограничных областей империи от вторжений варваров. В связи с этим население данных областей не желало платить в пользу Рима налоги, выдвигало своих правителей, в задачу которых входила борьба с внешними врагами. Таким образом, попытки провинций противостоять правителям Рима объясняются преобладанием местных интересов над общеимперскими². Среди историков марксистского направления преобладает мнение, согласно которому сепаратистские стремления провинций были связаны с особенностями социально-экономического развития Римской империи в III в. н. э. В работах советских историков провинциальный сепаратизм трактуется как проявление и следствие кризиса рабовладельческого способа производства, разложения муниципального строя, усиления экономических позиций не связанной с городской собственностью провинциальной земельной знати³.

Стремление провинций к отделению от Рима обычно усматривается в выступлениях против императора Галлиена придунайских узурпаторов Ингенуя и Регалиана, в фактах возникновения Галльской империи на Западе и Пальмирской державы на Востоке Римской империи⁴. Следовательно, анализ именно этих выступлений в провинциях против центрального правительства не-

обходим для решения вопроса о существовании провинциально-го сепаратизма в римском государстве в период кризиса III века.

2.1. Выступления Ингенуя и Регалиана.

Достаточно подробное и точное изложение событий, связанных с попытками узурпации императорской власти на Дунае в правление императора Галлиена, весьма затруднено в силу крайне скудного освещения их в исторических источниках.

О происхождении и карьере узурпатора Ингенуя в нарративных источниках ничего не сообщается. Хотя в литературе за этим узурпатором закрепилось имя Ингенуй, древние авторы называют его по-разному: *Ingenuus* (SHA. Tyr. trig. IX), *Ingebus* (Aur. Vict. De Caes. 33), *Genuus* (Oros. VII. 22, 10). Не совсем ясно также, какой пост занимал этот узурпатор к моменту провозглашения его императором. В его жизнеописании говорится, что он управлял Паннонией и был объявлен императором мезийскими legionами (SHA. Tyr. trig. IX). По данным Аврелия Виктора (De Caes. 33), в момент выступления против Галлиена этот узурпатор “заботился о Паннониях”. Сложно определить и дату провозглашения Ингенуя императором. Согласно его жизнеописанию, он выступил против Галлиена в консульство Туска и Басса (SHA. Tyr. trig. IX), т. е. в 258 г. н. э.⁵ Но Аврелий Виктор сообщает, что Ингенуй захотел стать императором, узнав о пленении персами императора Валериана (De Caes. 33). А это пленение современные историки относят к 259 или 260 гг. н. э.⁶

Естественно, что при таком состоянии источниковой базы и в литературе отдельные аспекты выступления Ингенуя реконструируются лишь предположительно. Принято считать, что он занимал какой-то важный пост в придунайских провинциях и под его командованием находились войска одной или нескольких провинций этого региона⁷. Некоторые исследователи датируют выступление Ингенуя 258 г. н. э.⁸, другие же — 260 г. н. э.⁹.

Видимо, толчком для провозглашения Ингенуя императором явилась угроза придунайским провинциям империи со стороны варваров. В жизнеописании Ингенуя сообщается, что в то время на владения римлян “надвигались сарматы” (SHA. Tyr. trig. IX). Й. Фитц предполагает, что Ингенуй на Дунае находился в качестве военного советника при сыне императора Галлиена Валериане-младшем, который был здесь представителем правящей фамилии. После смерти Валериана-младшего в 258 г. н. э. Ингенуй ос-

тался самым влиятельным человеком в придунайских провинциях. Опасаясь чрезмерного укрепления позиций Ингенуя, Галлиен закрыл монетный двор в Виминации. Но Ингенуй, используя этот акт императора, заявил подчиненным ему солдатам, что в условиях усиления натиска сарматов Галлиен уделяет мало внимания защите дунайской границы. И тогда солдаты объявили Ингенуя императором¹⁰. Недовольство войск и жителей придунайских провинций неэффективными и неэнергичными действиями Галлиена, его недостаточное внимание к нуждам Иллирика, стремление уменьшить политическую роль иллирийских войск в жизни Римской империи — причины, которые, по мнению ряда историков, способствовали выступлению Ингенуя¹¹.

Узурпация Ингенуя была непродолжительной. До нас не дошла ни одна посвященная ему надпись, он не успел организовать и выпуск собственной монеты. Галлиен, узнав о выступлении Ингенуя, срочно покинул рейнскую границу и отправился на Дунай. Для борьбы с узурпатором он привлек войска из Британии, прирейнских областей, Дакии, недавно созданный конный корпус во главе с Авреолом¹². По подсчетам Ю. К. Колосовской, в военных действиях против Ингенуя участвовали вексилляции 17 легионов¹³. В Паннонии, у Мурсы, произошло решающее сражение, в котором войска Ингенуя были разгромлены; сам он пытался спастись бегством, но был убит своими же солдатами (SHA. Tyr. trig. IX; Eutrop. IX, 8; Aur. Vict. De Caes. 33). Вероятно, по случаю победы над Ингенуем Галлиен выпустил монеты, в легендах которых легионы римской армии названы с почетными эпитетами VI piae, Vi fideles (в шестой раз благочестивые и верные)¹⁴. По мнению А. Альфельди, поскольку Галлиен нуждался в войсках, эти эпитеты получили и те легионы, которые поддерживали выступление Ингенуя¹⁵.

Вероятно, после победы над Ингенуем Галлиен сравнительно мягко обошелся с выдвинувшими его воинами, но подверг суровым наказаниям поддержавшее узурпатора гражданское население придунайских провинций: следующий придунайский узурпатор, Регалиан, "... стал императором по почину мезийцев, которые до того были побеждены вместе с Ингенуем, и против чьих родичей тяжко свирепствовал Галлиен" (SHA. Tyr. trig. X). (Но автор жизнеописания Ингенуя сообщает, что после подавления этого узурпатора Галлиен "... стал ужаснейшим образом свирепствовать против всех мезийцев — как воинов, так и граждан (SHA. Tyr. trig. IX).)

Относительно узурпации Регалиана мы располагаем большим объемом информации, чем о выступлении Ингенуя. Кроме довольно скурых и не всегда надежных свидетельств нарративных источников, имеются выпускавшиеся Регалианом монеты.

Как отмечают историки, это выступление против Галлиена было ускорено рядом обстоятельств. Хотя установить точную дату провозглашения Регалиана императором невозможно, ясно, что произошло оно вскоре после подавления выступления Ингенуя. Галлиен некоторое время оставался на Дунае, но потом в связи с провозглашением императором Постума отправился на Запад империи. Помимо борьбы с Постумом, ему пришлось отражать крупное вторжение франков и алеманнов в Италию¹⁶. Отбывая на Запад, Галлиен оставил во главе придунайских войск Регалиана. Его полное имя, происхождение и карьера не известны. Автор его жизнеописания называет его *Regilianus* (SHA. Tug. trig. X), в легендах выпускавшихся им монет он назван *P. C. Regalianus*¹⁷. Видимо, Регалиан решил, что Галлиен не сможет справиться со всеми проблемами, которые встали перед ним после пленения императора Валериана персами и победы над Ингенуем, и решил на открытое выступление против него. Какими военными силами он при этом располагал, точно сказать невозможно. Автор его жизнеописания сообщает, что в момент провозглашения его императором Регалиан занимал пост *Illyrici dux* (SHA. Tug. trig. X). По мнению А. Добо, под управлением Регалиана были обе Мезии и обе Паннии; императором его объявили легионы Мезии, к ним присоединились легионы Верхней Паннии, но войска Нижней Паннии сохранили верность Галлиену¹⁸. Ю. К. Колосовская считала, что под властью Регалиана находились военные силы обеих Панний, Верхней Мезии и, очевидно, Дакии¹⁹. Проанализировав выпущенные Галлиеном в 261 г. н. э. монеты, А. Альфельди пришел к заключению, что под командованием восставшего Регалиана находились: два легиона Верхней Паннии (X Блинец, XIV Блинец), легион XIII Блинец Дакии и XI Клавдиев легион Нижней Мезии²⁰.

По всей видимости, узурпация Регалиана оказалась более продолжительной, чем узурпация Ингенуя. Он успел выпустить свою монету. До нас дошли немногочисленные антонинианы Регалиана и его жены (или матери) Сульпиции Дриантиллы²¹. Найдены они исключительно на территории бывшей провинции Верхней Паннии и чеканились скорее всего в Карнунте²². Причем эти монеты представляли собой надчеканку монет Каракаллы и

Александра Севера, Юлии Домны и Юлии Мезы²³. Й. Фитц обратил внимание на легенды монет: VIRTUS AUGG, AEQUITAS AUGG, CONCORDIA AUGG. По его мнению, под двумя Августами здесь имеются в виду Регалиан и Постум. Следовательно, Регалиан пропагандировал идею союза с основателем Галльской империи²⁴.

Занятый борьбой с Постумом и варварами, Галлиен не мог сразу же приступить к подавлению выступления Регалиана. Но и Регалиан не имел возможности для расширения зоны своего господства. Вскоре после провозглашения его императором ему пришлось все свое внимание сосредоточить на борьбе с большим вторжением в Паннонию варваров — племен сарматов и квадов или роксоланов (SHA. Tug. trig. X; Eutrop. IX, 8; Iord. Rom. 287). Выпуск монет с легендой VICTORIA позволяет предполагать, что первоначально Регалиану удалось достичь успехов в войне с варварами. Но затем обстоятельства изменились: Регалиан "... предпринял много решительных действий против сарматов, но был убит по подстрекательству роксоланов, с согласия воинов, под влиянием страха, охватившего провинциалов, как бы Галлиен не применил снова еще более жестоких мер" (SHA. Tug. trig. X). На основе этого не вполне ясного сообщения о гибели Регалиана В. Кугофф делает вывод, что выступление узурпатора собственно было подавлено не римскими войсками: Регалиан погиб в борьбе с варварами, а его сторонников позже наказал Галлиен²⁵. По мнению Ю. К. Колосовской, для борьбы со сторонниками Регалиана император Галлиен привлек легионы Германии и конницу мавров во главе с Авреолом²⁶. А. Альфельди считал, что по случаю победы над Регалианом Галлиен выпустил монеты, в которых участвовавшие в подавлении этого выступления легионы названы с почетными эпитетами VII piaе, VII fideles²⁷. Но Й. Фитц предполагал, что эти монеты были выпущены не в связи с подавлением узурпации Регалиана, которая не представляла большой угрозы для Рима, а по случаю крупной победы над варварами, атаковавшими Паннонию и двигавшимися к Италии²⁸.

Как видим, ни Ингенуй, ни Регалиан, будучи объявленными императорами, не попытались получить официальное признание сената и захватить столицу Римской империи. Ф. Хартманн объяснял это тем, что из-за необходимости борьбы с внешними врагами придунайские узурпаторы не могли снять войска с дунайской границы и вести их на Рим²⁹. В. Н. Дьяков трактует такое поведение Ингенуя и Регалиана как показатель стремления к отделению

от Рима и образованию сепаратной Дунайской империи³⁰. К числу проявлений провинциального сепаратизма в Римской империи относил выступления Ингенуя и Регалиана и Е. М. Штаерман³¹. Хотя она признавала, что свидетельства источников не позволяют делать окончательные выводы о социальной базе выступлений этих узурпаторов, но предполагала, что их сторонники принадлежали к появившимся уже к середине III в. н. э. в придунайских провинциях богачам и кругам, которые сочувствовали императору Валериану и были недовольны правившим в интересах муниципальных рабовладельцев Галлиеном³².

На наш взгляд, Ингенуй и Регалиан не предприняли поход на Рим из-за напряженной обстановки на дунайской границе, и один только этот факт не может считаться достаточным основанием для отнесения выступления названных узурпаторов к числу сепаратистских движений в Римской империи. В литературе уже обращалось внимание и на сомнительность выводов Е. М. Штаерман о социальной опоре Ингенуя и Регалиана. Так, Ю. К. Колосовская считала, что на Дунае, и в частности в Дакии, в середине III в. н. э. отсутствовали те слои населения, которые могли бы стремиться к отпадению от Римской империи. Хотя, предполагала она, представители крупного землевладения и поддерживали узурпации Ингенуя и Регалиана, но местная аристократия не имела столько сил, чтобы образовать самостоятельное и независимое от Рима государство³³. В. Н. Дьяков признавал ошибочным мнение Е. М. Штаерман о социальной базе Ингенуя и Регалиана. Он отмечал, что в отличие от Галлии крупного землевладения на Дунае в середине III в. н. э. не было, а свидетельства источников говорят как раз о том, что эти узурпаторы были выдвинуты солдатами войск придунайских провинций и связанными с ними жителями этих областей³⁴.

2.2. Галльская империя

Возникновение так называемой Галльской империи произошло в определенной степени в связи с рассмотренными выше событиями на Дунае. Будучи соправителем своего отца, императора Валериана, Галлиен, после того как Валериан отправился на войну с персами, руководил борьбой с вторжениями варваров в европейской части империи. В середине 250-х годов он находился на рейнской границе. В это время на Верхнем Рейне сильным противником римлян были алеманны, а на Нижнем Рейне в 257 г. н. э.

появился не менее грозный враг в лице франков³⁵. Галлиена сопровождал его младший сын Салонин (P. Licinius Cornelius Saloninus Valerianus). После смерти на Дунае старшего сына Галлиена — Валериана-младшего, возведённого незадолго до этого в ранг Цезаря³⁶, Салонин был объявлен наследником престола (Epit. 33), а когда Галлиен узнал о выступлении Ингенуя, он покинул рейнскую границу, оставив здесь Салонина в качестве представителя правящей фамилии³⁷. Важную роль при молодом Цезаре должны были играть два человека — Сильван (Silvanus (Zos. I, 38)) или Альбан (Albanus (Zon. XII, 24)) и Постум (M. Cassianus Latinus Postumus (CIL. II, 4919; 4943)). Нарративные источники довольно неопределенно говорят об их официальных постах. По сообщению Зонары (XII, 24), Галлиен поручил Постуму защиту берегов Рейна, чтобы он препятствовал зарейнским варварам вторгаться в римские провинции. Автор жизнеописания Постума пишет, что Галлиен препоручил ему Салонина "... с тем, чтобы Постум охранял его жизнь и наставлял его в том, как должен вести себя и действовать император" (SHA. Tug. trig. III). В литературе высказываются различные предположения относительно карьеры и официальных постов Сильвана и Постума³⁸. По мнению И. Кенига, недостаток свидетельств источников делает невозможными ответы на эти вопросы, и он предлагает считать Сильвана советником Салонина в гражданских делах, а Постума — ответственным за защиту рейнской границы империи³⁹.

В то время как Галлиен увел с собой часть войск для борьбы с придунайским узурпатором, натиск германских племен на рейнской границе усилился. Особенно крупное и удачное вторжение в римские владения франки и алеманны осуществили в 258/9 г. н. э.⁴⁰. Они прошли через Галлию, вторглись в Испанию, разграбили город Тарракону и, сев на корабли, достигли мавретанского побережья Африки (Aug. Vict. De Caes. 33; Eutrop. IX, 8). Согласно данным авторов жизнеописаний Галлиена и Постума (SHA. Gall. duo. IV; Tug. trig. III), эти успехи варваров привели к тому, что галлы, возмущенные неспособностью императора Галлиена обеспечить их безопасность, объявили императором Постума, а солдаты римских войск, размещенных в западных провинциях империи, поддержали их решение. Однако современные историки⁴¹ склонны больше доверять той версии обстоятельств прихода к власти Постума, которую излагает Зонара. Он сообщает, что возглавлявшиеся Постумом войска нанесли поражение отряду германцев, возвращавшемуся за Рейн после грабежа римских владений. В благо-

дарность за победу Постум разделил между воинами отбитую у варваров добычу. Тут к месту событий прибыл Сильван и заявил, что солдаты должны вернуть всю добычу Салонину. Возмущенные воины отказались служить Салонину и провозгласили императором Постума. Салонин и Сильван были осаждены восставшими солдатами в Колонии Агриппине. Спустя некоторое время то ли жители города, то ли воины его гарнизона выдали Салонина и Сильвана Постуму, и тот приказал их убить (XII, 24). Так же описывает эти события и Зосим (I, 38).

В литературе провозглашение Постума императором датируется неоднозначно. Некоторые историки относят его к 259 г. н. э.⁴² Ж.-П. Калю на основе анализа выпущенных Постумом монет датирует провозглашение его императором 260 г. н. э.⁴³ И. Кениг, исходя из того, что в надписи 260 г. н. э., найденной на территории лагеря легиона в Виндониссе (CIL. XIII, 5203), упоминается Цезарь Салонин, также считает, что описанные выше события произошли не раньше лета 260 г. н. э.⁴⁴

Сразу после своего провозглашения императором Постум не пошел на Италию, чтобы занять Рим и добиться признания его власти сенатом. Он оставался за Альпами. Здесь его власть была признана не только на территории Германии и Галлии⁴⁵, но, как показывает эпиграфический материал, и в Британии (CIL. VII, 823; 1150; 1160; 1161 = ILS. 560), и в испанских провинциях (CIL. II, 4919; 5736; 4943 = ILS. 562).

Став правителем всего Запада Римской империи, Постум прежде всего уделил внимание защите своих владений от вторжений германцев (Eutrop. IX, 9; Oros. VII. 22, 10). Он не только "... крепкой рукой охранял Галлии от всех бушевавших вокруг них варваров" (SHA. Gall. duo. IV) и, "... прогнав все германские племена, возвратил Римской империи прежнюю безопасность" (SHA. Tug. trig. III), но и осуществлял походы на правый берег Рейна (SHA. Tug. trig. V). Жители внутренних областей Галлии в правление Постума стали чувствовать себя настолько в безопасности, что, как свидетельствует археологический материал, в здешних городах в это время прекращается строительство укреплений⁴⁶.

Победы над германцами позволили Постуму принять титул *Germanicus maximus* ("величайший германский") (CIL. II, 4943 = ILS. 562; CIL. XIII, 9023 = ILS. 561), выпускать монеты с легендой *RESTITUTOR GALLIARUM* ("восстановитель Галлий")⁴⁷. Успехов в борьбе с варварами Постум достиг не только благодаря высоким боевым качествам находившихся в его подчинении римс-

ких войск, но и потому, что он "... получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков" (SHA. Gall. duo. VII), в том числе и из глубинных районов зарейнской Германии⁴⁸.

Именно привлечение Постумом на службу германских наемников и то, что он сразу после провозглашения императором не предпринял поход на Рим, трактуется Е. М. Штаерман как доказательство того, что Постум не был "солдатским" императором. По ее мнению, он был выразителем сепаратистских устремлений крупных землевладельцев Запада Римской империи, опиравшимся на знать западных провинций, к которой он и сам принадлежал⁴⁹, не пользовавшимся достаточной поддержкой воинских кругов и близких к ним слоев мелких и средних муниципальных собственников и потому вынужденным нанимать отряды из свободных германцев⁵⁰. Признавая наличие на монетах Постума легенд, которые можно толковать как свидетельства о его претензиях на власть над всей Римской империей (ROMAE AETERNAE, HERCULI ROMANO ("вечному Риму", "римскому Геркулесу")⁵¹), Е. М. Штаерман считает, что такие легенды появляются не с самого начала правления Постума, а только после того, как он получил поддержку первоначально враждебно относившихся к нему войск прирейнских провинций, и говорят лишь о том, что он надеялся "в случае удачи" стать идеальным римским императором, хотя вообще-то западные провинции при Постуме были готовы отделиться от Рима⁵². Возврат западных провинций под власть Рима при Аврелиане Е. М. Штаерман связывала с широким размахом движения багаудов в галльских провинциях. По ее мнению, не будучи в силах справиться с багаудами, напуганная знать Запада империи решила отказаться от претензий на самостоятельное существование и с помощью правителя Рима защитить свои классовые интересы⁵³.

Вышеизложенные взгляды Е. М. Штаерман на социальную базу основателя Галльской империи и его цели получили поддержку, полностью или частично, ряда историков⁵⁴. К примеру, Г. Бигель считал, что анализ выпущенных Постумом монет позволяет говорить о том, что первоначально он хотел ограничиться властью лишь над Галлиями, но после 265 г. н. э. его аппетиты возросли, и Постум стал претендовать на власть над всей Римской империей⁵⁵.

Однако другие историки иначе трактуют вопросы о социальной сущности Галльской империи и стратегических целях ее правителей. А. Альфельди полагал, что Постум с самого начала хо-

тел властвовать над всей территорией империи. Но войска, на которые он опирался, не хотели покидать прирейнские области в условиях угрозы вторжения в них варваров, и поэтому Постум не мог сразу идти на Рим⁵⁶. Дж. Дринквотер также утверждал, что галльские императоры рассматривали себя как потенциальных правителей всей Римской империи. От других узурпаторов они отличались тем, что имели высокое чувство долга (*a strong sense of duty*): они не предпринимали поход на Рим, так как тяжелая обстановка на рейнской границе заставляла их в ущерб личным амбициям защищать западные провинции⁵⁷. Ж. Атт, хотя и разделял взгляды Е. М. Штаерман на стратегические цели выступления Постума, считал, что основатель Галльской империи опирался на солдат рейнской армии, жителей городов на рейнской границе, а муниципальная аристократия Центра и Юга Галлии относилась к нему враждебно⁵⁸.

Наиболее глубокой (и на наш взгляд, достаточно обоснованной) критике представления Е. М. Штаерман о Галльской империи и ее правителях подверг немецкий исследователь И. Кениг⁵⁹. Он обратил внимание на то, что Постум не мог пойти на Рим сразу после провозглашения его императором еще и потому, что осенью проходы в Альпах были труднодоступны для войск. Называя ошибочными утверждения Е. М. Штаерман о Постуме как защителе интересов аристократии западных провинций империи, не имевшем поддержки войск, И. Кениг указывает на тот факт, что к власти этот узурпатор пришел по воле солдат. Он соглашался с наблюдением Е. М. Штаерман о том, что нумизматический материал содержит мало сведений о поддержке Постума римскими войсками (отмечая при этом, что она привлекла не все найденные к моменту написания ее монографии монеты галльских императоров), но в то же время отмечает, что источники ничего не сообщают о том, чтобы солдаты, за исключением гарнизона Колонии Агриппины, попытались воспрепятствовать установлению господства Постума в западных провинциях Римской империи. Характерным в этом плане И. Кениг считал то обстоятельство, что почти все надписи в честь Постума за пределами трех Галлий обнаружены в местах дислокации подразделений римских войск. Будучи явным "солдатским" императором по способу прихода к власти, Постум, по мнению историка, никак не мог сразу же получить поддержку крупных собственников Запада империи. Наоборот, вначале они должны были относиться к нему с подозрением, тем более, что данные ономастики не подтверждают тезис Е. М.

Штаерман о знатном происхождении этого узурпатора. (Здесь уместно отметить, что Евтропий подчеркивает отнюдь не знатность происхождения основателя Галльской империи, называя его "obscurissime natus" ("самого темного происхождения") (IX, 9).) К.-П. Йоне на основе анализа эпиграфического материала пришел к заключению, что родовое имя Постума Cassianus не имели представители сенаторского или всаднического сословия; данные эпиграфики позволяют считать, что Постум, как и Максимин Фракийец, был представителем слоя профессиональных солдат и, несомненно, может считаться "солдатским" императором⁶⁰. Поддержку гражданского населения римского Запада, полагал И. Кенниг, Постум получил только спустя некоторое время, когда добился успехов в борьбе с варварскими вторжениями, с полным основанием мог называть себя RESTITUTOR GALLIARUM ("восстановитель Галлий") и заявлять, что его целью является SALUS PROVINCIARUM ("блага провинций")⁶¹. После этого, как отмечает и К. Христ⁶², Постума стали поддерживать не только крупные земельные собственники, но и другие слои населения, поскольку угроза со стороны варваров задевала жизненные интересы всех жителей римских провинций.

Вопрос об отмечавшемся Е. М. Штаерман привлечении Постумом к себе на службу свободных германцев рассматривал и В. Н. Дряхлов. По его мнению, о наличии в войсках галльских императоров германских наемников можно говорить на основе не только свидетельств нарративных источников, но и находок золотых монет, выпускавшихся Постумом и его преемниками, в глубинных районах свободной Германии. Широкое привлечение германцев галльскими императорами В. Н. Дряхлов объяснял политической ненадежностью римских легионов западных провинций империи⁶³. Однако думается, что правители Галльской империи, ведя борьбу одновременно и с варварами, и с армиями римских императоров, в условиях ограниченных возможностей пополнения своих войск жителями только римского Запада вынуждены были набирать солдат за пределами римских владений.

Следует отметить, что успехи в борьбе с варварскими вторжениями не только способствовали расширению социальной базы Постума и его преемников, но имели и нежелательные для них последствия. В годы правления Клавдия II на территории испанских провинций и части Нарбоннской Галлии, которая примыкала к Альпам и долине Родана, исчезают надписи с именами галльских императоров и, наоборот, появляются с именем Клавдия II

(CIL. II, 2672; 3616; 3619; 3737; 3833; 3834; 4505; XII, 2228). Это дает повод некоторым историкам считать, что часть Галльской империи (см. карту 2) в конце 260-х годов вернулась под власть правителей Рима⁶⁴. По нашему мнению, отпадение от Галльской империи именно этих областей нужно связывать с особенностями их географического положения и успехами Постума в борьбе с вторжениями германцев. До тех пор, пока для жителей этого региона была реальной угроза варварских вторжений, они поддерживали боровшегося с варварами Постума. Но когда с течением времени воспоминания о вторжениях германцев стали уходить в прошлое, а угроза со стороны римских правителей оставалась актуальной, население этих удаленных от рейнской границы, но доступных с моря и суши для армий Рима областей Галльской империи решило признать над собой власть римского императора. Этими же соображениями, видимо, руководствовались и восставшие против Викторина, одного из преемников Постума, жители города Августодуна. При этом они надеялись на помощь римских войск во главе с префектом вигилов Юлием Плацидианом, которые, как можно заключить на основе текста обнаруженной вблизи Гренобля надписи (CIL. XII, 2228 = ILS. 569), в 269 г. н. э. были посланы Клавдием II в Нарбоннскую провинцию. Однако Плацидиан не оправдал надежд жителей Августодуна. Сменивший Викторина на престоле Галльской империи Тетрик двинул на город войска и после семимесячной осады (с конца 269 по лето 270 г. н. э.) взял его и подверг разграблению⁶⁵.

Не соглашаясь с мнением Е. М. Штаерман о том, что Постум хотел править только отделившимися от Рима западными провинциями, И. Кениг считал, что стратегической целью основателя Галльской империи было господство над всей территорией римского государства. Именно как проявление таких далеко идущих замыслов трактовал он легенды ROMAE AETERNAE, ORIENS AUG(USTUS), REST(ITUTOR) ORBIS ("вечному Риму", "Август Востока", "восстановитель мира")⁶⁶ на монетах Постума, которые были выпущены уже в самом начале существования Галльской империи⁶⁷. Когда же в силу сложившихся обстоятельств господство Постума только над западной частью Римской империи приняло затяжной характер, ему пришлось заняться оформлением своей власти и организацией управления подвластными территориями. И здесь также все строилось таким образом, чтобы ни у кого не возникало подозрений в том, что Постум отказался от идеи власти над всей территорией римского государства. Постум (и его

преемники) имел те же титулы (*Imperator, Caesar, Augustus, pontifex maximus, pater patriae* (CIL. XIII, 9023)) и почетные эпитеты (*pious, felix, invictus* (CIL. XIII, 6779; 9023 = ILS. 561; VII, 287 = ILS. 2548; II, 4919; 4943), что и “законные” правители империи. В Галльской империи сохранялось прежнее деление на провинции: наместником Аквитании в период существования Галльской империи был ее последний правитель Тетрик (SHA. Tug. trig. XXIV; Aug. Vict. De Caes. 33; Oros. VII. 22, 12). Поскольку правители Галльской империи не могли признавать консулов, избранных римским сенатом, они проводили выборы своих консулов (Постум был консулом пять раз (CIL. XIII, 633), в четвертый раз — в паре с будущим галльским императором Викторин (CIL. II, 5736). Правители Галльской империи имели свою преторианскую гвардию (трибуном преторианской когорты был Викторин (CIL. XIII, 3679)). В Колонии Агриппине и Августе Треворум функционировали императорские монетные дворы⁶⁸, причем выпускавшиеся в них при Постуме монеты по пробе драгоценных металлов и художественному оформлению изображений на них заметно превосходили монеты, чеканившиеся в это время Галлиеном⁶⁹. Исходя из того, что на выпускавшихся в Галльской империи бронзовых монетах иногда ставились сиглы SC, некоторые историки считают, что Постум создал и собственный сенат⁷⁰. Но по мнению Ж.-П. Калю, на одном только этом основании нельзя делать вывод о существовании сената Галльской империи: не исключено, что на территории, подвластной галльским императорам, продолжали иметь хождение “сенатские” монеты, а потом их стало не хватать, и Постум просто восполнил недостаток таких монет⁷¹. И. Кениг трактовал выпуск Постумом монет с сиглами SC как реверанс в сторону римского сената и тех его членов, которые оказались на территории Галльской империи в момент ее образования⁷². Вполне возможно, что сенаторы галльских императоров были членами римского сената. В пользу этого предположения говорит сообщение древних авторов о проведении в триумфальном шествии победителя Галльской империи — императора Аврелиана “сенаторов римского народа” (SHA. Tug. trig. XXIV; v. Aurel. XXXIV).

Постуму так и не удалось распространить свою власть за пределы западной части Римской империи, хотя его правление и продолжалось до 269 г. н. э.⁷³ Его преемники по управлению Галльской империей полностью не отказались от претензий на власть над всем римским государством. Викторин и Тетрик также выпус-

кали монеты с легендами ROMAE AETERNAE, ORIENS AVG⁷⁴. Но они уже не могли так успешно бороться с варварскими вторжениями, как это удавалось Постуму. Судя по археологическому материалу, с начала 270-х годов н. э. многие города на территории Галлии стали подвергаться разрушениям. По мнению Э. Кинга, это было следствием варварских вторжений⁷⁵. Несомненно, как отмечают историки⁷⁶, неудачи в борьбе с внешними врагами ослабляли позиции правителей Галльской империи. По определению К. Христа⁷⁷, как раз успешная борьба с варварами лежала в основе легитимности власти галльских императоров. Постепенно преемники Постума не только потеряли поддержку гражданского населения западных провинций, но и перестали пользоваться авторитетом у войск Запада империи (Огос. VII. 22, 11-12). Положение последнего правителя Галльской империи, Тетрика, который пришел к власти не по воле войск западных провинций, а фактически получил ее от матери своего предшественника Викторина (SHA. Tug. trig. XXIV), становилось тем более шатким, что в это же время римский император Аврелиан достиг больших успехов и в борьбе с варварскими вторжениями в Италию и придунайские провинции, и в возвращении под власть Рима восточной части империи. Как отмечал К.-П. Йоне⁷⁸, по меньшей мере теоретически теперь Рим имел императора, который мог обеспечить безопасность на границах империи и порядок в ее внутренних областях, включая рейнскую область и Галлию, а следовательно, устранить причины, приведшие к возникновению Галльской империи.

Таким образом, вследствие потери поддержки как гражданского населения, так и войск римского Запада, а не страха крупных землевладельцев западных провинций империи перед размахом движения багаудов (о котором Е. М. Штаерман писала, неправильно толкуя источник⁷⁹), Тетрик не смог оказать серьезного сопротивления Аврелиану, который в 274 г. н. э.⁸⁰ довольно легко и быстро ликвидировал Галльскую империю и тем самым полностью восстановил территориальное единство Римской империи.

2.3. Пальмирская держава

Пальмира была, по восточным меркам, не очень древним городом и не относилась к числу крупнейших городских центров римского Востока. Основана она была около 1000 г. до н. э.⁸¹, в состав римских владений вошла при императоре Тиберии⁸². До правления Адриана Пальмира оставалась рядовым провинциаль-

ным городом, относилась к провинции Сирии, но образовывала в ней отдельный округ и выплачивала римлянам установленную сумму налогов⁸³. Адриан возвысил город до ранга свободной общины (*civitas libera*), а Септимий Север даровал ему права колонии⁸⁴. После этого в Пальмире установилась соответствующая структура органов самоуправления — функционировали совет и народное собрание⁸⁵.

Находясь на восточной окраине римских владений и на важном караванном торговом пути, Пальмира являлась центром торговли римлян с восточными соседями империи и Индией. Через нее из Римской империи в страны Востока и в обратном направлении в большом количестве перевозились рабы, пшеница, парфюмерия, пурпурные ткани, оливковое масло, сушеные фрукты, бронзовые статуэтки и другие товары⁸⁶. По мере упрочения торговых связей Римской империи с восточными соседями возрастало значение города, обогащались его торговцы.

В военном отношении Пальмира была одним из опорных пунктов римских войск в борьбе с вторжениями кочевых племен Аравийской пустыни⁸⁷.

В правление династии Северов среди влиятельных семей Пальмиры все более выделяются Гайраниды. По предположению В. Н. Дьякова⁸⁸, некий Гайран оказал Септимию Северу услуги во время его войны с Песценнием Нигром, получил за это права римского гражданина и имя Септимия, которое стало родовым в его семье. Из греческой надписи начала III в. н. э. (SIG. III, 4507 = Dittenberger. 642) явствует, что сын Гайрана Септимий Однат назывался уже “светлейший сенатор”. Его сын Септимий Гайран к 251 г. н. э. присоединил к титулам отца новый — “экзарх пальмирцев” (Dittenberger. 643), что соответствовало латинскому *princeps Palmyrenorum*⁸⁹. Современник Галлиена Септимий Однат (Septimius Odaenathus), младший брат или сын Септимия Гайрана⁹⁰, в надписях 258 г. н. э. назван с титулами “светлейший консуляр” и “господин Пальмиры” (IGRP. III, 1027-1035). На основе анализа свидетельств источников Л. Омо пришел к заключению, что к 260 г. н. э. Однат официально имел следующий статус: он был членом совета города Пальмиры, получил решением императора достоинство консулара и командовал военными силами Пальмиры⁹¹.

Превращение Пальмиры в важнейший фактор политического развития всего римского Востока произошло на рубеже 50-60-х годов III в. н. э. в условиях резкого ухудшения обстановки на вос-

точных границах Римской империи. Пришедшее еще в первой половине III в. н. э. на смену Парфии Ново-Персидское царство оказалось для римлян беспокойным соседом. Правители молодого государства считали себя наследниками Ахеменидов и претендовали на господство над азиатскими владениями Рима (Аммиан Марцеллин. XVII, 5, 3). В начале 250-х годов н. э. персы во главе с царем Шапуrom нанесли римским войскам серьезные поражения и заняли значительную часть римских территорий⁹². Такая ситуация вынудила императора Валериана уже в самом начале его правления отправиться на Восток для руководства военными действиями против персов⁹³. Прибытие на восточный фронт императора не оказало кардинального влияния на ход событий. Римляне продолжали терпеть поражения, персы все глубже продвигались в римские владения и в конце концов захватили в плен самого императора Валериана⁹⁴.

Успехи персов в войне с римлянами отрицательно сказались на римской торговле с восточными соседями, а следовательно, и на экономике Пальмиры. Влиятельные люди города должны были определиться, на чьей стороне — персов или римлян — они будут стоять. Пальмирцы колебались в принятии решения и попытались вступить в переговоры с персидским царем. По сообщению Петра Патриция (Ехс. De leg. gent. 2), к Шапуру из Пальмиры отправилось посольство, чтобы, вероятно, договориться о заключении определенного соглашения. Но царь приказал выбросить дары пальмирцев в реку и заявил, что требует от жителей города безусловного подчинения. После этого пальмирцы решили сохранять верность Риму.

После пленения Валериана в рядах римских войск на Востоке началась паника, персы грабили Киликию и Каппадокию⁹⁵. Однако главному квартирмейстеру Валериана — Макриану (Т. Fulvius Macrianus) и талантливому военачальнику Каллисту, по кличке Балиста (Balista) удалось объединить под своим командованием войска римлян на Востоке и остановить продвижение персов в Переднюю и Малую Азию (Zon. XII, 23; G. Syncell. (Вопнае, 1828). — Р. 716). Но затем Макриан и Балиста решили не признавать над собой власть Галлиена и провозгласили императорами сыновей Макриана — Макриана-младшего и Квиета (Zon. XII, 24).

Когда Шапур с награбленной добычей возвращался в свое царство, при переправе через Евфрат он неожиданно был атакован войсками, во главе которых стоял пальмирский Оденат. Персы понесли значительные потери, часть их военной добычи и цар-

ский гарем достались Оденату (SHA. Tyr. trig. XV; Val. Duo. IV; I. Malala. XII; Zon. XII, 23; G. Syncell. — P. 716). Так в 260 г. н. э. Пальмира открыто выступила против персов.

Итак, выбор между персами и римлянами правители Пальмиры сделали. Но после этого им нужно было сделать еще один выбор — между Галлиеном и сыновьями Макриана. Возможно, пальмирцы каким-то образом выразили признание власти Макриана и Квиета. В 260 г. н. э. оба Макриана с частью своих войск отправились на Запад для борьбы с Галлиеном и высадились на Балканском полуострове. Но их армия была быстро разгромлена, а сами они погибли (SHA. Tyr. trig. XIV; Gall. duo. III; Zon. XII, 24).

После того как весть о гибели Макрианов пришла на Восток, Оденат по поручению Галлиена начал военные действия против Квиета и Балисты. Эта война также была непродолжительной и закончилась победой пальмирцев и гибелью Квиета и Балисты (Zon. XII, 24; Zos. I, 39; G. Syncell. — P. 716).

В результате такого развития событий Оденат оказался фактическим главой римского Востока. За достигнутые успехи Галлиен назначил его главнокомандующим римских войск в восточной части империи (*dux totius Orientis*) (Zon. XII, 24; G. Syncell. — P. 716). После этого Оденат предпринял наступление против персов. Возглавляя войска Пальмиры и остатки римских войск, он очистил от персов провинции Азию и Сирию, перешел Евфрат, освободил от персидской осады Эдессу, отвоевал у персов города Северной Месопотамии — Низибис и Карры⁹⁶. В 262 г. н. э.⁹⁷ Оденат дошел до самой столицы персов — Ктезифона. Город он не взял, но сжег его предместья (SHA. Gall. duo. X; Eutrop. IX, 10; Oros. VII, 22, 12). За эти победы Галлиен даровал Оденату почетный титул императора (*IGRP. III, 1047*), который еще с правления Августа был монополей правителя империи. Автор жизнеописания Галлиена сообщает, что после первого похода на Ктезифон Оденат получил от Галлиена титул Августа (SHA. Gall. duo. XII), т. е. стал его соправителем. Однако следует согласиться с Л. Омо, который считает это сообщение не соответствующим действительности, поскольку монеты в Кизике, Антиохии и Александрии продолжали чеканиться от имени Галлиена; до нас не дошла ни одна монета, в которой Оденат имел бы титул Августа⁹⁸.

В 267 г. н. э. Оденат осуществил новое наступление против персов и снова дошел до их столицы⁹⁹. После этого он и его старший сын Герод приняли титул царя царей. Этим, по определению И. Ш. Шифмана¹⁰⁰, Оденат заявлял претензии на положение, рав-

ное положению правителей персов. На основании текста одной из сирийских надписей в честь Одената (CIS. II, 3946) в литературе высказывается утверждение, что в это время Галлиен признал правителя Пальмиры “корректором всего Востока” (*corrector totius Orientis*). По мнению некоторых историков¹⁰¹, это означало, что Оденат от имени римского императора осуществлял надзор за деятельностью всех гражданских чиновников восточных провинций Римской империи. Но С. Свейн ставит факт отправления Оденатом функций “корректора всего Востока” под сомнение. Он обращает внимание на то, что надпись, в которой Оденат назван с этим титулом, была поставлена его старыми полководцами уже в 271 г. н. э., спустя довольно значительное время после смерти Одената в условиях открытого выступления Пальмиры против Рима. Приписывание знаменитому правителю Пальмиры данного титула должно было служить обоснованием претензий его сына Вабаллата на особое положение на римском Востоке¹⁰².

Итак, к 267 г. н. э. Оденат был фактическим правителем римских владений в восточной части империи от гор Тавра на севере до Персидского залива на юге (провинций Киликии, Сирии, Месопотамии, Финикии, Палестины и Аравии)¹⁰³.

В связи с тем, что в 267 г. н. э. “скифы” начали грабить прибрежные области римских владений в Малой Азии, Оденат прекратил военные действия против персов и отправился в Малую Азию¹⁰⁴. Во время этого похода, то ли в Эдессе, то ли в Гераклее Понтийской¹⁰⁵, Оденат и Герод были убиты (SHA. Gall. duo. XIII; G. Syncell. — P. 716). Их убийца, племянник или двоюродный брат Одената Меоний (Meonius) объявил себя правителем Пальмиры, но вскоре его убили собственные воины (SHA. Tyr. trig. XV; XVII; Zon. XII, 24; Zos. I, 39). После этого официально правителем Пальмиры стал малолетний (родился он предположительно в 260 г. н. э.¹⁰⁶) сын Одената Вабаллат (L. Iulius Aurelius Septimius Vaballathus Athenodorus (ILS. 8924; AE. 1904. 60)), а регентшей при нем и фактической правительницей — вдова Одената Зенобия (Septimia Zenobia (SHA. v. Aurel. XXXVIII; Zos. I, 39; G. Syncell. — P. 717)).

Как отмечает В. Кугофф, из-за недостатка свидетельств источников вопрос о том, пал ли Оденат жертвой личной мести, было ли его убийство организовано недовольными римскими должностными лицами или оно осуществлено по прямому указанию Галлиена, остается открытым¹⁰⁷.

В литературе высказывалось предположение, что в конце своего правления император Галлиен решил изменить политику по

отношению к Пальмире и взять руководство восточными делами в свои руки. При этом обращают внимание на то, что сразу после убийства Одената Галлиен отправил на Восток полководца Гераклиана с войсками. Эта экспедиция закончилась безуспешно: пальмирцы нанесли Гераклиану поражение, и он был вынужден вернуться на Запад (SHA. Gall. duo. XIII). Некоторые историки видели в этой экспедиции реакцию Галлиена на узурпацию Вабаллатом титулов Одената, которые были даны тому за личные заслуги перед Римом и не могли передаваться по наследству¹⁰⁸. В. Н. Дьяков предполагал, что Галлиен таким образомотреагировал на то, что Зенобия сразу после прихода к власти предприняла шаги к сближению с персами¹⁰⁹. Но против последнего предположения выступил А. Альфельди. Он считал, что у нас нет оснований подозревать Зенобию в решении поменять союз с Римом на союз с персами. Против этого говорит тот факт, что Вабаллат, как и его отец, носил титул царя царей, чего не потерпел бы царь персов, и даже после разрыва с Римом сохранял титул *Persicus maximus* ("величайший персидский")¹¹⁰. А. Альфельди ставил под сомнение сообщение об экспедиции Гераклиана потому, что вскоре после смерти Одената Гераклиан стал префектом претория Галлиена (Zon. XII, 25; Zos. I, 40, 2), но если бы он не справился с походом против пальмирцев, Галлиен никогда бы не назначил его на такой высокий пост¹¹¹. По предположению же Дж. Бауэра, никакой экспедиции Гераклиана на Восток не было. Ее выдумал просенатски настроенный автор жизнеописания Галлиена для того, чтобы показать, что Галлиен был не в состоянии вести успешные военные действия даже против женщины¹¹².

И все же экспедиция Гераклиана вполне могла иметь место. И ее совсем не обязательно рассматривать как мероприятие, направленное против Пальмиры. Ведь автор жизнеописания Галлиена ясно сообщает, что после убийства Одената Галлиен "... стал готовиться к войне с персами" и Гераклиан был отправлен на Восток "против персов" (SHA. Gall. duo. XII). Появление Гераклиана в восточной части империи можно объяснить тем, что с гибелью Одената здесь, по мнению императора, больше не было человека, который мог бы эффективно организовать управление восточными провинциями и надежно защищать границу с персами. Поскольку новый правитель Пальмиры был еще совсем юным и не считался достойной заменой своему отцу, Гераклиан должен был стать во главе военного и гражданского управления римским Востоком. Сюда он, по всей видимости, был отправлен с незначи-

тельными военными силами, и вполне естественно, оказался не в состоянии противостоять армии Пальмиры, встретив ее сопротивление. Неудача при таких обстоятельствах, конечно же, не могла быть препятствием для назначения Гераклиана на должность префекта претория.

Конечно, открытое военное выступление против представителя императора, узурпация Вабаллатом титулов Одената не могут расцениваться как показатели лояльности новых правителей Пальмиры по отношению к Галлиену. Зенобия явно не хотела, чтобы полномочия Вабаллата на Востоке были меньше тех, которыми обладал ее муж. Однако это не означало, что она решила вступить в союз с персами и открыто порвать отношения с Римом, образовав отдельную от Римской империи державу с центром в Пальмире, как это считали некоторые историки¹¹³. Официально находившиеся под фактическим управлением пальмирцев восточные провинции оставались в составе Римской империи. Выпускавшиеся в Антиохии монеты чеканились от имени римских императоров¹¹⁴.

Галлиен был вынужден оставить безнаказанными действия пальмирцев против Гераклиана. Сначала сложная обстановка на Балканском полуострове, а потом выступление начальника конницы Авреола не позволили ему начать военные действия против Пальмиры¹¹⁵. Сменивший на римском престоле Галлиена Клавдий II "... был занят войнами против готов" и, "... предоставив ей (Зенобии — И. С.) охранять восточные части империи, ... сам тем спокойнее мог выполнять то, что наметил" (SHA. Tug. trig. XXX).

Дальнейшие фактические изменения в отношениях между Римом и Пальмирой произошли сразу после смерти Клавдия II в 270 г. н. э. Понимая шаткость положения на римском престоле Квинтилла, Зенобия и Вабаллат предприняли шаги к расширению зоны своего господства на римском Востоке. Воспользовавшись тем, что префект Египта Проб еще по поручению Клавдия II покинул страну и вел борьбу с пиратами в районе между Критом, Родосом и Кипром¹¹⁶, они оккупировали Египет (Zon. XII, 27; G. Syncell. — P. 721). Вернувшийся в Египет Проб нанес пальмирцам поражение, вытеснил их из страны, но потом попал в западню и погиб (SHA. v. Claud. XI; Zos. I, 44). Египет вошел в состав владений Вабаллата. В это же время пальмирцы провели наступление и на севере. В Малой Азии они заняли Каппадокию и Галатию, включая город Анкиру. Зенобия пыталась оккупировать и Вифинию,

но местный гарнизон римских войск отбил натиск пальмирцев (Zos. I, 50, 1).

Когда к власти в Риме пришел Аврелиан, Зенобия и Вабаллат не покинули занятые территории в Египте и в Малой Азии. Но официально они признали над собой власть римского правителя. В Антиохии и Александрии в 270 г. н. э. выпускались монеты с изображением Аврелиана на реверсе и портретом Вабаллата на аверсе. Легенда на этих монетах содержала имя Вабаллата и аббревиатуру его титулов: VABALLATHUS VCRIDR (*vir clarissimus, rex, imperator, dux Romanorum* — “светлейший муж, царь, император, полководец римлян”)¹¹⁷. Ф. Альтхайм считал, что Вабаллат на этих монетах предстает как соправитель Аврелиана¹¹⁸. С этим мнением нельзя согласиться. Ведь правитель Пальмиры на данных монетах не назван ни Цезарем, ни Августом. Характерно также, что в египетских папирусах того времени и Аврелиан, и Вабаллат называются “господами”, но Аврелиан в них имеет титул Августа, а Вабаллат — нет¹¹⁹.

На монетах, чеканившихся в Александрии и Антиохии в конце 270 — начале 271 гг. н. э.¹²⁰, с указанием первого года правления Аврелиана и четвертого — Вабаллата, портрет Вабаллата с диадемой и лавровым венком как бы противопоставлялся изображению Аврелиана только в лавровом венке. К. Штробель видел в этой разнице портретов двух правителей проявление претензии пальмирской стороны на принципиальное равенство с Римом и политическое превосходство над ним на Востоке¹²¹.

Весной или летом 271 г. н. э.¹²² в отношениях между Пальмирой и Римом произошли изменения. С этого времени на выпускавшихся в монетных дворах Востока империи монетах исчезает портрет Аврелиана, Вабаллат в легендах этих монет имеет титулы IMP(erator) C(aesar) AUG(ustus)¹²³. Зенобия же, как это видно из надписей (SIG. III, 4503; IGRP. III, 1028; CIS. II, 3947; 3971; ILS. 8807), стала носить титул Августы. При этом, как отмечал И. Ш. Шифман¹²⁴, в надписях Зенобия называется “светлейшей и благочестивой царицей” либо “светлейшей царицей” и обязательно указывается, что она — мать Вабаллата, и приводится титулатура последнего. На основании титулатуры Зенобии И. Ш. Шифман делал вывод, что мать Вабаллата претендовала на такое же положение в государстве, какое занимала Юлия Домна при своих сыновьях после смерти ее мужа — Септимия Севера, и власть Зенобии именно так и была оформлена с точки зрения римских пра-

вовых норм. В латинской надписи на милевом столбе, найденной между Филадельфией и Босрой, Вабаллат назван с титулами *Persicus maximus, Arabicus maximus, Adiabenicus maximus, pius, felix, invictus Augustus* ("величайший персидский, величайший арабский, величайший адиабенский, благочестивый, счастливый, непобедимый Август") (АЕ. 1904. 60), т. е. с теми, какие традиционно имели римские императоры.

Все эти факты говорят о том, что в 271 г. н. э. произошел полный разрыв отношений между правителями Пальмиры и римским императором. Но это было не просто нежелание Вабаллата и Зенобии признавать над собой власть Аврелиана. Несомненно, здесь можно говорить о стремлении правителей Пальмиры не отделиться от Рима, а установить свое господство над всей Римской империей. В этом плане следует признать правильным мнение Ф. Альтхайма, что Зенобия учила своих сыновей "говорить по-латыни" (SHA. Tyr. trig. XXX), готовя их к будущему господству и над римлянами¹²⁵.

На наш взгляд, 271 г. н. э. был избран Зенобией и Вабаллатом для выступления против Аврелиана совсем не случайно. Именно в этом году позиции Аврелиана в государстве были очень непрочными. Зимой 270/271 г. н. э. коалиционное войско ютунгов и алеманнов через Рецию и Альпы вторглось в Италию. Аврелиан в это время находился на среднем Дунае. Здесь ожидалось вторжение сарматов, поэтому против германцев император выступил только с частью имевшихся у него войск. В результате у Плаценцы варвары нанесли римлянам тяжелое поражение¹²⁶. Позже Аврелиан добился победы над германцами и изгнал их из Италии, но, видимо, под влиянием первой военной неудачи против императора посмели выступить даже некоторые сенаторы в Риме. Вероятно, в этом же году произошло выступление монетариев в столице империи (Eutrop. IX, 14; Epit. 35). Скорее всего в 271 г. н. э.¹²⁷ от Рима отпали Септимий (или Септимин) в Далмации (Epit. 35; Zos. I. 49, 2), а также (неизвестно, в каком месте) Урбан (Zos. I. 49, 2). Конечно же, обо всех этих событиях знали на Востоке. Такая информация вполне могла заставить правителей Пальмиры допускать возможность того, что в Риме снова произойдет смена императора, и им опять придется признавать над собой власть человека, который, с их точки зрения, будет иметь меньше оснований для занятия римского императорского престола, чем уже господствовавший над значительной частью римских владений Вабаллат.

Аврелиан, вопреки опасениям правителей Пальмиры, сумел справиться с вторжениями варваров, навел порядок в Риме, удержал за собой императорскую власть. После этого ему предстояло решить проблему взаимоотношений с вышедшими из-под власти Рима Галльской империей и Пальмирской державой. И то, что он решил сначала вернуть в состав Римской империи ее восточные провинции, тоже не было случайным. Такая последовательность действий Аврелиана по восстановлению территориального единства империи диктовалась его стремлением к укреплению лояльности по отношению к нему войск и гражданского населения той части римского государства, которая находилась под его управлением. В условиях политической нестабильности, характерной для периода кризиса III века, важнейшей задачей для каждого из достаточно многочисленных правителей Римской империи, стремившихся удержаться на императорском престоле после его захвата, было если не добиться улучшения положения империи по сравнению со временем правления своего предшественника, то хотя бы стабилизировать ситуацию. По определению В. Кугоффа, жители римского государства ожидали от хорошего правителя успехов в поддержании мира внутри империи, в ведении войн, защите правопорядка и улучшении условий жизни. И римские императоры, с помощью своих советников, старались оправдать эти ожидания¹²⁸. В свое время Клавдий II не ликвидировал Галльскую империю, но она возникла не при нем, а при Галлиене, а в его правление под власть Рима была возвращена часть ранее подвластных галльским императорам территорий. Аврелиан, в свою очередь, получил Галльскую империю "в наследство" от Клавдия II. Но формальный выход из состава Римской империи значительной части восточных провинций произошел уже в правление Аврелиана. Получалось, что он силой оружия забрал у брата Клавдия II римское государство, а полностью сохранить то, что получил не совсем законным путем, не смог. Конечно, это не способствовало подъему авторитета императора в глазах жителей империи. Вероятно, примерно такие рассуждения побудили Аврелиана начать процесс воссоединения территории Римской империи с похода на Восток, а не на Запад. Как правомерно полагает А. Христиансен, к срочному походу против Вабаллата римского императора подтолкнуло его опасение, что захват пальмирцами Египта может привести к перебоям в снабжении Италии и Рима продовольствием и выступлениям против Аврелиана на этой почве¹²⁹.

Освобождение от пальмирцев Египта Аврелиан поручил будущему императору Пробу, а сам решил двигаться на Пальмиру через Малую Азию и Сирию. К осени 271 г. н. э. Проб отвоевал Египет¹³⁰. Аврелиан в конце этого же года покинул Рим. На Дунае он собрал армию, в которую входили подразделения из легионов Реции, Норика, Паннонии, Мезии и конница из мавров и далматов¹³¹. В начале 272 г. н. э. эти войска переправились в азиатскую часть империи¹³². Пальмирцы пытались оказывать сопротивление. Однако битвы у Тианы, Антиохии, Эмесы закончились победами римских войск¹³³. После этого Аврелиан продвинулся к Пальмире и вместе с прибывшими из Египта войсками Проба приступил к осаде города (SHA. v. Aurel. XXV-XXVI). Когда стало ясно, что падение Пальмиры неизбежно, Зенобия и Вабаллат тайно покинули город и попытались бежать к персам. Но римские конники настигли беглецов и захватили их в плен (SHA. v. Aurel. XXVIII; Zos. I. 55, 2-3; G. Syncell. — P. 721).

Таким образом, в мае или июне 272 г. н. э.¹³⁴ Пальмира оказалась во власти Аврелиана, восточные провинции были возвращены в состав римских владений. Произошло это довольно быстро и, видимо, легче, чем предполагал сам Аврелиан. По определению Орозия, Восток был покорен римским императором скорее угрозой сражения, чем самим сражением (*magis proelii terrore quam proelio*) (Oros. VII. 23, 4).

Итак, на основании вышеизложенного можно сказать, что рассмотренные попытки узурпации императорской власти имели как общие черты, так и особенности.

Узурпации Ингенуя и Регалиана на Дунае привели к отпадению от Рима сравнительно небольшой части римских владений на довольно непродолжительное время. В провозглашении этих узурпаторов императорами инициативу проявили находившиеся в их подчинении войска. Толчком для их выступления против законного правителя империи явилась необходимость борьбы с вторжениями варваров в придунайские провинции в условиях, когда центральная власть, как казалось солдатам, уделяла обороне дунайской границы недостаточно внимания. Поскольку узурпаторы успешно боролись с варварами, а это отвечало интересам и гражданского населения, их выступление поддерживали не только войска, но и жители придунайских провинций. Однако свидетельствами источников, которые позволяли бы утверждать, что Ингенуй и Регалиан опирались на крупных земельных собственников в большей мере, чем на другие слои населения региона, мы не рас-

полагаем. Нет у нас также и оснований для того, чтобы считать, что эти узурпаторы не только отказались признавать власть правителей Рима, но и хотели образовать отдельное от Римской империи государство. Они не предприняли поход на столицу империи скорее не потому, что не стремились к господству над всей территорией римского государства, а по причине необходимости защиты придунайских провинций от внешних врагов. В случае с узурпацией Регалиана внешнеполитический фактор сыграл важную роль и в подавлении его выступления.

Солдаты были инициаторами провозглашения императором и основателя Галльской империи Постума. Опираясь на армию, Постум добился успехов в борьбе с варварскими вторжениями, от которых в то время страдали и прирейнские области, и глубинные районы римского Запада. Поэтому его выступления поддерживали войска и гражданское население не только Германии и Галлии, но и провинций Пиренейского полуострова и Британии. Постум также не пошел на Рим сразу после провозглашения его императором. Но причиной этого было не отсутствие у него стремления к распространению своей власти на всю территорию Римской империи, а необходимость сосредоточить все свое внимание на борьбе с варварами. Нумизматические источники свидетельствуют, что основатель Галльской империи и его преемники пропагандировали идею господства и над другими частями римских владений, но обстановка на рейнской границе и противодействие правителей Рима не позволяли им реализовать свои замыслы. Титулатура Постума и других галльских императоров, организация управления подвластными им территориями повторяли то, что было традиционно для римского государства. Власть галльских императоров базировалась на поддержке войск и гражданского населения римского Запада (как крупных землевладельцев, так и других слоев). Но когда преемники Постума перестали добиваться успехов в борьбе с варварами, они утратили лояльность солдат, их авторитет упал в глазах гражданского населения. Все это происходило на фоне успешных действий римского правителя — Аврелиана — в деле борьбы с внешними врагами и возвращения в состав империи римского Востока. Под влиянием данных обстоятельств, а не страха крупных земельных собственников западных провинций перед народными движениями, позиции правителей Галльской империи все более слабели, и последний из них, Тетрик, не смог оказать серьезного сопротивления Аврелиану, который легко уничтожил Галльскую империю.

Превращение Пальмиры в важнейший политический фактор римского Востока произошло в условиях наступления персов на владения римлян. В силу стечения обстоятельств представитель влиятельной в Пальмире семьи Гайранидов Септимий Оденат в правление императора Галлиена встал во главе сопротивления персам в восточных провинциях Римской империи. За успехи в войне с персами и заслуги в подавлении попытки узурпации императорской власти Галлиен оказал Оденату нетрадиционно большие почести. Хотя Оденат был фактическим властителем почти всего римского Востока, он сохранял лояльность по отношению к правителю Рима, безоговорочно признавал над собой его власть. После убийства Одената его вдова Зенобия вступила на путь разрыва отношений с Римом. Пальмирцы открыто выступили против представителя римского императора — Гераклиана, с помощью оружия расширили зону господства Пальмиры в восточных провинциях Римской империи. В начале правления римского императора Аврелиана Зенобия и Вабаллат окончательно порвали с Римом. Однако это не означало, что правители Пальмиры намеревались создать отдельное от Римской империи государство. Свидетельства источников позволяют говорить о претензиях Зенобии и Вабаллата на власть не только над римским Востоком, но и над всей территорией империи. Но их претензиям не было суждено осуществиться. Аврелиан разгромил войска Пальмиры, взял в плен ее правителей и вернул восточные провинции под власть Рима.

Таким образом, в результате выступлений придунайских узурпаторов, Постума и правителей Пальмиры довольно значительная часть территории Римской империи на какое-то время оказывалась вне власти Рима. Но данные источников не позволяют утверждать, что в этих случаях мы имеем дело не с попытками захватить власть над всей империей, а с образованием изначально и окончательно отдельных от Рима государств. Свидетельствами источников не подтверждается также прямая связь возникновения этих государственных образований с распространением в отдельных регионах империи крупного экзимирированного землевладения. Не имеется достаточных оснований полагать, что собственники крупных земельных владений составляли социальную базу провинциального сепаратизма в Римской империи в период кризиса III века.

Сноски и примечания

- ¹ Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte ... — S. 37.
- ² См.: Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 178; Hatt J. J. Histoire de la Gaule Romaine ... — P. 213; Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 701.
- ³ См.: Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. ... — С. 17; Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакии ... — С. 78; Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 16.; Федосик В. А. Церковь и государство ... — С. 167.
- ⁴ А. И. Тюменев (История античных рабовладельческих обществ ... — С. 272) и А. М. Ременников (Борьба племен Северного Причерноморья ... — С. 17) утверждали, что сепаратизм провинций существовал в III в. н. э. также и в Малой Азии и Египте. Но, видимо, такой вывод они делали на основании того, что эти области входили в состав Пальмирской державы.
- ⁵ Degrassi A. I fasti consolari dell'impero Romano del 30 avanti Cristo al 613 dopo Cristo. — Roma, 1952. — P. 70.
- ⁶ См.: Fitz J. Ingenuus et Regalien // Collection Latomus. Vol. 81. — Bruxelles; Berchem, 1966. — P. 17.
- ⁷ Ю. К. Колосовская считала, что под управлением Ингенуя находились обе Паннии и обе Мезии, и он объединял под своей властью войска Реции, Норика, Паннии, Верхней Мезии и Фракии (См.: Колосовская Ю. К. Панния в I-III веках ... — С. 238). По мнению Д. Кинаста (Römische Kaisertabelle ... — S. 220), Ингенуй был наместником обеих Панний и обеих Мезий. А. Добо полагал (Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien ... — S. 98), что Ингенуй был наместником обеих Панний.
- ⁸ См.: Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 54; Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль ... — С. 32; Ridley R. T. History of Rome: a documented analysis. — Roma, 1987. — P. 559.
- ⁹ См.: Barbieri G. L'Albo Senatorio ... — P. 280; Calderini A. I Severi... — P. 169; Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 220.
- ¹⁰ Fitz J. Ingenuus et Regalien ... — P. 34.
- ¹¹ См.: Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 88; Колосовская Ю. К. Панния в I — III веках ... — С. 238.

- ¹² Колосовская Ю. К. Римский наместник ... — С. 32; Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 168.
- ¹³ Колосовская Ю. К. Паннония в I — III веках ... — С. 238.
- ¹⁴ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 102.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Fitz J. Ingenuus et Regalien ... — P. 45; Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 23.
- ¹⁷ Robertson A. S. Roman imperial coins ... Vol. 4 ... — P. LXXVI — LXXVII.
- ¹⁸ Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz ... — S. 99-100.
- ¹⁹ Колосовская Ю. К. Римский наместник ... — С. 32-33.
- ²⁰ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 102.
- ²¹ Robertson A. S. Roman imperial coins ... Vol. 4. ... — P. LXXVI — LXXVII.
- ²² См.: Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 102.
- ²³ Колосовская Ю. К. Римский наместник ... — С. 33; Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 24.
- ²⁴ Fitz J. Ingenuus et Regalien ... — P. 47-48.
- ²⁵ Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 24.
- ²⁶ Колосовская Ю. К.. Римский наместник ... — С. 33.
- ²⁷ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 102.
- ²⁸ Fitz J. Ingenuus et Regalien ... — S. 64, 67.
- ²⁹ Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise ... — S. 176.
- ³⁰ Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 88.
- ³¹ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... -С. 479.
- ³² Там же. — С. 9, 479.
- ³³ Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства ... — С. 81. Но позже Ю. К. Колосовская изменила свой взгляд на характер выступлений Ингенуя и Регалиана и пришла к заключению, что в нем сказалось очевидное стремление к самостоятельности и независимости от Рима провинциальной аристократии и осознававшееся дунайскими legionами их значение в защите границ империи (См.: Колосовская Ю. К. Паннония в I-III веках ... — С. 236).
- ³⁴ Дьяков В. Н. [Рецензия] ... — С. 128.
- ³⁵ Gesellschaft und Wirtschaft ... — S. 10.

- ³⁶ Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 22.
- ³⁷ Biegel G. Die Münzstätte Köln in der Zeit des Gallischen Sonderreiches // AuNdRW. Principat. 4. Bd. — Berlin; New York, 1975. — S. 753.
- ³⁸ См.: Mazza M. Lotte sociali e restaurazione ... — P. 259; Hatt J. J. Histoire de la Gaule ... — P. 270; Drinkwater J. F. The Gallic empire: Separatism and continuity in the North-West. Provinces of the Roman empire A. D. 260-274. — Stuttgart, 1987. — P. 25; King A. Roman Gaul and Germany. — Berkeley etc., 1990. — P. 175.
- ³⁹ König I. Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. — München, 1981. — S. 46-47.
- ⁴⁰ Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise ... — S. 44.
- ⁴¹ См.: Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 177; Calderini A. I Severi ... — P. 170; Drinkwater J. F. The Gallic empire ... — P. 26.
- ⁴² См.: Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 168; Demandt A. Die Spätantike ... — S. 40.
- ⁴³ Callu J.-P. La politique monétaire des empereurs romaines de 238 à 311. — Paris, 1969. — P. 213.
- ⁴⁴ König I. Die Gallischen Usurpatoren ... — S. 42.
- ⁴⁵ Wachter J. The Roman Empire ... — P. 241; Heinen H. Trier und das Treverland ... — S. 91.
- ⁴⁶ King A. Roman Gaul and Germany ... — P. 176.
- ⁴⁷ Elmer G. Die Münzprägung der gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand // Bonner Jahrbücher. — Hf. 146. — Darmstadt, 1941. — S. 53; RIC. V, 2. — P. 343.
- ⁴⁸ Дряхлов В. Н. Войны германских племен ... — С. 162.
- ⁴⁹ Штаерман Е. М. Кризис III в. в Римской империи ... — С. 151.
- ⁵⁰ Штаерман Е. М. Отражение классовых противоречий ... — С. 69; Ее же. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 449 сл.
- ⁵¹ Elmer G. Die Münzprägung der gallischen ... — S. 52; RIC. V, 2. — P. 339.
- ⁵² Штаерман Е. М. Отражение классовых противоречий ... — С. 69-70.
- ⁵³ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 467-468.
- ⁵⁴ См.: Колосовская Ю. К. К истории падения ... — С. 78; Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 87; Федосик

- B. A. Церковь и государство ... — С. 167 — 168; Petit P. Histoire generale ... — P. 470; Cary M. A History of Rome ... — P. 725; Hatt J. J. Histoire de la Gaule ... — P. 227.
- ⁵⁵ Biegel G. Die Münzstätte Köln ... — S. 755-757.
- ⁵⁶ The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 200.
- ⁵⁷ Drinkwater J. F. The Gallic empire ... — P. 239-240.
- ⁵⁸ Hatt J. J. Histoire de la Gaule ... — P. 227.
- ⁵⁹ König I. Die gallischen Usurpatoren ... — S. 52 ff.
- ⁶⁰ Johne K.-P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 224 — 225.
- ⁶¹ Elmer G. Die Münzprägung der gallischen ... — S. 41; RIC. V, 2. — P. 340.
- ⁶² Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 571.
- ⁶³ Дряхлов В. Н. Войны германских племен ... — N. 162.
- ⁶⁴ Homo L. De Claudio Gothico ... — P. 45-47; Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 188.
- ⁶⁵ Homo L. De Claudio Gothico ... — P. 46-47; König I. Die gallischen Usurpaoren ... — S. 149.
- ⁶⁶ RIC. V, 2. — P. 339, 343.
- ⁶⁷ König I. Die gallischen Usurpatoren ... — S. 57.
- ⁶⁸ Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 178.
- ⁶⁹ King A. Roman Gaul and Germany ... — P. 176.
- ⁷⁰ Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 178; Besniere M. L'Empire Romain ... — P. 208.
- ⁷¹ Callu J. — P. La politique monetaire ... — P. 138.
- ⁷² König I. Die gallischen Usurpatoren ... — S. 74.
- ⁷³ Lafaurie J. L'Empire Gaulois ... — P. 1000.
- ⁷⁴ Elmer G. Die Münzprägung der gallischen ... — S. 88, 94.
- ⁷⁵ King A. Roman Gaul and Germany ... — P. 175.
- ⁷⁶ См.: Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 225; Besniere M. L'Empire Romain ... — P. 241.
- ⁷⁷ Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 671.
- ⁷⁸ Johne K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 228.
- ⁷⁹ См.: Корсунский А. Р. Движение багаудов ... — 73-74.
- ⁸⁰ Drinkwater J. F. The Gallic empire ... — P. 43; Kienast D. Romische Kaisertabelle ... — S. 244.

- ⁸¹ Shahid I. Rome and the Arabs: A prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. — Washington, 1984. — P. 22.
- ⁸² Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 102.
- ⁸³ Bernhardt Th. Geschichte Roms ... — S. 45.
- ⁸⁴ Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 102.
- ⁸⁵ Bernhardt Th. Geschichte Roms ... — S. 45.
- ⁸⁶ Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 668.
- ⁸⁷ Shahid I. Rome and the Arabs ... — P. 22.
- ⁸⁸ Дъяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 101.
- ⁸⁹ Homo L. L'empereur Gallien et la crise ... — P. 238.
- ⁹⁰ Jacques F. L'ordine senatorio attraverso ... — P. 212.
- ⁹¹ Homo L. L'empereur Gallien et la crise ... — P. 238.
- ⁹² The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 130-134, 170-171; Carratelli G. P. Res gestae divi Saporis // La parole del passato. — 1947. — Fasc. 5. — P. 219, 233.
- ⁹³ Christol M. Les regnes de Valerien et de Gallien (253-268): travaux d'ensemble, questions chronologiques // AuNdRW. 2. Bd. Principat ... — P. 814.
- ⁹⁴ В обстоятельствах и датировке пленения Валериана персами полной ясности нет. Как показал В. Кугофф (См.: Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 16-17), на основании данных эпиграфики пленение Валериана следовало бы датировать 259 годом н. э., но нумизматический материал и папирусы показывают, что Валериан признавался императором на римском Востоке вплоть до осени 260 г. н. э.
- ⁹⁵ Remondon R. La crise de l'Empire Romain ... — P. 55.
- ⁹⁶ Стучевский А. И. Пальмира ... — С. 215.
- ⁹⁷ Petit P. Histoire generale ... — P. 461.
- ⁹⁸ Homo L. L'empereur Gallien et la crise ... — P. 242-243.
- ⁹⁹ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 192.
- ¹⁰⁰ Шифман И. Ш. Сирийское общество ... — С. 288.
- ¹⁰¹ См.: Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 136; Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 354.

- ¹⁰² См.: Swain S. Macrianus as the "Well-Horned Stag" in the Thirteenth Sibylline Oracle // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1992. — Vol. 33. N 4. — P. 381-382.
- ¹⁰³ Homo L. L'empereur Gallien et la crise ... — P. 240; Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 194.
- ¹⁰⁴ Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 102.
- ¹⁰⁵ Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 175.
- ¹⁰⁶ Kienast D. Römische Kaisertabelle ... — S. 237.
- ¹⁰⁷ Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise ... — S. 28.
- ¹⁰⁸ Bernhardt Th. Geschichte Roms ... — S. 166; The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 177; Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 175.
- ¹⁰⁹ Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 104.
- ¹¹⁰ Alföldi A. Studien zur Geschichte ... — S. 203.
- ¹¹¹ Ibid. — S. 199.
- ¹¹² Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 164.
- ¹¹³ См.: Гиббон Э. История упадка и разрушения ... Ч. 1. ... — С. 394; Всемирная история: В 10 т. — М., 1956. — Т. 2. — С. 737; Mazza M. Lotte sociali ... — P. 298; Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise ... — S. 40.
- ¹¹⁴ Homo L. L'empereur Gallien et la crise ... — P. 247.
- ¹¹⁵ Calderini A. I Severi ... — P. 181.
- ¹¹⁶ Strobel K. Das Imperium Romanum ... — S. 261.
- ¹¹⁷ Cohen H. VI. — P. 226 seq.; RIC. V. 1. — P. 308.
- ¹¹⁸ Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 119.
- ¹¹⁹ Bureth P. Les titulatures imperiales dans les papyrus, les ostraca et les inscriptions d'Égypte (30 a. C. — 284 p. C.). — Bruxelles, 1964. — P. 122.
- ¹²⁰ Strobel K. Das Imperium Romanum ... — S. 265.
- ¹²¹ Ibid.
- ¹²² Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ... — P. 198.
- ¹²³ RIC. V. 2. — P. 585; Carson. II. — P. 130.

- ¹²⁴ Шифман И. III. Сирийское общество ... — С. 242.
- ¹²⁵ Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 109.
- ¹²⁶ Ременников А. М. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х годах III в. н. э. ... — С. 189.
- ¹²⁷ Barbieri G. L'Albo Senatorio ... — P. 409.
- ¹²⁸ Kuhoff W. Felicior Augusto melior Traiano: Aspekte der Selbstdarstellung der römischen Kaiser während der Prinzipatszeit. — Frankfurt a. M. Etc., 1993. — S. 53.
- ¹²⁹ The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 152.
- ¹³⁰ Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 199.
- ¹³¹ Ibid.
- ¹³² Remondon R. La crise de l'Empire Romain ... — P. 56.
- ¹³³ Parker H. M. D. A History of the Roman world ... — P. 199-201.
- ¹³⁴ Besniere M. L'Empire Romain ... — P. 239.

Глава 3. Кризис III века и его место в истории Римской империи

История Римской империи в современном антиковедении обычно подразделяется на три периода¹. Большинство историков считает, что III век н. э. занимал в этой истории особое место, отделяя период Ранней империи (Принципата) от периода Поздней империи (Домината). При этом обычно отмечается, что римское государство в этом столетии находилось в кризисном состоянии, а сам период называется периодом кризиса III века. Хотя по данному периоду римской истории к настоящему времени имеется очень обширная историография, целый ряд аспектов проблемы кризиса III века не могут быть признаны окончательно решенными и продолжают оставаться предметом споров среди историков античности. К их числу относятся такие вопросы теоретического характера как причины возникновения кризиса III века, его характер, хронологические рамки, особенности развития, результаты его преодоления. Без ответа на эти вопросы нельзя определить место данного кризиса в истории Рима. Исследованию этих аспектов проблемы кризиса III века и посвящена данная глава.

3. 1. Характер кризиса III века и причины его возникновения

Вопрос о характере кризиса III века является ключевым при рассмотрении других указанных выше теоретических аспектов проблемы. От ответа на него зависят и трактовка причин возникновения этого кризиса, и определение его хронологических рамок и особенностей развития, и установление места данного кризиса в истории римского государства.

В литературе характер кризиса III века в Римской империи определяется далеко не однозначно. Историки называют этот кризис политическим², внутри- и внешнеполитическим³, социальным⁴, экономическим и финансовым⁵, политическим, военным и финансовым⁶, политическим, социальным, экономическим и культурным⁷, всеобщим⁸. При этом они не всегда обосновывают свои суждения по данному вопросу и опровергают другие мнения по нему.

На наш взгляд, определение характера кризиса III века в Римской империи невозможно без уяснения трактовки самого понятия "кризис".

Историки, исследующие события римской истории III века н. э.,

достаточно часто употребляют термин “кризис”. Но не все объясняют, что следует под ним понимать. Сравнение же имеющихся трактовок данного понятия показывает, что представления современных антиковедов о сущности кризисных явлений весьма различны.

По мнению П. Галлиона, кризис — это эра политических и военных трудностей⁹. Р. Рис полагал, что кризис — не просто механизм перемен. Лучше всего, считал ученый, понятие кризис трактовать в медицинском смысле — как момент достижения болезнью в своем развитии высшей точки, когда разрешается вопрос о дальнейшем выздоровлении или смерти пациента¹⁰. Д. С. Поттер понимал кризис как “время обострения трудностей или опасности”¹¹. А. Шастаньоль отмечал, что в политэкономии под кризисом понимается короткий момент трудностей, но в случае с кризисом III века в Римской империи нужно вести речь о длительном периоде неурядиц и упадка¹². Ф. Жак считал, что термин “кризис” применим для обозначения периода трансформации, нарушения равновесия¹³.

По сравнению с антиковедами других стран больше внимания понятию “кризис” уделяют немецкие историки. Некоторые из них обращаются к толкованию этого термина Я. Буркхардтом¹⁴, считавшим, что кризисы в мировой истории представляют собой совокупность экономических, социальных, политических и духовных перемен, в результате которых происходит ускоренный процесс замены старой системы новой¹⁵. По его мнению, такой кризис наблюдался в эпоху переселения народов¹⁶. Но Г. Альфельди, возражая против последнего утверждения Я. Буркхардта, “настоящим кризисом” (“echte Krise”) Римской империи называет именно кризис III века¹⁷. По его мнению, под кризисом следует понимать такие структурные изменения, которые ведут к ликвидации существующего порядка вещей или, по меньшей мере, к возникновению угрозы его существованию¹⁸. К. Фитчен описывает два варианта представлений о кризисе и его преодолении: во-первых, кризис может пониматься как угроза существованию имеющегося положения вещей, а преодоление кризиса — как устранение данной угрозы и сохранение существующего порядка; во-вторых, кризисом следует называть не только угрозу, но и глубокие изменения в положении вещей и формах сознания, а его преодолением — чисто физическое устранение угрозы с целью спасения прежнего порядка¹⁹. Ф. Кольб предлагает толковать понятие “кризис” в соответствии с древнегреческим значением этого слова, как “момент

решения" ("Augenblick der Entscheidung"). По его мнению, этот термин ошибочно применяется при характеристике развития Римской империи в III в. н. э. По отношению к римскому государству, считает историк, понятие "кризис" следует использовать для тех отрезков времени, когда имелась угроза самому его существованию; в III в. н. э. такое положение было только в 60-е годы²⁰.

Наибольшее внимание трактовке понятия "кризис" уделил немецкий антиковед К. Штробель. В фундаментальном исследовании он анализирует представления об этом понятии у историков, философов, простых обывателей разных эпох. На основе проведенного анализа историк излагает и свою трактовку данного термина. При повседневном, поверхностном толковании этого понятия, пишет К. Штробель, под кризисом понимают любые изменения, которые ведут к (субъективно) негативным, нежелательным последствиям, независимо от длительности протекания самих изменений²¹. По его убеждению, понятие "кризис" нужно связывать с феноменами обострения отношений, ясно проявляющихся возможностей преобразований или прекращения существования определенных структур и систем²². В истории римского мира, пишет далее историк, ускоренный всеобщий переворот после I в. до н. э., несомненно, происходил в десятилетия после 284 г. н. э. и продолжался до 30-х годов IV в. н. э., а в период между правлением последних императоров династии Северов и созданием тетрархий в Римской империи существовала стабильная система²³.

В публикациях советских историков, освещающих события римской истории III века н. э., термин "кризис" употребляется также достаточно часто, но его толкование фактически полностью отсутствует.

Советскими философами исследование категории "кризис" было начато сравнительно поздно, и к настоящему времени опубликовано не так много работ, посвященных толкованию этого понятия. Можно считать, что изучение данной проблемы отечественными философами ждет своего продолжения. Однако уже сейчас в нем имеются определенные результаты, которые вполне могут быть полезными при изучении теоретических аспектов проблемы кризиса III века в Римской империи.

Возникновение кризисного состояния исторического явления советские философы связывали с процессом обострения его внутренних противоречий. Они исходили из того, что любое историческое явление представляет собой систему, имеющую определенную структуру. Составляющие структуру элементы находятся друг

с другом в определенных взаимосвязях и занимают в структуре определенное место, играют в ней соответствующую роль. Взаимосвязи между структурообразующими элементами системы не являются слишком жесткими. В определенных границах существует свобода для изменений взаимосвязей между элементами и роли, которую играет в структуре каждый элемент. При этом, если мы имеем дело с достаточно сложным историческим явлением, каждый элемент структуры данного явления может быть рассмотрен как отдельная система с собственной структурой и набором образующих ее элементов²⁴.

Если применить эти представления философов к материалу римской истории, то мы можем рассматривать Римскую империю эпохи Принципата как историческое явление с определенной структурой. Элементами этой структуры являются: территория, население, хозяйство, политический строй и т. д. В свою очередь, и каждый из этих элементов может быть рассмотрен как система. Например, политический строй ранней империи — система Принципата — в качестве структурообразующих элементов имел такие институты как народное собрание (комиции), сенат, принцепс, магистратуры, армия и т. д. Каждый из этих элементов занимал в структуре определенное место, находился в определенных взаимосвязях с остальными элементами и играл соответствующую роль в функционировании системы. Известно, что, например, сенат в правление отдельных императоров эпохи Принципата имел не одинаковое значение в политической жизни Римской империи. Но эти изменения роли сената не оказывали серьезного влияния на сущность политического строя римского государства рассматриваемого времени.

Итак, пока структурообразующие элементы системы в границах относительной свободы играют присущую для каждого из них роль, система функционирует нормально, и ее сущность остается неизменной. К изменению сущности явления могут привести перемены в наборе элементов и характере их взаимосвязей, следствием может стать ломка структуры системы. Таким образом, элементы выступают в процессе развития явления носителями тенденции изменчивости, а структура — тенденции устойчивости²⁵. По определению Н. Г. Левинтова, кризис — момент в развитии противоречия между структурой явления и ее элементами, при котором создается возможность разрыва единства между этими двумя сторонами явления²⁶. Т. е. это такой момент, когда в результате перемен в характере взаимосвязей между элементами или

возникновения возможности изменения набора элементов появляется вероятность изменения структуры явления и его сущности. Таким образом, кризисное состояние явления наступает тогда, когда какой-либо элемент (или несколько элементов) его структуры под влиянием определенных процессов, тенденций, изменений, происходящих внутри данной системы или вне ее, в своих взаимосвязях с другими элементами структуры начинает выходить за границы относительной свободы, претендует играть не ту роль, которая отведена ему в рамках конкретной структуры. Такой “бунт” элемента может привести к разрыву взаимосвязей между элементами структуры и создает угрозу существованию данной конкретной структуры. Чтобы сохранить свое существование, структура стремится вернуть “взбунтовавшийся” элемент на его прежнее место. Начинается борьба между этим элементом и элементом (или элементами), который играет господствующую роль в данной структуре и заинтересован в ее дальнейшем существовании. Нормальное функционирование системы становится невозможным. Именно состояние, когда система не может нормально функционировать, советские философы называют кризисом²⁷.

Подобная кризисная ситуация может охватить сложную систему целиком (например, все сферы жизни Римской империи). Такой кризис мы можем считать всеобщим. Но в кризисном состоянии может оказаться лишь один из элементов сложной системы. Тогда следует говорить о конкретном (экономическом, социальном, политическом и т. д.) кризисе. Конкретный кризис может быть составной частью всеобщего кризиса. Не исключено, что кризисом может быть охвачен только один элемент структуры, в то время как система в целом функционирует нормально²⁸. Как подчеркивал Н. Г. Левинтов, важно различать кризис всей общественной системы, ее общий кризис от кризисов отдельных ее подсистем, ибо смешение разных видов кризисов приводит к перенесению особенностей, временных рамок и т. п. одних видов кризисов на другие²⁹.

Продолжительность кризиса зависит от соотношения сил борющихся сторон — “взбунтовавшегося” элемента и структуры. Если в этой борьбе побеждает структура, результатом преодоления кризиса становится восстановление (возможно, с не оказывающими значительного влияния на ее сущность изменениями) прежней системы. Поражение структуры ведет к ломке прежней структуры, к образованию новой структуры с другим набором элементов, имеющих между собой определенные взаимосвязи, т. е. к за-

мене одной системы другой. Так возникает новое историческое явление.

Конечно, изучение советскими философами категории “кризис” не может быть признано достаточно полным³⁰. Думается, что внимания философов заслуживает проблема вызревания кризиса в случае “внедрения” в структуру системы новых элементов. Нет в исследованиях философов ответа, например, на такой вопрос: может ли в период протекания всеобщего кризиса общества в отдельных его подсистемах произойти не один, а несколько кризисов? Но и имеющиеся к настоящему времени результаты исследования советскими философами категории “кризис” могут оказать существенную помощь в осмыслении теоретических аспектов проблемы кризиса III века в Римской империи.

Попытаемся рассмотреть вопрос о характере кризиса III века в Римской империи с учетом вышеизложенных взглядов советских философов. Можно согласиться с выводом К. — П. Йоне, что общество и хозяйство Римской империи при Константине и правителях основанной им династии были совсем не такими, как при Антонинах³¹. Из этого вытекает, что в период между концом II и началом IV вв. н. э. римское государство прошло через кризис, результатом преодоления которого явилась замена одной системы другой. Но означает ли это, что данный кризис был всеобщим по своему характеру, т. е. что в указанный период в кризисном состоянии находились все сферы общественной жизни империи, а не некоторые из них? Ибо, как подчеркивал М. А. Селезнев³², признаки кризиса какой-либо из подсистем нельзя считать признаками начала кризиса всей общественной системы. (Начало кризиса экономической структуры общества этот философ связывал с возникновением конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Социальный кризис, по его определению, есть кризис социально-классовой структуры общества, а политический — кризис его политической структуры³³.) Следует ли из вышеуказанного заключения, что в данный период Римская империя пережила и политический кризис, являвшийся составной частью кризиса всеобщего?

Итак, о возникновении кризиса той или иной сферы общественной жизни Римской империи мы можем в том случае, если в ней наблюдаются явления, которые не были характерны для нее ранее, и они развились уже настолько, что угрожают существованию структуры этой сферы. Сторонники взгляда на кризис III века как на всеобщий, охвативший все сферы жизни империи, называ-

ют такие явления: в экономике — разорение многих ранее доходных хозяйств, основывавшихся на эксплуатации труда рабов, распространение латифундий с колонами в качестве основной рабочей силы, упадок благосостояния городов вследствие развития ремесленных производств в латифундиях, использование в латифундиях примитивных форм хлебопашества и скотоводства, падение урожайности, запустение многих ранее обрабатывавшихся земель; в социально-классовой структуре общества — вытеснение рабского труда трудом колонов, прикрепление свободных ремесленников к профессиональным коллегиям, разорение мелких и средних муниципальных собственников, усиление экономических и политических позиций в обществе собственников крупных земельных владений, не входящих в городские общины; в политической жизни — частая смена императоров, возведение на императорский престол многих претендентов и их ожесточенная борьба за власть; в идеологии — падение значения традиционных римских духовных ценностей и культов, распространение восточных культов, в частности христианства³⁴.

Тем не менее трактовка кризиса III века как всеобщего, охватившего все сферы жизни римского государства, нуждается в более глубоком обосновании. Можно согласиться с тем, что в III в. н. э. в экономике, социальной структуре общества, идеологии Римской империи наблюдались серьезные изменения. Но при этом возникает ряд вопросов: когда начались эти изменения — в III в. н. э. или раньше; имели ли они общеимперский характер или происходили только в отдельных регионах империи; были ли эти изменения настолько глубокими, что соответствующие сферы жизни римского государства не могли нормально функционировать в прежнем качестве? На эти вопросы к настоящему времени нельзя дать безусловно положительные ответы. Например, изучение развития экономики конкретных регионов Римской империи в III в. н. э. показывает, что далеко не все они переживали худшие, по сравнению со II в. н. э., времена. На основе анализа свидетельств нарративных, эпиграфических источников, результатов археологических исследований историки приходят к заключению, что вплоть до середины III в. н. э. наблюдалось процветание (*allgemeine Blüte, the prosperity*) главных отраслей экономики провинций Африки, Испании, Галлии, Германии, Британии, придунайских областей, Малой Азии³⁵. Ухудшение же экономического положения этих регионов в последующие десятилетия III в. н. э. было вызвано прежде всего событиями политического характера (втор-

жениями варваров, борьбой между претендентами на императорский престол), а не процессами, происходившими в сфере экономики.

На этом фоне положение в сфере политической жизни Римской империи в III в. н. э. выглядело явно кризисным. Политическая обстановка в римском государстве в этот период была далеко не стабильной. Частая смена императоров, многочисленные попытки узурпации императорской власти, решение вопроса о занятии императорского престола с помощью оружия, отказ населения значительной части территории государства признавать над собой власть Рима отнюдь не говорят о нормальном функционировании римской политической системы этого времени. Поэтому можно вполне уверенно говорить о политическом по своему характеру кризисе III века в Римской империи. Причем совсем не обязательно считать его составной частью всеобщего кризиса. Это был, если пользоваться формулировками советских философов, конкретный кризис — кризис политической системы, а именно системы Принципата. И в роли “бунтующего” структурообразующего элемента этой системы в данном кризисе выступала римская армия. В структуре государственного строя Римской империи периода Принципата армия, как один из элементов этой структуры, занимала определенное место и была призвана играть в ней соответствующую роль. Она являлась важнейшей опорой власти принцепса, обеспечивала безопасность границ римских владений, мир и спокойствие внутри государства. Но в ходе бурных событий политической истории Римской империи в III в. н. э. отчетливо проявились претензии армии на совершенно другую роль в системе органов государственной власти: солдаты пытались влиять на характер внутренней и внешней политики императоров, брали на себя решение вопроса о том, кто должен быть правителем государства. Результатом этого “бунта” армии стала борьба между структурой и элементом политической системы империи, нарушение нормального функционирования системы. Этот политический кризис имел конкретные причины возникновения, свои хронологические рамки, особенности протекания и определенный результат его преодоления.

Различия в трактовке характера кризиса III века в Римской империи определяют и неоднозначность представлений историков о причинах возникновения этого кризиса.

Г. Ферреро считал кризис III века политическим по его характеру и полагал, что в его основе лежало полное уничтожение ав-

торитета сената в глазах варваризовавшихся легионов римской армии. Это привело к тому, что в империи исчез всякий принцип законности императорской власти. Легионы стали возводить на престол своих ставленников, но они не признавались всей армией, следствием чего была частая смена императоров. Уничтожение же авторитета сената Г. Ферреро связывал с революцией, осуществленной Септимием Севером³⁶.

По мнению М. И. Ростовцева, III в. н. э. — время социальной и политической революции в римском государстве, а кризис III века был не политическим, но определенно социальным³⁷. Главную движущую силу развития Римской империи в III в. н. э. он видел в антагонизме между городом и деревней, между городской буржуазией и сельскими жителями. Интересы последних, считал авторитетный историк³⁸, в политической борьбе III века выражали набиравшаяся из сельских жителей армия и выдвигавшиеся ею императоры³⁹.

По концепции Ф. Альтхайма, ход событий римской истории в III в. н. э. определяла не классовая борьба, и вообще социальный момент не может иметь первостепенное значение. Историк считал приемлемым для объяснения причин возникновения кризиса III века учение Ранке о примате внешней политики. Сложная обстановка на границах империи, полагал он, сделала армию решающим фактором в деле выживания римского государства. В армии же к этому времени важнейшую роль стали играть представители варварских народов, которые начали оттеснять слабеющий народ италиков⁴⁰.

В новейшей зарубежной историографии высказываются соображения, согласно которым при определении причин возникновения кризиса III века не следует преувеличивать значение каких-то конкретных факторов; развитие римского государства определялось влиянием на него целого комплекса разнообразных по своему характеру явлений, значение которых в отдельных регионах Римской империи не было одинаковым⁴¹.

В советском антиковедении 30-х — начала 50-х годов история Римской империи освещалась в соответствии с положениями сталинской концепции революции рабов, сокрушившей рабовладельческий Рим. В работах советских историков данного периода кризис III века рассматривался как один из этапов социальной революции, содержанием которой была борьба широких масс населения империи в союзе с армией и варварами против римских рабовладельцев. В соответствии с этими представлениями о сущнос-

ти кризиса истоки его усматривались в обострении классовых противоречий в римском обществе в условиях кризиса рабовладельческой формации и зарождения новых феодальных отношений⁴².

С середины 50-х годов большое влияние на представления историков марксистского направления о характере и причинах возникновения кризиса III века оказывали взгляды Е. М. Штаерман. Данный кризис Е. М. Штаерман трактовала как всеобщий, т. е. охвативший все сферы жизни римского государства, по своему характеру, как явление, связанное с начавшимся с конца II в. н. э. кризисом рабовладельческого строя в Римской империи⁴³. Политическая история римского государства, согласно ее концепции, определялась не только борьбой широких эксплуатируемых масс против эксплуататоров, но и борьбой внутри господствующих слоев населения империи — между собственниками крупных земельных имений, уже не связанных с городами и эксплуатацией труда рабов, и муниципальными собственниками- рабовладельцами. Эта борьба внутри господствующего класса в политической сфере вылилась в борьбу между “сенатскими” императорами, выражавшими интересы собственников экзимирированных салютусов, и “солдатскими” императорами, которые, опираясь на армию, защищали интересы средних и мелких муниципальных собственников⁴⁴.

Представления Е. М. Штаерман о характере кризиса III века и причинах его возникновения стали определяющими при трактовке этих вопросов другими советскими и зарубежными историками-марксистами⁴⁵. Но утверждения Е. М. Штаерман о всеобщем характере кризиса и обусловленности его возникновения и развития социальными противоречиями в римском обществе вызвали и возражения как зарубежных⁴⁶, так и некоторых советских историков.

Н. Н. Белова и М. Я. Сюзюмов выступили против трактовки Е. М. Штаерман кризиса III века как проявления кризиса рабовладельческого способа производства в Римской империи. По их мнению, данный кризис порожден не разложением рабовладельческих отношений, а традиционной политикой управления империей как полисом и концентрацией богатств в Риме, что вызвало серьезное перенапряжение материальных сил, особенно в среде мелких и средних собственников⁴⁷.

Изложенные соображения Н. Н. Беловой и М. Я. Сюзюмова не получили оценки в историографии. Можно отметить, что в их концепции более глубокого обоснования требуют вопросы о це-

лях, которые ставили перед собой выдвигавшиеся в провинциях претенденты на императорский престол, о результатах преодоления кризиса и др.

А. В. Игнатенко разделяла взгляд Е. М. Штаерман на кризис III века как на всеобщий по его характеру. Но она считала, что римская армия вследствие происходивших в ней процессов варваризации, провинциализации и демократизации утратила тесные связи с центральной властью; легионы, а также жители колоний военнопоселенцев и поселений ветеранов перестали осознавать себя представителями римского правительства на местах и нередко объединялись с провинциалами, участвуя в их национальной и социальной борьбе. Следовательно, римская армия вышла из подчинения центру, перестала быть орудием власти класса рабовладельцев. В этом, по мнению А. В. Игнатенко, состояла суть политического кризиса III века⁴⁸.

Несомненно, указанные А. В. Игнатенко процессы, происходившие в армии, влияли на отношение солдат к центральной власти империи. Однако она преувеличивает степень единства армейских кругов с гражданским населением провинций, участия солдат в "национальной и социальной борьбе" провинциалов. Утверждая, что римская армия перестала быть орудием власти класса рабовладельцев, А. В. Игнатенко оставляет открытым вопрос о том, орудием какого же другого класса являлась теперь эта армия.

Особую концепцию причин возникновения кризиса III века излагает А. В. Коптев. Обострение социально-политических отношений в римском государстве в III в. н. э. он напрямую связывает с эдиктом императора Каракаллы от 212 г. н. э. В результате расширения гражданского коллектива до границ империи, считает историк, изменилось соотношение классов, расширились масштабы распространения частной собственности, что потребовало реорганизации политической системы. На этом основании он приходит к заключению, что в категориях марксистской науки события римской истории в III в. н. э. можно назвать социальной революцией, а кризис III века, хотя и связанный в своих проявлениях с политическими неурядицами и экономическими проблемами, "был по существу не экономическим или чисто политическим, а кризисом социальным. Точнее, в связи с неполной расчлененностью социального и политического строя ранней империи его можно определить как социально-политический кризис"⁴⁹. Глубинная же основа кризиса III века "состояла в существенном изменении от-

ношений собственности на основное средство производства — землю”⁵⁰.

При оценке изложенных взглядов А. В. Коптева на характер кризиса III века и причины его возникновения следует, конечно, учитывать тот момент, что в его задачи не входило детальное изучение особенностей социально-политического развития Римской империи во II — III вв. н. э., поскольку в целом его работа посвящена более позднему периоду римской истории. Анализируя такое явление, как кризис, он не раскрывает свое понимание этого термина. На наш взгляд, в его концепции переоценивается влияние эдикта Каракаллы на социально-политическую жизнь Римской империи в III в. н. э. и совершенно игнорируется значение в этом плане других процессов и явлений.

При определении причин политического по своему характеру кризиса III века в Римской империи необходимо, по нашему мнению, не ограничиваться выяснением значения для вызревания этого кризиса явлений и процессов, происходивших в социально-политических отношениях римского государства в период, непосредственно предшествовавший началу критического положения. В этом плане весьма ценны суждения Г. Альфельди о том, что было бы неправильным искать какую-то одну главную причину возникновения кризиса III века; данный кризис вызрел под влиянием совокупности причин внутреннего и внешнего характера (*“Zusammenwirken innerer und ausserer Ursachen”*)⁵¹. Вызреванию кризиса политической системы Римской империи способствовали и сложности экономического характера, и изменения в социальной структуре римского общества, и обстановка на границах империи, и сдвиги в идеологии и психологии римлян. Конечно, совершенно нереально определить, в какой степени каждый из названных факторов способствовал возникновению данного кризиса. Но поскольку речь идет о кризисе политическом по своему характеру, при выяснении причин его вызревания необходимо исходить из особенностей политической системы Римской империи накануне начала кризиса.

Возможность возникновения политических кризисов в римском государстве периода ранней Империи была заложена в самой системе Принципата. По определению А. фон Премерштейна, “ахиллесовой пятой” этой системы являлся вопрос о наследовании власти принцепса⁵². Официально принцепс не был наследственным монархом. Законность власти каждого нового правителя Римской империи базировалась на признании его полномочий носи-

телями высшего суверенитета в государстве — сенатом и римским народом (а фактически — одним сенатом). До тех пор, пока законность власти императора не оспаривалась какой-либо политической силой, такая система функционировала нормально. Но как только какой-либо из элементов структуры этой политической системы (сенат, преторианская гвардия, пограничные войска) ставил под сомнение законность власти императора или правильность проводимой им политики, система переставала нормально функционировать, возникал политический кризис в форме дворцового переворота, военного мятежа или гражданской войны.

Прочность позиций правившего императора определялась в первую очередь лояльностью по отношению к нему армии. Поэтому солдаты должны были быть уверены в законности власти императора, удовлетворены условиями службы и проводимой императором внутренней и внешней политикой. Но к началу III в. н. э. под влиянием ряда факторов лояльность армии по отношению к центральной власти существенно ослабла. К этому времени заметно падает авторитет сената — органа, обеспечивавшего своим решением о предоставлении ему соответствующих полномочий законность власти императора. Как отмечал Э. Гримм, авторитет сената базировался не на его фактическом положении в государстве в данный период, а на римской традиции. Но чем дальше от Рима, тем меньшее значение в глазах жителей империи имела эта традиция⁵³. Важность сената как государственного учреждения была связана с особым положением в империи города Рима. Но постепенно значение и самого Рима, и связанных с ним институтов, включая и римское гражданство, все более уменьшалось. По наблюдению А. Альфельди⁵⁴, падению роли города Рима способствовало то, что он переставал быть постоянной резиденцией императора. По крайней мере со времен императора Коммода Римом считается то место, где находится император (Herodian. I, 65). Это вело к переменам в социальной психологии римских граждан. К концу II в. н. э. идеалы старой римской гражданственности, в особенности по отношению к самому понятию общины римских граждан, в значительной степени успели выветриться⁵⁵. Дальнейшее обесценивание этих идеалов связано с дарованием прав римских граждан всем свободным жителям империи по эдикту Каракаллы. Несомненно, все это негативно отражалось на основах законности власти римских императоров. К ослаблению лояльности армии по отношению к императору вели и процессы,

происходившие в вооруженных силах Римской империи. В глазах солдат провинциализированной и варваризованной римской армии рубежа II, — III вв. н. э. признание императора римским сенатом не являлось в такой же мере достаточным основанием законности его власти, как для солдат I в. н. э.

Большое влияние на роль армии в политической жизни Римской империи оказало ухудшение с конца II в. н. э. внешнеполитического положения римского государства. Как отметил Й. Бляйкен⁵⁶, в условиях все более усиливавшегося давления на границы империи и ухудшавшегося финансового положения римского государства рушились казавшиеся само собой разумеющимися представления, армия фактически самостоятельно решала вопрос о наследовании императорской власти. Теперь армия, по определению Г. Альфельди⁵⁷, перестала быть в руках императоров послушным инструментом власти, обеспечивавшим стабильность положения в государстве. Солдаты пытались сбрасывать с престола правивших императоров и возводить на него своих кандидатов. Однако армия в это время не имела внутреннего единства. Существовавшие внутри вооруженных сил Римской империи противоречия сказывались и на особенностях протекания и на длительности политического кризиса III века.

3.2. Продолжительность кризиса III века и особенности его развития

Закономерным следствием неоднозначных представлений историков о характере кризиса III века в Римской империи является и различное определение ими хронологических рамок данного кризиса.

Самая ранняя из имеющихся в литературе дат начала кризиса — 180 г. н. э.⁵⁸ Немногочисленные сторонники такой датировки не пытаются как-то ее обосновать. Видимо, основанием для них послужили высказывания Диона Кассия и Геродиана о том, что после смерти императора Марка Аврелия и прихода к власти Коммода в жизни римского государства наступили совсем другие, неспокойные и суровые времена (Dio. 71. 36, 4; Herodian. II, 8). На наш взгляд, хотя в правление Коммода действительно многое изменилось во внутриполитическом положении империи, молодой император не хотел тратить время на войну с варварами, вел недостойный принцепса образ жизни, издевался над сенаторами, все это не является достаточным основанием для того, чтобы считать

его приход к власти событием, ознаменовавшим начало кризиса в Римской империи.

Несколько более распространенной является точка зрения, согласно которой кризис III века начался в 193 г. н. э.⁵⁹. Некоторые историки связывают с гражданской войной 193-197 гг. н. э. и правлением победившего в ней Септимия Севера начало нового этапа истории государственного устройства Римской империи. Так, Л. Омо полагал, что при Септимии Севере наступил конец конституционной роли сената, “умер” режим Принципата, а события последующих десятилетий сделали это очевидным для всех⁶⁰. Другие историки утверждали, что Септимий Север, пришедший к власти, опираясь на армию, проводил антисенаторскую политику и установил в империи неограниченную военную монархию⁶¹.

Пожалуй, 193 г. н. э. действительно можно считать начальной датой политического кризиса в Римской империи. Но из этого не следует, что в 193 г. н. э., как полагал К. — П. Йоне⁶², начинавшийся кризис III века стал очевидным или что в данном году началась “предварительная фаза” кризиса III века⁶³. При определении продолжительности кризиса III века в Римской империи важно отчетливо понимать, что на протяжении примерно ста лет римское государство прошло не через один, а через два политических кризиса. Именно первым из них и являлась гражданская война 193-197 гг. н. э. Это был также кризис политической системы Римской империи. И в нем в роли “бунтующего” элемента структуры системы Принципата выступала армия, которая вследствие определенных причин стала претендовать на роль, не отводившуюся ей в этой структуре. В событиях гражданской войны 193 — 197 гг. н. э. проявились противоречия внутри римских вооруженных сил. За право возведения на императорский престол своего ставленника в этой войне боролись преторианцы, войска придунайских провинций, западной и восточной частей империи. Но победа в гражданской войне ставленника легионов придунайских провинций не привела к замене в Римской империи системы Принципата какой-то другой политической системой, в которой бы армии отводилась не та роль, какую она играла в государстве эпохи ранней Империи. Можно утверждать, что данный политический кризис закончился победой прежней структуры, а не ее поражением. Конечно, Септимий Север, став императором, провел целый ряд преобразований, улучшивших материальное и правовое положение солдат; некоторые его мероприятия объективно способствовали уменьшению роли сенаторов в управлении провинциями и арми-

ей. Вместе с тем правы те историки, которые считают, что Септимий Север не воспользовался поддержкой армии для того, чтобы изменить законные основания Принципата⁶⁴. Целью реформ Септимия Севера было укрепление позиций центральной императорской власти, усиление лояльности армии по отношению к императору, повышение боеспособности римских вооруженных сил, более надежная защита границ империи, сглаживание противоречий внутри армии, но никак не полная замена политической системы Принципата неограниченной военной монархией.

Итак, политический кризис, вылившийся в гражданскую войну 193-197 гг. н. э., закончился не ликвидацией, а "усовершенствованием" системы Принципата. При Септимии Севере и его преемниках она вполне успешно функционировала, и армия в ней оставалась важной опорой императорской власти, гарантом безопасности римских границ и порядка внутри государства.

"Настоящий" кризис III века начался, по нашему мнению, в 235 г. н. э. Именно этим годом датирует его начало большинство историков⁶⁵. Конечно, армия, утратившая лояльность по отношению к последнему императору из династии Северов, предъявляла претензии на право корректировать политику императора еще за несколько лет до убийства Александра Севера. Однако провозглашение императором Максимиана Фракийца показало, что солдаты стали претендовать и на право решения вопроса о передаче императорской власти.

Начавшийся в 235 г. н. э. кризис политической системы Римской империи оказался весьма продолжительным. На его длительности также сказалось влияние факторов различного характера. Преодоление кризиса зависело от состояния экономики империи, от положения внутри вооруженных сил, от способности правителей этого времени разобраться в создавшейся обстановке и найти пути вывода государства из трудного положения. Особое место среди этих факторов занимал фактор внешнеполитический. Постоянная угроза со стороны варваров вела к возрастанию значения армии для выживания римского государства. Осознавшие это солдаты считали, что армии должен принадлежать и решающий голос при определении того, кто должен возглавлять государство. При этом наибольшую активность проявляли войска тех провинций, которые испытывали наибольшее давление варваров и на территории которых римлянам удавалось достичь успехов в борьбе с внешними врагами. Необходимость в повышении боеспособности армии заставляла римских правителей III века проводить серь-

езные преобразования в вооруженных силах. Но одним из следствий проводившихся реформ стало нарушение внутреннего единства армии, приведшее к углублению противоречий между отдельными ее частями, к соперничеству в деле возведения на императорский престол своих ставленников. Почти непрерывные войны с соседями империи и важность поддержки армии заставляли римских императоров этого времени много внимания уделять внешнеполитическим делам, лично руководить военными действиями. Поэтому они часто не имели возможности спокойно проанализировать обстановку внутри государства, найти пути вывода империи из кризисного положения. Именно непосредственное руководство военными действиями было причиной досрочного окончания правления части римских императоров в III в. н. э. (в результате гибели в бою, пленения противником, солдатского мятежа по причине неумелого ведения войны). А частая смена императоров отнюдь не способствовала стабилизации политической ситуации в Римской империи.

Внешнеполитический фактор имел большое значение не только для возникновения кризиса III века, но и сроков и результатов его преодоления. Между тем, как отмечал еще В. Н. Дьяков, в советском антиковедении при изучении проблемы кризиса III века в Римской империи внешнеполитическому фактору уделялось мало внимания⁶⁶.

Окончание кризиса III века датируется в литературе также по-разному. Преодоление кризиса относят к 268⁶⁷, 274⁶⁸, 282⁶⁹, 284 гг. н. э.⁷⁰, к началу IV в. н. э.⁷¹. Такой разброс мнений о дате выхода империи из кризиса также следует объяснять в первую очередь различиями в представлениях историков о том, что такое кризис и каков характер кризиса III века в Римской империи.

268 г. н. э. был годом гибели неудовлетворявшего сенат императора Галлиена. Пришедший после этого к власти Клавдий II изменил политику по отношению к сенату, основное внимание уделял охране границ империи. Но его правление не отмечено какими-либо серьезными шагами по преодолению кризисного положения государства. И при нем, и после его смерти стабильность функционирования системы Принципата не была восстановлена. Таким образом, у нас нет достаточных оснований для того, чтобы связывать преодоление кризиса III века с приходом к власти Клавдия II.

В 274 г. н. э. император Аврелиан восстановил территориальное единство Римской империи. К этому времени фактически было

возрождено и внутреннее единство римской армии. Император пользовался большим авторитетом у солдат, его позиции в государстве были весьма прочными. На фоне событий предыдущих десятилетий ситуация в империи выглядела вполне стабильной. Не исключено, что если бы Аврелиан не погиб в результате не такого уж неизбежного заговора, он смог бы путем соответствующих преобразований добиться того, что удалось в свое время Септимию Северу — на какое-то время вернуть государству политическую стабильность. В таком случае вполне можно было бы говорить об окончании кризиса III века в правление этого императора. Но в этой ситуации стабилизирующим фактором положения в империи была личность императора. Вскоре после его гибели стало ясно, что система Принципата по-прежнему нормально функционировать не может, т. е. ее кризис продолжался и после 274 г. н. э.

Только в сослагательном наклонении можно говорить и об окончании кризиса III века в правление пришедшего к власти в 282 г. н. э. императора Кара. Его отказ от решения сената как основы легитимности власти императора, по сути, свидетельствовал о том, что Кар окончательно решился на замену политической системы Принципата какой-то другой, в которой законность власти правителя базировалась бы не на воле сената и римского народа, а, вероятнее всего, на воле армии. Если бы Кару удалось этот замысел осуществить, тогда у нас были бы основания считать, что кризис III века в Римской империи действительно закончился в 282 г. н. э., причем закончился поражением старой политической системы и образованием вместо нее совершенно другой системы политического строя римского государства. Открытый отказ Кара даже от формального сотрудничества с римским сенатом произвел большое впечатление на римлян и в определенной мере послужил толчком к отстранению сената от управления государством при последующих императорах (не зря, как уже отмечалось, древние авторы указывают на особые “заслуги” этого императора в деле умаления роли сената в политической жизни Римской империи), однако следует все-таки признать, что в целом он по причине кратковременности пребывания у власти не создал новой системы политического строя, которая заменила систему Принципата.

Нужно признать правоту тех историков, которые в качестве даты окончания кризиса III века в Римской империи называют 284 г. н. э. Именно в достаточно продолжительное правление им-

ператора Диоклетиана окончательно решилась историческая судьба системы Принципата. Конечно замена этой системы новой была осуществлена не в первый год его правления. Но Диоклетиан сразу после провозглашения его императором отказался от идеи выхода из политического кризиса путем привлечения авторитета римского сената для укрепления позиций центральной власти и восстановления прежней политической системы. Поиски новых опор, создание новой структуры государственных органов требовали времени, но началось это уже в 284 г. н. э., а следовательно, с этим годом, а не с окончанием правления Диоклетиана, т. е. с началом IV в. н. э., нужно связывать преодоление кризиса III века.

При освещении событий римской истории периода кризиса III века историки иногда пытаются выделить отдельные этапы, фазы развития этого кризиса. Они полагают, что кризис постепенно углублялся (предварительная или начальная фаза кризиса), достиг в своем развитии наивысшей точки (как правило, эту фазу развития кризиса относят ко времени правления императора Галлиена), а потом (начиная с правления Клавдия II) пошел на спад⁷².

Однако подобные представления о развитии кризиса III века не могут быть признаны обоснованными. Конечно же, в этом развитии не было какой-то определенной последовательности. В период, наступивший после убийства императора Александра Севера, нарушилась политическая стабильность в римском государстве, его политическая система перестала нормально функционировать. И в таком состоянии империя находилась вплоть до преодоления кризиса при Диоклетиане. Не на всем протяжении этих 50 лет нормальное функционирование системы было невозможно в одинаковой степени. В одни годы наступала относительная стабильность в государстве, в другие — кризисная ситуация обострялась. Но в этих сменах положения империи не было какой-то последовательности, упорядоченности, цикличности. Углубление или ослабление кризиса зависело от многих факторов, в том числе от личности самих императоров, их умения разобраться в ситуации и предпринять необходимые меры для ослабления кризиса или выхода из него. Важнейшей задачей каждого правителя Римской империи этого времени было удержаться на императорском престоле. И не все они имели одинаковые представления о том, каким образом эту задачу можно решить.

Политическая нестабильность в Римской империи в период кризиса III века наиболее ярко проявлялась в частой смене императоров, в многочисленных попытках узурпации императорской

власти. По подсчетам А. Демандта, между 235 и 285 гг. н. э. число императоров и претендентов на императорский престол достигало 70⁷³. В литературе довольно часто данный период называется временем солдатских императоров (*the age of the soldier emperors, die Zeit des Soldatenkaisertums, die Soldatenkaiserzeit*)⁷⁴, а самих императоров этого времени достаточно многие историки предлагают объединять в две группы — “сенатских” и “солдатских”. При этом представления исследователей о том, каких правителей империи следует относить к той или иной группе далеко не всегда совпадают.

Некоторые историки называют “солдатскими” тех римских императоров III века, которые были солдатами по своему происхождению, получили императорскую власть от солдат, правили для солдат и на них опирались⁷⁵.

Другие ученые относят римских правителей этого времени к числу “сенатских” или “солдатских” императоров, исходя из своего понимания причин возникновения и характера кризиса III века в Римской империи.

Так, М. И. Ростовцев считал кризис III века следствием обострения противоречий между возглавляемой римским сенатом городской буржуазией и рекрутируемой из жителей сельских областей провинций армией. “Солдатские” императоры по М. И. Ростовцеву защищали интересы сельских жителей империи, а “сенатские” — были выразителями интересов городской буржуазии⁷⁶.

Ф. Альтхайм утверждал, что ход истории никогда не определялся только внутренним развитием общества. Следуя концепции Ранке о примате внешней политики, историк считал, что в век солдатских императоров в Римской империи шла борьба за власть между двумя народностями — иллирийцами и сирийцами. В конкретных условиях III в. н. э. эта борьба приняла вид борьбы между состоявшим в основном из выходцев из восточных провинций империи сенатом и армией придунайских областей во главе с “солдатскими” императорами, под которыми он понимал тех императоров, которые пришли к власти по воле армии и ею же свергались с императорского престола⁷⁷.

Е. М. Штаерман разделяла императоров III века на “солдатских” и “сенатских” в соответствии с ее трактовкой частой смены правителей Римской империи как проявления острой борьбы внутри господствующих слоев населения римского государства. К “солдатским” она относила императоров, которые опирались на армию и проводили антисенатскую политику в интересах мелких и

средних муниципальных собственников и близких им армейских кругов. “Сенатские” же императоры, по Е. М. Штаерман, не пользовались поддержкой армии и выражали интересы собственников экзимирированных сальтусов⁷⁸.

Сравнительно недавно много внимания вопросу о классификации римских императоров периода кризиса III века уделит К. — П. Йоне. После анализа представлений некоторых современных историков о “солдатских” и “сенатских” императорах и о том, какими критериями при этом нужно руководствоваться, он пришел к заключению, что вопрос этот достаточно сложный. При внимательном рассмотрении, отмечает К. — П. Йоне, оказывается что некоторые из императоров, которые по своему происхождению и обстоятельствам прихода к власти должны бы быть отнесены к числу “солдатских” императоров, совсем не проводили антисенаторскую политику и т. д.⁷⁹ Историк отмечает, что он не хочет оспаривать правомерность названия периода кризиса III века временем солдатских императоров, и предлагает при разделении императоров этого периода на “солдатских” и “сенатских” считать “солдатскими” в узком смысле (*im engeren Sinne*) тех правителей Римской империи, которые были несенаторского происхождения, достигли высоких должностей благодаря военной службе и были провозглашены императорами подчиненными им солдатами. “Сенатскими” же он предлагает считать тех немногих правителей империи времени солдатских императоров, которые были возведены на императорский престол решением сената⁸⁰.

Эти рассуждения немецкого ученого, насколько нам известно, еще не получили оценки в специальной литературе. На наш взгляд, заключение К. — П. Йоне о том, что римских императоров периода кризиса III века трудно делить на “сенатских” и “солдатских”, руководствуясь сведениями об их происхождении, обстоятельствах прихода к власти, характере взаимоотношений с отдельными слоями населения империи, можно признать правильным. Однако его предложение о понимании “сенатских” и “солдатских” императоров в узком смысле не представляется приемлемым. Предлагаемые им критерии не подходят для характеристики большинства римских правителей III века (См. табл. 1).

Думается, что при классификации императоров III века нужно принимать во внимание не только критерии, названные К. — П. Йоне, но прежде всего — характер правления императоров, их представления о путях вывода государства из кризисного состояния. Относительно же этих представлений следует сказать, что они

определялись не только происхождением правителей империи и обстоятельствами их прихода к власти, но и рядом других факторов: возрастом императора, длительностью его правления, обстановкой на границах империи, способностью главы римского государства реально оценить, в каком положении это государство находится, и справиться с задачами управления империей в то непростое время и др. При этом нужно учитывать, что значение каждого их факторов менялось по мере прихода к власти нового правителя Римской империи. Учет этих обстоятельств позволяет утверждать, что правильнее было бы разделять императоров периода кризиса III века не на две, а на несколько большее количество групп.

Некоторые из императоров, решая общую для всех римских правителей периода кризиса III века задачу удержания за собой императорского престола, считали, что важнейшим средством упрочения их позиций во главе государства является поддержка со стороны сената. Они стремились к сотрудничеству с сенаторами и выход из кризиса видели в возрождении старой системы государственного строя Римской империи — системы Принципата. По отношению к этим императорам применима мысль Г. Альфельди о том, что для них “реформа” означало возврат империи к “прежней славе” (*ad pristinam gloriam*)⁸¹. Именно таких императоров, по нашему мнению, и следует считать “сенатскими” императорами. К данной группе римских правителей периода кризиса III века можно отнести императоров Гордиана I, Гордиана II, Пупиена, Бальбина, Валериана и Тацита.

Другие императоры III в. н. э. считали, что они, чтобы удержаться на престоле, нуждаются в поддержке армии. Они заботились прежде всего об интересах солдат, от которых получили императорскую власть, и находились в напряженных отношениях с сенатом. Фактически, может, и не вполне осознанно, эти императоры видели выход из кризиса в установлении военной монархии. Это и были “солдатские” императоры. К их числу относились Максимин Фракиец, Кар и Карин.

Особую группу римских правителей периода кризиса III века составляли те из них, которые не видели перспективы в возврате к системе Принципата, но и не хотели в качестве выхода из кризиса считать установление военной монархии в империи. Это были реформаторы, стремившиеся создать новую систему государственного строя, в которой прочность позиций правителя определялась бы не поддержкой со стороны римского сената и не слишком бы

зависела от лояльности армии. Такими императорами были Галлиен и Аврелиан. Опыт именно этих римских правителей использовал Диоклетиан при выводе империи из кризисного состояния.

К четвертой группе императоров можно отнести тех, которые в условиях сложной обстановки на границах империи по необходимости сотрудничали с римским сенатом. Все свои силы и время они были вынуждены посвящать борьбе с внешними врагами, а решение вопросов внутренней жизни государства доверяли сенаторам. Каждый из этих императоров мог бы повторить слова, которые написал сенаторам Эмилий Эмилиан: “Вручаю вам империю, сам же я как ваш полководец буду повсюду вести войны” (“*Regnum quidem vobis permitto, ego vero ubique terrarum imperator vester bella gero*”) (Dionis contin. 2). Такую политику по отношению к сенату проводили императоры Филипп Араб, Деций, Требониан Галл, Эмилий Эмилиан, Клавдий II, Проб.

О характере правления некоторых императоров этого времени мы не можем судить с полной определенностью по причине кратковременности их пребывания на императорском престоле. Это относится к Квинтилле, Флориану, Нумериану.

И наконец, еще одну группу римских императоров периода кризиса III века составляли те обладатели титула Августа, по отношению к которым мы можем применить употребляемый К. — П. Йоне при характеристике императора Гордиана III термин “император-дитя” (“*Kinderkaiser*”)⁸². Это были люди, получившие императорскую власть в довольно юном возрасте, бывшие соправителями своих отцов и находившиеся в их “тени” или пребывавшие под подавляющим влиянием ближайшего их окружения, не имевшие возможности или способностей к проведению самостоятельной политики. К данной группе можно отнести Гордиана III, Филиппа-младшего, сыновей Галлиена — Геренния и Гостилиана, сына Требониана Галла — Волузиана.

Таким образом, из 25 Августов периода кризиса III века (См. табл. 1) только шестерых можно называть “сенатскими”, а троих — “солдатскими” императорами. Из 50 лет кризиса только восемь приходилось на правление “сенатских” и шесть — на правление “солдатских” императоров. При этом “солдатские” императоры составляли отнюдь не самую многочисленную группу римских правителей данного времени. Все это позволяет ставить под сомнение правомочность применения по отношению к периоду кризиса III века в Римской империи названия времени солдатских императоров.

3.3. Место кризиса III века в истории Римской империи

Вопрос о месте кризиса III века в истории римского государства современные историки трактуют исходя из их представлений о характере данного кризиса и результатах его преодоления.

М. И. Ростовцев считал, что кризис закончился победой сельских жителей империи над городской буржуазией и гибелью государства, базировавшегося на многовековой классической цивилизации и самоуправлении городов. Это привело к подчинению интересов личности интересам государства, к крайнему усилению государственного гнета⁸³.

По мнению Ф. Кольба, в созданной после преодоления кризиса III века системе управления государством важнейшими элементами являлись бюрократия и армия, поэтому именно данные институты и были "собственно победителями" ("die eigentlichen Gewinner") в борьбе, которая происходила в империи в годы кризиса⁸⁴.

В советской историографии высказывались утверждения, что с преодолением кризиса III века закончилась история рабовладельческого строя в Римской империи, которая если и не стала полностью феодальным государством, то вступила на путь феодализации⁸⁵. Подводя итоги классовой и внутриклассовой борьбы в римском обществе в период кризиса, советские историки пришли к заключению, что она закончилась временным поражением эксплуатируемых слоев населения империи, победой той фракции класса эксплуататоров, которая была связана с уже не рабовладельческой по своей сущности крупной земельной собственностью, и окончательной потерей политической власти в империи муниципальными рабовладельцами⁸⁶.

На наш взгляд, итогом преодоления кризиса III века было создание в результате реформаторской деятельности императора Диоклетиана новой политической системы римского государства. Другими словами, политический кризис III века закончился поражением старой структуры, заменой ее новой, в которой одни элементы прежней структуры стали играть иную роль, другие были совсем упразднены, появились новые элементы. При Диоклетиане, по выражению Т. Моммзена, "была создана новая сущность государства" ("wird ein neues Staatswesen gebildet")⁸⁷.

Как отмечается рядом историков⁸⁸, при создании новой политической системы Диоклетиан умело использовал те ее зачатки,

которые появились еще при его предшественниках на императорском престоле. Его большой заслугой являлось придание целостности, системы элементам, уже существовавшим в римской действительности III века. Новую систему Диоклетиан создавал, не имея достаточно четкого плана преобразований политического строя империи. Поэтому система, за которой в литературе утвердилось название системы Домината, при нем еще не имела законченного вида. Некоторые из нововведений Диоклетиана в сфере политического строя империи не выдержали испытания временем, но основы этой системы были заложены именно в его правление.

Формирование новой политической системы происходило по мере решения Диоклетианом конкретных задач, встававших перед ним в период его нахождения во главе государства. Сразу после того как Диоклетиан решил включиться в борьбу за императорскую власть, ему нужно было обосновать свои претензии на престол и заручиться поддержкой войск восточной части империи. Для достижения этих целей он выступил в роли мстителя за убийство императора Нумериана. На сходке воинов он лично от имени бога Солнца (*Aur. Vict. De Caes.* 39), бога-мстителя за клятвопреступления⁸⁹, убивает префекта претория Апра, якобы повинного в смерти Нумериана. Диоклетиан в этой ситуации выступил в роли исполнителя воли бога Солнца, вероятно, еще и потому, что культ этого бога был особенно распространен среди солдат гарнизона восточной части Римской империи⁹⁰. Этим объясняется и то, что в качестве “Хранителя Августа” и “Непобедимого Солнца” (*CONSERVATOR AUGUSTI, SOL INVICTUS*) Солнце фигурирует на ауреусах и антонинианах, выпущенных в самом начале правления Диоклетиана⁹¹.

Бороться за поддержку войск римского Востока Диоклетиану приходилось в условиях, когда на Западе правил уже давно признанный императором родной брат Нумериана — Карин. Необходимо было, чтобы Диоклетиан принадлежал к династии, основанной Каром. С этой целью он принял в качестве второго родового имени, наряду с *Valerius*, имя *Aurelius*, которое имели его предшественники на императорском престоле — Клавдий II, Проб и Кар с сыновьями. В этом он следовал примеру Октавиана Августа и Септимия Севера. Уже вскоре после провозглашения императором его официальным именем стало *M. Aurelius Caius Valerius Diocletianus* (*CIL.* III, 7179; VIII, 10288, 10367; IX, 6064; X, 6969, 6975).

Еще не вступая в борьбу с Карином за господство над европейской частью империи, Диоклетиан стремился завоевать признание солдатами придунайской армии. Для достижения этой цели также использовалась пропаганда идеи о том, что он пришел к власти по воле Митры и Солнца, культы которых имели широкое распространение среди населения и войск придунайских провинций⁹².

После победы над Карином и установления господства над всей Римской империей Диоклетиан приступил к укреплению своих позиций в государстве, предотвращению попыток свергнуть его с престола. Следуя примеру Кара, он отказался от авторитета сената и римского народа как основы законности его власти. По определению Т. Моммзена, теперь непосредственной суверенной властью пользуется исключительно император без какого-либо участия в этом сената⁹³. Еще С. В. Ешевский также отмечал, что свое самовластие Диоклетиан не хотел выводить ни от сената, ни от войска. Император перестал быть первым магистратом республики. С Диоклетиана исчезла гражданская, служебная сторона характера императорской власти⁹⁴. В отличие от Кара Диоклетиан не хотел быть правителем и по воле армии. Источником своей власти он решил сделать милость божью, а не милость солдат. Для укрепления позиций правителя империи используется идея божественности не только власти императора, но и его самого. В глазах жителей империи Диоклетиан и его соправитель Максимиан предстают как “рожденные от богов” (*a deis geniti* (ILS. 629)). Это рождение от богов становится основанием для объявления императора “вечным” (*aeternus*), в то время как раньше *aeternitas Augustorum principum* понималась как вечность самой императорской власти⁹⁵.

В условиях римского многобожия Диоклетиану пришлось определять, как бог сделать своим покровителем и источником власти. Он избрал Юпитера для себя и Геркулеса для своего соправителя Максимиана. Юпитер начинает играть важную роль в пропаганде Диоклетиана уже в первые месяцы его правления. Идея о воле Юпитера как источнике власти Диоклетиана нашла отражение в монетах с посвящением *IOVI CONSERVATORI* и изображением сцены передачи Юпитером Диоклетиану власти над миром⁹⁶. И здесь Диоклетиан использовал опыт своих предшественников. Тема передачи власти Юпитером императору присутствует в монетах Септимия Севера, Тацита, Проба, Карина⁹⁷. Выражением того, что Диоклетиан является представителем Юпитера

на земле, было принятое им имя Iovius⁹⁸. При избрании в соправители Максимиана и учреждении тетрархии Диоклетиан также выпускал монеты, из легенд которых явствовало, что и это делалось по воле Юпитера⁹⁹.

Конечно же, на Юпитере Диоклетиан остановил свой выбор не случайно. Еще в период Республики магистраты считались представителями Юпитера на земле, служившими римскому народу по его воле¹⁰⁰. Важным для Диоклетиана при выборе им Юпитера в качестве покровителя своей власти являлось то обстоятельство, что культ Юпитера был распространен среди солдат римской армии. Жертвы ему приносили и легионеры, и солдаты вспомогательных войск, и целые воинские подразделения как во II, так и в III в. н. э.¹⁰¹.

Избрание для соправителя Диоклетиана — Максимиана имени Нерцелиус было также не случайным. Максимин являлся помощником Диоклетиана так же, как “успокоитель народов” (*pacator gentium*) Геркулес — помощником у *cosmocrator*'а Юпитера¹⁰². Подобно Геркулесу, который с неизменным успехом боролся с врагами богов и людей, Максимин должен был защищать государство от всех внешних и внутренних врагов¹⁰³. К тому же культ Геркулеса также был широко распространен в римской армии, в частности среди солдат дунайских войск¹⁰⁴.

Укреплению позиций правителя в государстве способствовали и изменения, касавшиеся характера взаимоотношений между императором и подданными и внешних признаков императорской власти. Как отмечал М. Арнхейм¹⁰⁵, Диоклетиану не принадлежит авторство всех элементов нового дворцового церемониала, как это считали Аврелий Виктор (*De Caes.* 39) и Евтропий (*IX*, 26). Он привел в систему то, что было введено при римском императорском дворе его предшественниками. Так, хотя названные древние авторы и приписывают Диоклетиану введение процедуры *adoratio*, регламентировавшей поведение просителя на приеме у императора, по крайней мере один из ее элементов — падение ниц перед правителем — требовался еще при Гелиогабале (*SHA. v. Alex. Sev.* XVIII). До Диоклетиана начали римские императоры и украшать одежды и обувь золотом и драгоценными камнями (см.: *SHA. v. Alex. Sev.* IV). Скипетр и шар являлись знаками власти императора со времен Северов¹⁰⁶. Диадема становится головным убором правителя Римской империи при Галлиене¹⁰⁷.

Укрепить позиции центральной власти, стабилизировать обстановку в государстве были призваны проводившиеся в правле-

ние Диоклетиана реформы, затронувшие все сферы жизни империи — военную (См. главу 1), административную, налогово-финансовую.

Предотвращению попыток узурпации императорской власти способствовала постепенно сформировавшаяся система тетрархии. Хотя теперь в империи было четыре правителя (два Августа и два Цезаря), официально она оставалась единым государством. Империя представлялась неделимым организмом (*patrimonium indivisum*), у которого Августы выполняли функцию двух рук. Все эдикты и постановления издавались от имени двух правителей и действовали на всей территории государства; монеты на Западе и Востоке чеканились от имени обоих императоров и т. д.¹⁰⁸. Конечно, эта система привела к резкому увеличению численности управленческого аппарата в государстве, что требовало и больших расходов на его содержание. Но она облегчала борьбу с внешними врагами империи и беспорядками внутри римских владений.

Повышение эффективности управления отдельными частями территории империи и предотвращение попыток узурпации императорской власти достигалось с помощью реформирования провинциального аппарата управления. Теперь, как уже отмечалось, наместники провинций не имели (за редким исключением) права командования размещавшимися в провинциях войсками. Численность провинций существенно увеличилась в результате их дробления на более мелкие¹⁰⁹. Связывающим звеном между провинциальной администрацией и центральной властью стал институт викариев (*vicarius vices agens praefectorum praetorio*), осуществлявших контроль за управлением отдельных групп провинций, объединенных в 12 диоцезов (*dioceses*)¹¹⁰.

Предпринятые меры позволили Диоклетану в целом добиться стабилизации обстановки внутри империи. За 21 год правления ему пришлось вести борьбу только с двумя попытками узурпации власти над частью римских владений: Караузия и сменившего его Аллекта, господствовавших на протяжении девяти лет (287-296 гг. н. э.) в Британии, и Домиция Домициана в Египте (менее года в 297-298 гг. н. э.)¹¹¹.

Возвращаясь к вопросу об итогах преодоления кризиса III века в Римской империи, следует признать недостаточно убедительным утверждение Е. М. Штаерман о том, что одним из этих итогов был союз крупных собственников, не связанных с муниципальными организациями, с императорской властью. Если говорить о роли

этих собственников в управлении государством, то в результате реформ Диоклетиана оплот римской земельной знати — сенат — перестал быть общегосударственным органом, превратившись в совет города Рима. Сенаторы к концу III в. н. э. потеряли право на занятие командных постов в армии, почти во всех провинциях всадники заменили сенаторов на должностях наместников. Поскольку Рим уже не являлся резиденцией императора, сенаторы потеряли возможность прямого контакта с правителем государства, советниками императора становятся высшие чиновники, не принадлежащие к сенатской знати.

Не представляется верным и мнение Ф. Кольба о том, что победителями в борьбе, которая происходила в Римской империи в период кризиса III века, оказались армия и бюрократия. Данный кризис, на наш взгляд, закончился поражением структуры системы Принципата. Но это не означает, что победителем в борьбе со структурой стал ее “взбунтовавшийся” элемент — армия. Ведь армия претендовала на право влиять на политику императоров, на первенствующую роль в решении вопроса о возведении на императорский престол нового правителя. В результате же преодоления кризиса армия стала одной из важнейших опор императорской власти, но своих целей не достигла. В литературе вопрос о роли армии в системе политических органов в эпоху Принципата и в эпоху Домината до сих пор еще серьезно не анализировался. Однако у нас нет достаточных оснований утверждать, что влияние армии на правителя после кризиса III века усилилось. Вероятно, можно считать, что и экономическое, и общественное положение значительной части римских солдат в условиях Домината было хуже, чем в правление династии Северов.

Бюрократический аппарат римского государства в эпоху Домината численно намного увеличился. Императорские чиновники занимали доминирующее положение во всех сферах жизни империи. Результатом преодоления кризиса III века, таким образом, можно считать, в частности, возрастание значения бюрократии как опоры центральной императорской власти. Но оно было достигнуто не вследствие целенаправленной борьбы чиновников. Императорская бюрократия не выступала в событиях кризиса как активная самостоятельная политическая сила. Объективно она многое приобрела благодаря тому, что система Принципата была заменена в империи системой Домината, но считать ее одним из победителей в политической борьбе периода кризиса III века неправомерно.

Таким образом, ни римская земельная знать с ее оплотом в лице сената, ни армия, ни императорская бюрократия не могут считаться победителями в политической борьбе, протекавшей в Римской империи в условиях кризиса системы Принципата. Несомненным победителем из этого кризиса вышла императорская власть. Характерные для периода кризиса III века частая смена императоров, многочисленные узурпации императорской власти, отпадение от Рима части римских владений свидетельствовали о том, что император не мог крепко держать государство в своих руках, зависел от поддержки солдатами, крупными полководцами, сенатом. В результате замены системы Принципата новой системой политических органов центральная императорская власть заметно укрепилась, сенат сошел с арены политической борьбы, бюрократия и армия стали надежными опорами императорской власти.

В советском антиковедении кризис III века, наряду с Принципатом и Доминатом, признается одним из периодов политической истории Римской империи¹¹². Такой периодизации римской истории императорской эпохи придерживается и большинство зарубежных историков. Но Й. Бляйкен выступил против использования терминов “Принципат” и “Доминат” при попытках выделения периодов в развитии Римской империи. По его мнению, эти понятия употребляются историками для того, чтобы подчеркнуть различие в характере императорской власти в I-II вв. н. э. и в более позднее время: в период Принципата император был “первым” (*princeps*) гражданином, а позже он стал “самодержцем”, не ограниченным никакими законами властителем (*legibus solutus dominus*)¹¹³. В действительности же, убежден Й. Бляйкен, не только императорская власть, но и любой другой элемент структуры политической системы Римской империи не может быть использован для выделения определенных периодов развития римского государства. Если же и устанавливать какие-то поворотные пункты в этом развитии, то, считает историк, к таковым скорее отнести не время правления Диоклетиана, а конец правления Юлиев-Клавдиев, пресечение династий Антонинов и Северов, наконец, время правления Константина¹¹⁴.

Возражая против изложенных соображений немецкого историка, отметим, что период Принципата отличался от периода Домината не просто характером императорской власти, а всей структурой политической системы государства, в которой имелись существенные различия и в наборе структурообразующих элемен-

тов, и в роли, которую в ней играли отдельные элементы (ср. табл. 2 и 3). Что же касается предлагаемых Й. Бляйкеном поворотных моментов в истории Римской империи, то можно признать, что в указанное время римское государство также переживало политические кризисы (гражданские войны 68-69 гг. н. э., 193-197 гг. н. э., борьба Константина за установление своего господства в империи и дальнейшее совершенствование при нем системы Домината), но в отличие от кризиса III века эти кризисы не заканчивались заменой одной политической системы другой.

А. И. Тюменев сравнивал кризис III века в Римской империи с тщетными родовыми потугами при рождении новой феодальной формации¹¹⁵. На наш взгляд, ближе к истине Т. Моммзен, называвший этот период временем агонии¹¹⁶. Это действительно был период, когда политическая система Принципата находилась в состоянии смертельной болезни, она не могла нормально функционировать. Агония оказалась затяжной. На протяжении полувека попытки возрождения старой политической системы, уже не способной справиться с трудностями текущей жизни, сменялись поисками новой структуры, отвечающей требованиям времени. И только когда римские правители окончательно отказались от отжившего свое политического организма, они смогли, создав новую политическую систему, вывести государство из кризисного состояния.

Таким образом, трактовка политического строя Римской империи эпохи Принципата как имеющего свою структуру с определенным набором структурообразующих элементов исторического явления и кризиса как такого состояния явления, при котором оно не может нормально функционировать, позволяет рассматривать кризис III века в Римской империи как политический по своему характеру. Нормальное функционирование системы Принципата стало невозможным в результате того, что важнейший элемент структуры этой системы — армия — стал претендовать на роль, которая не вписывалась в рамки существовавшей к началу III в. н. э. системы государственных органов римлян. Кризис явился следствием взаимодействия ряда различных по своему характеру факторов, одним из главных среди которых был фактор внешнеполитический. Напряженная обстановка на границах империи не только привела к возрастанию значения вооруженных сил в жизни римского государства, но и сказывалась на длительности кризиса III века. Начальной датой кризиса следует считать 235 г. н. э., в котором проявилось стремление римских солдат не только вли-

яты на характер проводившейся императором политики, но и решать вопрос о том, кто должен занимать императорский престол. Кризис продолжался до 284 г. н. э., когда пришедший к власти император Диоклетиан начал проводить свои реформы, приведшие к созданию новой системы государственных органов Римской империи. В 50-летней истории кризиса нельзя выделять какие-либо фазы или ступени развития. Правившие в эти годы императоры искали выход из кризиса и проводили политику, содержание которой определялось совокупностью разного рода факторов. Римских правителей периода кризиса можно объединить в несколько групп, в том числе в группы “сенатских” и “солдатских” императоров. Но эти две группы не объединяли в себе большинство императоров данного времени, и на их правление приходилась небольшая часть лет периода кризиса. Поэтому нет достаточных оснований для того, чтобы называть период кризиса III века временем “солдатских” императоров. Результатом преодоления кризиса явилось создание новой системы государственных органов империи, в которой позиции императорской власти были прочнее, чем в системе Принципата. Оплоту земельной знати римскому сенату в этой системе не было места. Армия и бюрократический аппарат являлись опорами власти императора, который теперь рассматривался не как первый гражданин, получивший властные полномочия по воле носителей высшего суверенитета — сената и римского народа, а как господин и неограниченный властитель милостью божьей. В целом же десятилетия кризиса составляли особый период в политической истории Римской империи. Это было не только время агонии не отвечающей новым социально-политическим условиям системы Принципата, но и время поисков другой структуры государственных органов, закончившихся созданием основ политической системы периода поздней Империи — системы Домината.

Сноски и примечания.

¹ Следует отметить, что такая периодизация не является общепринятой, и даже среди ее сторонников нет единства в представлениях о начале и окончании каждого из этих периодов (См.: Cameron A. *Das späte Rom ...* — S. 12-13.).

² Ферреро Г. Гибель античной цивилизации. — Киев; Лейпциг, 1923. — С. 26; Potter D. C. *Prophecy and history in the crisis of the*

- Roman empire: A historical commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. — Oxford, 1990. — P. 15.
- ³ Mazza M. Lotte sociali ... — P. 15.
- ⁴ Rostovtzeff M. The social and economic history ... Vol. 1. ... — P. 448, 500.
- ⁵ Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. — Paris, 1994. — P. 27.
- ⁶ Carson R. A. G. Principal coins of the romans. Vol. 2. ... — P. 89.
- ⁷ Cizek E. L'empereur Aurelien et son temps. — Paris, 1994. — P. 27.
- ⁸ Федосик В. А. Церковь и государство ... — С. 8; Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise ... — S. 15-16; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. voll. überarb. Auflage ... — S. 133; Heinen H. Trier und Treverland ... — S. 82; Kotula T. Trzeci wiek cesarstwa rzymskiego — kryzys czy przemiany? // Meander. — 1987. — N 4-5. — S. 230.
- ⁹ Gallion P. Western Gaul in the Third Century // The Roman West in the Third Century. P. 2. — Oxford, 1981. — P. 259.
- ¹⁰ Reece R. The third century: crisis or change? // The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. P. 1. — Oxford, 1981. — P. 27.
- ¹¹ Potter D. S. Prophecy and history ... — P. VIII.
- ¹² Chastagnol A. L'évolution politique ... — P. 9.
- ¹³ Jacques F. L'ordine senatorio attraverso ... — P. 82.
- ¹⁴ См.: Alöldy G. Historisches Bewusstsein während der Krise des 3. Jh. n. Chr. // Krisen in der Antike ... — S. 112; Demandt A. Die Spätantike ... — S. 36.
- ¹⁵ Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. — Berlin; Stuttgart, 1905. — S. 160.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Alföldy G. Historisches Bewusstsein ... — S. 112.
- ¹⁸ Ibid. — S. 124.
- ¹⁹ Fittschen K. Die Krise des 3. Jhs. n. Chr. im Spiegel der Kunst // Krisen in der Antike ... — S. 113.
- ²⁰ Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 277.
- ²¹ Strobel K. Das Imperium Romanum im "3. Jahrhundert" ... — S. 344.

- ²² Ibid.
- ²³ Ibid. — S. 345 — 347.
- ²⁴ См.: Левинтов Н. Г. Социально-философское содержание категории “кризис” // *Философские науки*. — 1980. — № 1. — С. 40.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Левинтов Н. Г. Теоретически-методологический аспект проблемы общенационального кризиса. — Ульяновск, 1980. — С. 15.
- ²⁸ Селезнев М. А. Социальная революция (методологические проблемы). — М., 1971. — С. 220.
- ²⁹ Левинтов Н. Г. Теоретически-методологический аспект ... — С. 15.
- ³⁰ Об изучении этой категории российскими философами в 80-е — 90-е годы см.: Сергеев И. П. К вопросу о трактовке понятия “кризис” в философии и антиковедении // *Античный мир. Византия*. — Харьков, 1997. — С. 205-213.
- ³¹ *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches* ... — S. 14.
- ³² Селезнев М. А. Социальная революция ... — С. 220.
- ³³ Там же. — С. 216.
- ³⁴ См.: Кудрявцев О. В. Исследования по истории ... — С. 300; *Хрестоматия по истории Древнего Рима* / Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1987. — С. 314-315; Федосик В. А. Церковь и государство ... — С. 8.
- ³⁵ См.: Мартемьянов А. П. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Харьков, 1990. — С. 4; Jones A. H. M. *The Later Roman empire* ... — P. 20; Fitz J. *Das Jahrhundert der Pannonier* ... — S. 29 ff.; Drinkwater J. F. *The Gallic empire* ... — P. 19-21; King A. *Roman Gaul and Germany* ... — P. 172, 176; Fischer H. *Zu Problemen von Stadt und Stadtentwicklung im Römischen Reich während des 3. Jahrhunderts* // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches* ... — S. 164; von Bulow G. *Die archäologischen Quellen zur Entwicklung der Villenwirtschaft* // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches* ... — S. 33 ff.
- ³⁶ Ферреро Г. Гибель античной цивилизации ... — С. 26-29.

- ³⁷ Rostovtzeff M. The social and economic history ... Vol. 1. ... — P. 448, 500.
- ³⁸ Ibid. — P. XIII, 128, 500.
- ³⁹ Если концепция Г. Ферреро о причинах возникновения кризиса III века не нашла широкого отклика в историографии, то трактовка этого вопроса М. И. Ростовцевым вызвала возражения не только советских (См.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 3-4), но и зарубежных историков. Так, А. Альфельди считал ошибочным преувеличение М. И. Ростовцевым связей между римскими солдатами и низами населения империи, хотя бы потому, что не все солдаты были выходцами из бедных слоев населения и не имели собственности (См.: The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 264).
- ⁴⁰ Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 13-14, 133.
- ⁴¹ См.: Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. voll. überarb. Auflage ... — S. 136 — 137; Christ K. The Romans. An Introduction to their history and civilisation. — Berkley; Los Angeles, 1984. — P. 169; Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches ... — S. 14, 31 — 32.
- ⁴² См.: Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ ... — С. 267; Сергеев В. Кризис III века ... — С. 52; Ковалев С. И. К вопросу о характере социального переворота III-V вв. н. э. в Западной Римской империи // ВДИ. — 1954. — № 3. — С. 34 сл.
- ⁴³ Как уже было отмечено во введении, позже Е. М. Штаерман стала идентифицировать кризис III века и кризис рабовладельческого строя в римском государстве.
- ⁴⁴ См.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 320 сл.; Ее же. Древний Рим: проблемы экономического развития ... — С. 207.
- ⁴⁵ См.: Федосик В. А. Киприан и античное христианство ... — С. 6-8; Die Römer an Rhein und Donau ... — S. 26; Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise ... — S. 15-16; Oliva P. Pannonia and the onset of crisis in the Roman empire. — Praha, 1962. — P. 71.
- ⁴⁶ См.: Demandt A. Die Spätantike ... — S. 38; Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 279.

- ⁴⁷ Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи ... — С. 13 сл.
- ⁴⁸ Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса ... — С. 27-31.
- ⁴⁹ Коптев А. В. От прав гражданина к праву колоната ... — С. 11.
- ⁵⁰ Там же. — С. 29.
- ⁵¹ Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. voll. überarb. Auflage ... — S. 136 — 137.
- ⁵² Von Premerstein A. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. — München, 1937. — S. 271.
- ⁵³ Гримм Э. Исследование по истории развития римской императорской власти. Т. 2. Римская императорская власть от Гальбы до Марка Аврелия. — СПб., 1901. — С. 262.
- ⁵⁴ The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 375.
- ⁵⁵ Нетушил И. В. Обзор Римской истории ... — С. 267.
- ⁵⁶ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... Bd. 1. ... — S. 120.
- ⁵⁷ Alföldy G. Römische Heeresgeschichte ... — S. 41-42.
- ⁵⁸ См.: Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 133; Mazza M. Lotte sociali ... — P. 15.
- ⁵⁹ См.: Слонимский М. М. Периодизация древней истории в советской историографии. — Воронеж, 1970. — С. 202; Штаерман Е. М. Кризис III в. в Римской империи ... — С. 142; Gallion P. Western Gaul in the Third Century ... — P. 259; Cizek E. L'empereur Aurelien ... — P. 27.
- ⁶⁰ Homo L. Les institutions romaines ... — P. 317.
- ⁶¹ См.: Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom ... — S. 705; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — S. 294.
- ⁶² Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches ... — S. 8-9.
- ⁶³ См.: Scheidel W. Dokument und Kontext: Aspekte der historischen Interpretation epigraphischen Quellen am Beispiel der "Krise des dritten Jahrhunderts" // Riv. Stor. Ant. — Bd. 21 (1991). — S. 148.
- ⁶⁴ См.: Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 35; Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army ... — P. 411.
- ⁶⁵ См.: Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — S. 12; Cameron A. Das späte Rom ... — S. 13; Chastagnol A. Le Senat romain ... — P. 201; Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin, 1995. — S. 568.
- ⁶⁶ Дьяков В. Н. [Рецензия] ... — С. 126.

- ⁶⁷ Cizek E. L'empereur Aurelien ... — P. 27.
- ⁶⁸ Potter D. C. Prophecy and history ... — P. 18.
- ⁶⁹ Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat ... — S. 173; Altheim F. Die Krise der alten Welt ... — S. 194; Boack A. E. R. A History of Rome ... — P. 415.
- ⁷⁰ Gallion P. Western Gaul in the Third Century ... — P. 259; Demandt A. Antike Staatsformen ... — S. 568.
- ⁷¹ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 305-306; Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. voll. überarb. Auflage ... — S. 154.
- ⁷² См.: Гиббон Э. История упадка ... Ч. 1. ... — С. 336 сл.; Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом ... — С. 28; Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба ... — С. 106; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. — Киев, 1985. — С. 127; Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches ... — S. 274; Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit ... — S. 674; Heinen H. Trier und Treverland ... — S. 88-89.
- ⁷³ Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian. 284-565 n. Chr. — München, 1989. — S. 37.
- ⁷⁴ Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors ...; Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (3. Jahrhundert n. Chr.) ...; Hahn L. Das Kaisertum. — Leipzig, 1913. — S. 48; Demandt A. Die Spätantike ... — S. XVII.
- ⁷⁵ См.: Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom ... — S. 698; Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — Bd. 1. ... — S. 64, 103; Demandt A. Antike Staatsformen ... — S. 568.
- ⁷⁶ Rostovtzeff M. The social and economic history ... Vol. 1. ... — P. XIII, 127 — 129, 402 seq.
- ⁷⁷ Altheim F. Die Soldatenkaiser ... — S. 128, 133, 254.
- ⁷⁸ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 321 сл.
- ⁷⁹ См.: Johne K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 210.
- ⁸⁰ Ibid. — S. 211.
- ⁸¹ Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. voll. überarb. Auflage ... — S. 153.

- ⁸² John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand ... — S. 219.
- ⁸³ Rostovtzeff M. The social and economic history ... Vol. 1. ... — P. 531.
- ⁸⁴ Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte ... — S. 292, 295.
- ⁸⁵ См.: Кашдан А. П. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи // ВДИ. — 1953. — № 3. — С. 88; Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе ... — С. 19-20.
- ⁸⁶ См.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя ... — С. 509; История древнего мира. Ч. 3. Упадок древних обществ. — М., 1989. — С. 175; Федосик В. А. Церковь и государство ... — С. 175.
- ⁸⁷ Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts ... — S. 278.
- ⁸⁸ The Cambridge Ancient History. Vol. 12. ... — P. 386; Nilsson M. P. Imperial Rome. — New York, 1962. — P. 91; Heinen H. Trier und das Treverland ... — S. 216.
- ⁸⁹ Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? — Berlin; New York, 1987. — S. 15.
- ⁹⁰ Ibid.
- ⁹¹ Ibid. — S. 16.
- ⁹² Колосовская Ю. К. К истории падения ... — С. 81; Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie ... — S. 15.
- ⁹³ Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts ... — S. 287.
- ⁹⁴ Ешевский С. В. Центр римского мира ... — С. 275.
- ⁹⁵ Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie ... — S. 91.
- ⁹⁶ RIC. V, 2. — P. 239-240, 245.
- ⁹⁷ Fears J. R. The Cult of Jupiter and Roman imperial Ideology // AuNdRW. Bd. 2. Principat. 17. 1. — Berlin etc., 1981. — P. 119.
- ⁹⁸ Значение Iovius Диоклетиана и Herculus Максимиана по-разному трактуется в литературе: что императоры были представителями богов на земле; что они получили власть от богов; что они имели общий с богами genius (См.: Ridley R. T. History of Rome: a documented analysis. — Roma, 1987. — P. 600).

- ⁹⁹ RIC. VI. — P. 283, 355, 358, 465, 531, 580, 621, 667.
- ¹⁰⁰ Fears J. R. The Cult of Jupiter ... — P. 13 — 14.
- ¹⁰¹ Hosek R. Die religiösen Vorstellungen des römischen Heeres an der Donau im 3. Jh. // Krise — Krisenbewusstsein — Krisenbewältigung: Ideologie und geistige Kultur im Imperium Romanum während des 3. Jahrhunderts. Konferenzvorträge. — Halle, 1988. — S. 38.
- ¹⁰² Seston W. Diocletien et la tetrarchie ... — P. 248.
- ¹⁰³ Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 58.
- ¹⁰⁴ Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches ... — S. 377-378.
- ¹⁰⁵ Arnheim M. T. W. The senatorial aristocracy ... — P. 28-29.
- ¹⁰⁶ Ibid. — P. 28.
- ¹⁰⁷ Alföldy A. La grande crise du monde romain ... — P. 8.
- ¹⁰⁸ Williams S. Diocletian and the roman recovery ... — P. 49; Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government AD 284-324. — Oxford, 1996. — P. 268 seq.
- ¹⁰⁹ См.: Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 45 seq.; Anderson J. G. C. The Genesis of Diocletian's provincial reorganisation ... — P. 30 seq.
- ¹¹⁰ Jones A. H. M. The Later Roman empire ... — P. 45 seq.
- ¹¹¹ Jones A. H. M. The Decline of Ancient World. — London, 1966. — P. 28.
- ¹¹² См.: История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. — М., 1982. — С. 327.
- ¹¹³ Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte ... — S. 12.
- ¹¹⁴ Bleicken J. Prinzipat und Dominat: Gedenken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit. — Wiesbaden, 1978. — S. 28-29.
- ¹¹⁵ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ ... — С. 26.
- ¹¹⁶ Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrechts ... — S. 278.

Заключение

Социально-политическое развитие Римской империи на протяжении III в. н. э. никак нельзя назвать ровным и стабильным. В первой трети столетия обстановка внутри государства была достаточно спокойной. Пришедший к власти в результате победы в гражданской войне 193-197 гг. н. э. Септимий Север провел ряд преобразований, которые усилили позиции императорской власти, укрепили связи императора с армией, сгладили противоречия, существовавшие до этого в римских вооруженных силах. "Усовершенствованная" основателем династии Северов политическая система Принципата функционировала при нем и его ближайших преемниках в целом нормально.

Важными элементами структуры этой системы были римский сенат и армия. Сенат наряду с римским народом признавался носителем высшего суверенитета в государстве. Официально император (принцепс) пользовался своими властными полномочиями по решению собрания сенаторов. Под непосредственным управлением сената находилась часть римских провинций, сенаторы занимали командные посты в армии, сенат имел свою казну и участвовал в выпуске монеты, был одной из высших судебных инстанций в государстве. В течение III в. н. э. в составе сената, процедуре его деятельности мало что изменилось. Роль же этого органа в управлении государством постепенно уменьшалась. Во многом это было следствием ухудшения обстановки на границах Римской империи. Почти непрерывные войны с внешними врагами и необходимость лично руководить военными действиями, чтобы не допустить чрезмерного возрастания авторитета удачливых полководцев в войсках, заставляли императоров надолго покидать столицу империи. В результате терялся контакт сената с правителем империи, который часто принимал решения по важным вопросам жизни государства вдали от города Рима, без участия сената.

Для римской армии обострение положения на границах государства имело совсем другие последствия. Необходимость отражать частые вторжения варваров в римские владения не только привела к возрастанию значения армии для самого существования Римской империи, но и требовала от императоров постоянно заниматься вопросами повышения боеспособности римских войск, искать пути преодоления трудностей с пополнением армии новобранцами, заботиться о сохранении лояльности солдат по отно-

шению к правящему принцепсу. Поэтому для римской армии III в. н. э. был временем серьезных преобразований. Важные последствия для отношения солдат к центральной власти имели не только начавшиеся еще до III в. н. э. процессы провинциализации и варваризации римских вооруженных сил, но и образование к середине этого столетия нескольких провинциальных группировок внутри римской армии. Это привело к тому, что в глазах солдат авторитет такого института как сенат не являлся таким уж неоспоримым основанием законности власти правившего императора, а также к соперничеству между крупнейшими группировками римских войск в вопросе о возведении на престол своего ставленника.

После убийства солдатами императора Александра Севера (235 г. н. э.) для Римской империи наступили тяжелые времена. Характерными чертами политической жизни римлян в течение ряда десятилетий являлись частая смена императоров, многочисленные попытки узурпации императорской власти, выяснение вопроса о том, кто будет править государством, с помощью вооруженной силы. Активными участниками этих, часто драматических, событий были сенат и армия. Но анализ перепетий борьбы за обладание императорской властью в этот период не позволяет согласиться с получившимися распространением в советской историографии утверждениями о том, что римский сенат и немногочисленные возведенные им на престол императоры были последовательными выразителями интересов крупных землевладельцев, не связанных с муниципальными организациями и рабовладельческими отношениями, а армия и провозглашавшиеся ею императоры защищали интересы средних и мелких муниципальных земле- и рабовладельцев.

Большинство узурпаторов императорской власти в провинциях не являлись серьезными противниками тех римских правителей, которые владели столицей империи и получили официальное признание сената. Однако некоторым из них удавалось распространять свою власть на значительную часть римских владений и оказывать сопротивление "законным" императорам довольно долгое время. Важной предпосылкой возникновения всех таких отдельных от Рима государственных образований была необходимость защиты их территории от внешних врагов империи. Хотя эти не признававшиеся римским сенатом правители части территории Римской империи не всегда явно проявляли стремление к распространению своей власти на все владения римлян и столицу

римского государства, мы не имеем достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что их целью было отделение от империи и создание независимого от Рима государства. Нельзя также считать, что этот “провинциальный сепаратизм” являлся прямым следствием распространения в римских провинциях крупного экзимирированного землевладения.

Десятилетия между смертью императора Александра Севера и приходом к власти Диоклетиана принято рассматривать как особый период политической истории Римской империи. Но по таким аспектам проблемы данного кризиса, как его характер, хронологические рамки, стадии развития, итоги преодоления, мнения современных историков существенно расходятся. Определение содержания самого понятия “кризис” является необходимой предпосылкой для однозначного ответа на эти вопросы теоретического характера. При условии трактовки любого исторического явления как системы, имеющей соответствующую структуру, состоящую из определенного набора связанных между собой элементов, “кризис” можно толковать как такое состояние системы, когда она вследствие угрозы разрыва связей между элементами структуры не может нормально функционировать. Применение к событиям политической жизни Римской империи в III в. н. э. результатов исследования категории “кризис” советскими философами позволяет утверждать, что кризис III века был политическим по своему характеру. Это был кризис политической системы римского государства — кризис системы Принципата. Главной причиной возникновения этого кризиса было то, что один из структурообразующих элементов данной системы — армия — стал предъявлять претензии на роль, которая не была для него предусмотрена в структуре данной системы. Солдаты не хотели ограничиваться защитой границ империи и порядка внутри нее, они начали претендовать на то, чтобы влиять на характер правления императора и решать вопрос о возведении на императорский престол новых правителей. Политическая нестабильность, являвшаяся наиболее ярким показателем кризисного состояния системы государственных органов Римской империи, продолжалась вплоть до прихода к власти императора Диоклетиана, реформы которого привели не только к восстановлению достаточно прочного мира в государстве, но и к замене прежней системы властных структур новой, за которой в специальной литературе закрепилось название системы Домината. В развитии политического кризиса III века не было последовательной смены определенных фаз или этапов.

Представление о том, что кризис после своего возникновения прошел через начальную фазу, достиг в своем развитии высшей точки, а затем пошел на спад, не может считаться реально отражающим действительный ход событий политической жизни римского государства. В реальности все было не так схематично, более сложно. Время кризиса было временем поисков правителями империи путей преодоления неурядиц и напряженной политической борьбы. Каждый из правивших в этот период римских императоров по-разному представлял, с помощью каких средств можно добиться укрепления позиций центральной власти и восстановления спокойствия в государстве. Тех из них, которые видели такие средства в авторитете сената и сотрудничестве с сенаторами, можно объединить в группу "сенатских" императоров. "Солдатскими" императорами следует называть тех правителей империи, которые считали своей главной опорой армию и по существу видели выход из кризиса в замене системы Принципата военной монархией. Однако далеко не всех римских императоров периода кризиса III века можно отнести к этим двум группам. "Солдатские" императоры не представляли собой самую многочисленную из групп, в которые можно объединить римских правителей данного времени, и на их правление приходится довольно небольшой отрезок времени периода кризиса. Поэтому распространенное в литературе название периода кризиса III века в Римской империи временем солдатских императоров нельзя признать приемлемым. Это действительно был особый период политической истории Римской империи, отделявший период ранней Империи (или Принципата) от периода поздней Империи (или Домината). Но основное содержание этого периода составляло не правление "солдатских" императоров, а невозможность нормального функционирования существовавшей до этого в римском государстве политической системы Принципата и поиски правителями империи другой политической системы, которая бы заменила прежнюю и отвечала новым требованиям времени.

Das Resümee

DAS RÖMISCHE REICH IM 3. JAHRHUNDERT NACH CHRISTUS. DIE PROBLEME DER SOZIALPOLITISCHEN ENTWICKLUNG

In der Einleitung handelt es sich um die Quellen und die Historiographie des Problems und um die Aufgaben, die der Autor vor sich stellt. Bei der Analyse der Quellen richtet man die Aufmerksamkeit auf ihre Verschiedenartigkeit (Werke von den antiken und mittelalterlichen Historikern, Inschriften, Papyri, Münzen, juristische Dokumente) und auf die Notwendigkeit, sie im Komplex zu benutzen. Der Autor kommt auch zur Schlussfolgerung, dass es viel genug Zeugnisse der Quellen gibt, um die Besonderheiten der sozialpolitischen Entwicklung des Imperium Romanum im 3. Jh. n. Chr. tief zu erforschen. Die Übersicht über die Historiographie enthält die Charakteristik der Publikationen, die im Zeitabschnitt seit dem 17. Jh. bis heute herausgegeben wurden. Seine besondere Aufmerksamkeit richtet der Autor auf den Beitrag in die Erforschung des Problems von solchen berühmten Historikern wie Th. Mommsen, L. Homo, A. Alföldi, M. Rostovtzeff, E. Staerman, G. Alföldy u. a. Auf dem Grund dieser Übersicht kommt er zur Schlussfolgerung, dass Forscher nicht eindeutig solche Fragen wie Rolle des Senats und der Armee im politischen Leben des römischen Staates im 3. Jh. n. Chr., Verhältnisse zwischen den Provinzen und der zentralen Regierung in dieser Zeit, Reihe der theoretischen Aspekte des Problems der Krise des 3. Jhs. im Imperium Romanum (Charakter, Dauer, Besonderheiten der Entwicklung, Resultaten der Bewältigung, Platz in der Geschichte der römischen Kaiserzeit) betrachten. Und nämlich diese Fragen sind das Objekt der Erforschung im Buch.

Im ersten Kapitel ("Der Senat und die Armee im politischen Leben des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr.") werden die Fragen nach dem Platz des Senats und der Armee im System der staatlichen Organe des Imperium Romanum zum Ende des 2. Jhs. n. Chr., nach den Veränderungen in diesen politischen Institutionen im Laufe des 3. Jhs. n. Chr., nach der Rolle des Senats und des Heeres in den Ereignissen des politischen Lebens des Imperium Romanum in diesem Jahrhundert untersucht. Der Autor kommt zur Schlussfolgerung, dass die militärischen Reformen von Kaisern Septimius Severus, Gallienus und Diokletianus für Steigerung der Kampfkraft der Armee, Verstärkung der Verbindungen zwischen dem Imperator und den Soldaten, Lösung des Problems des Erganges der Armee durchgeführt wurden. Dabei

betont er Provinzialisierung und Barbarisierung der römischen Armee, ihre Aufteilung in einige provinziellen Gruppierungen in der Folge der Vereinigung der Truppen der nachbarn Provinzen unter dem Kommando eines Führers im Mitte des 3. Jhs. n. Chr. Nach der Erforschung der Frage über die Rolle des Senats und der Armee im politischen Leben des Römischen Reiches in der Zeit der Regierung von zahlreichen Kaisern des 3. Jhs. n. Chr. kommt der Autor zur Schlussfolgerung, dass wir die genügenden Grundlagen nicht haben, um festzustellen, dass diese politischen Institutionen die Interessen der bestimmten Schichten der herrschenden Klasse der römischen Gesellschaft (der provinziellen Grossgrundeigentümer oder kleinen und mittleren munizipalen Sklavenhalter) verteidigten.

Im zweiten Kapitel ("Rom und die Provinzen. Über das provinzielle Separatismus im Römischen Reich während der Krise des 3. Jhs.") wird die Charakteristik der Auftreten von Ingenuus und Regalianus am Donau, von Postumus und seinen Nachfolgern im Westen, von Zenobia und Vaballathus im Osten des Imperium Romanum gegen die römischen Kaiser, die von manchen Historikern als die Äusserung des provinziellen Separatismus betrachtet werden, gegeben. Auf dem Grund der Zeugnissen von antiken Historikern, der Inschriften und der Münzen macht der Autor die Schlussfolgerung, dass diese Auftreten auch die Versuche der Usurpation der imperatorischen Macht waren. Von anderen ähnlichen Erscheinungen der Periode der Krise des 3. Jhs. unterschieden sie sich nur nach ihrer Dauer und der Umfassung der genug grossen Teil des Territoriums des Römischen Reiches und waren mit der Verbreitung des Grossgrundeigentums in den römischen Provinzen nicht verbunden.

Das dritte Kapitel ("Die Krise des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr. und ihr Platz in der Geschichte der römischen Kaiserzeit") ist den theoretischen Aspekten des Problems der Krise des 3. Jhs., die unterschiedlich von modernen Historikern betrachtet werden, gewidmet. Der Autor richtet seine Aufmerksamkeit auf die Betrachtungen von den Historikern und den Philosophen den Begriff "Krise" und meint, dass man diesen Begriff als solche Lage der irgendeinen historischen Erscheinung, in der diese Erscheinung als ein System nicht normal funktionieren kann, verstehen muss. Er stellt weiter fest, dass die Krise des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr. nach ihrem Charakter die politische Krise war, d. h. es war die Krise des Systems der damaligen römischen Staatsordnung (des Prinzipats). Seiner Meinung nach, dauerte diese Krise seit 235 bis 284 n. Chr. Dabei, denkt der Autor, ist es wichtig, zu verstehen, dass Imperium

Romanum im Laufe etwa eines Jahrhunderts, seit Ende des 2. bis Ende des 3. Jhs. n. Chr., nicht eine, sondern zwei politischen Krise überlebt hat: die erste von denen war der Bürgerkrieg seit 193 bis 197 n. Chr. und die zweite – die “echte” Krise des 3. Jhs. – seit 235 bis 284 n. Chr. Diese Krise ist auf ein Zusammenwirken innerer und ausserer Ursachen zurückzuführen. Für die Entstehung der Krise, ihre Dauer, Besonderheiten der Entwicklung hatten die Prozesse, die inner der römischen Armee im 2. und 3. Jh. n. Chr. geschehen haben, die grosse Bedeutung.

Der Autor meint, dass man in der Entwicklung der Krise des 3. Jhs. keine einzelnen Perioden oder Phasen auszeichnen kann. Seiner Meinung nach, müssen wir nicht in dieser Entwicklung irgendeine Folgerichtigkeit suchen. Die römische Kaiser dieser Periode suchten den Ausgang aus der Krise entsprechend ihren Vorstellungen über die Ursachen der Entstehung der kritischen Lage der Staatsordnung und über die Mittel der Verstärkung ihrer Stelle im Staat. Der Autor macht den Vorschlag, die Herrscher des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr. in einige Gruppen zu gliedern. Er meint, dass man die Kaiser, die nach den guten Verhältnissen mit dem Senat und nach der Wiederherstellung des Prinzipatssystems strebten, als die “Senatskaiser” und die Imperatoren, die nach der Unterstützung des Heeres strebten, vor allem für die Interessen der Soldaten sorgten und die schlechten Verhältnisse mit dem Senat hatten, als die “Soldatenkaiser” betrachten muss. Dabei stellt er fest, dass die “Soldatenkaiser” nicht die grösste Gruppe der römischen Kaiser der Periode der Krise darstellten, die Zeit ihrer Regierung einen sehr kleinen Abschnitt der Periode der Krise bildete, und wir die genügenden Grundlagen nicht haben, um die Krise des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr. die Soldatenkaiserzeit zu nennen.

Im bezug auf den Platz der Periode der Krise des 3. Jhs. und den Resultat der Bewältigung dieser Krise meint der Autor, dass es die Zeit, in der das System der politischen Ordnung des römischen Staates (das Prinzipat) nicht normal funktionieren konnte, die Zeit der Suchen des Ausgangs aus der kritischen Lage war und dass die Bewältigung der Krise zum Ersatz dieses Systems durch ein anderes (das Dominat) geführt hat.

Im Nachwort äussert der Autor seine Schlussfolgerungen über alle Fragen, die er in einzelnen Kapitel des Buchs erforschte.

Список источников и литературы

1. Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. — М., 1995. — 654 с.
2. Аврелий Виктор С. О Цезарях: Пер. с лат. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. — М.: Российская полит. энциклопедия, 1997. — С. 77 - 125.
3. Авторы жизнеописаний Августов: Пер. с лат. С. П. Кондратьева / Под ред. А. И. Доватура // ВДИ. — 1958. — № 3; 1958. — № 4; 1959. — № 1-4; 1960. — № 1.
4. Аммиан Марцеллин. Римская история: Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. — СПб.: Алетейя, 1996. — 559 с.
5. Афанасьев В. Динамика социальных систем // Коммунист. — 1980. — № 5. — С. 56 - 70.
6. Белова Н. Н., Сюжюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1978. — Сб. 15. — С. 5-22.
7. Блок М. Апология истории или ремесло историка: Пер. с фр. Прим. и ст. Я. Я. Гуревича. — М.: Наука, 1986. — 232 с.
8. Блужберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. — М.: Наука, 1973. — 268 с.
9. Бокщанин А. Г. К вопросу о проблеме падения античной рабовладельческой формации // ПИШ. — 1952. — № 5. — С. 22-35.
10. Бокщанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 159 с.
11. Вегетий Ренат Ф. Краткое изложение военного дела: Пер. с лат. С. П. Кондратьева // ВДИ. — 1940. — № 1. — С. 231-293.
12. Всемирная история: В 10-ти т. Т. 2 / Под ред. С. Л. Утченко и др. — М.: Госполитиздат, 1956. — 899 с.
13. Геродиан. История императорской власти после Марка: Кн. I-VIII: Пер. с лат. // ВДИ. — 1972. — № 4; 1973. — № 1.
14. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. 1: Пер. с англ. В. Н. Неведомского. — М., 1883. — 543 с.
15. Глушанин Е. П. Предпосылки реформ Галлиена и их место в процессе трансформации римской армии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпоху. — Горький, 1985. — С. 95-105.
16. Глушанин Е. П. Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. — 1987. — № 2. — С. 51-73.
17. Гримм Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. — СПб., 1901. — Т. 1. — 515 с.; Т. 2. — 466 с.
18. Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV-V вв. — М.: Изд-во АН СССР. 1961. — 303 с.
19. Дмитрев А. Д. Движение багаудов // ВДИ. — 1940. — № 3-4. — С. 101-114.
20. Дмитрев А. Д. Падение Дакии (к вопросу о связи освободительных движений в Римской империи с вторжениями варваров) // ВДИ. — 1949. — № 1. — С. 76-85.

21. Дмитриев А. Д. Народные движения в восточно-римских провинциях в период дунайских войн III в. (236-278 гг.) // Византийский временник. — 1956. — Т. 8. — С. 97-126.
22. Доватур А. И. Историк Геродиан // ВДИ. — 1972. — № 1. — С. 237-257.
23. Дряхлов В. Н. Войны германских племен с Римом в III в. и их влияние на развитие древнегерманского общества на Рейне // ВДИ. — 1987. — № 2. — С. 151-168.
24. Дьяков В. Н. [Рецензия] // ВДИ. — 1958. — № 4. — С. 122-129. — Рец. на кн.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
25. Дьяков В. Н. Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. // ВДИ. — 1961. — № 1. — С. 84-107.
26. Евтропий. Краткая история от основания Города: Пер. с лат. А. И. Донченко // Римские историки IV века / Под ред. М. А. Тимофеева. — М.: Российская полит. энциклопедия, 1997. — С. 5-73.
27. Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы зарождения и формирования принципата. — Л.: ЛГУ. 1985. — 224 с.
28. Ешевский С. В. Центр римского мира и его провинции // Соч. Т. 1. — М., 1870. — С. 123-280.
29. Жебелев С. А. Древний Рим. Ч. 2. Императорская эпоха. — Пгт.: Наука и школа, 1923. — 143 с.
30. Жуков Е. М. О периодизации всемирной истории // ВИ. — 1960. — № 8. — С. 22-33.
31. Зайцев А. И. О применении методов современной психологии к историко-культурному материалу // Одиссей. Человек и история. — М.: Наука, 1990. — С. 15-16.
32. Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. — первая половина VI в.). — Киев, 1998. — 200 с.
33. Зубар В. М. До історії Боспорського царства в III ст. // Археологія. — 1998. — 2. — С. 148-150.
34. Игнатенко А. В. Армия в Риме в период кризиса III в. (Политическая роль армии и изменение ее организационно-правовых основ) // Правовые идеи и государственные учреждения. — Свердловск, 1980. — С. 20-32.
35. Иосиф Флавий. Иудейская война // Подгот. текста, предисл. и примеч. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. — Минск: Беларусь, 1991. — 512 с.
36. Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузицина. — М.: Высшая школа, 1980. — 415 с.
37. История Древнего Рима. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. В. И. Кузицина. — М.: Высшая школа, 1982. — 335 с.
38. История древнего мира. Ч. 3: Упадок древних обществ / Под ред. И. М. Дьяконова и др. — М.: Наука, 1982. — 295 с.
39. Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи // ВДИ. — 1953. — № 3. — С. 77-106.
40. Кареев Н. Монархии древнего Востока и греческо-римского мира: Очерк полит., экономич. и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. — СПб., 1904. — 395 с.

41. Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. — Киев: Наукова думка, 1985. — 159 с.
42. Ковалев С. И. История античного общества. Эллинизм. Рим. — Л.: Соцэкгиз, 1936. — 317 с.
43. Ковалев С. И. История Рима. — Л.: ЛГУ, 1948. — 807 с.
44. Ковалев С. И. К вопросу о характере социального переворота III-V вв. в Западной Римской империи // ВДИ. — 1954. — № 3. — С. 33-44.
45. Ковалев С. И. Опыт периодизации римской истории // ВДИ. — 1955. — № 4. — С. 108 - 116.
46. Козик П. З. Социальные основы христианского сектанства II-III вв. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1966. — 344 с.
47. Колосовская Ю. К. К истории падения римского господства в Дакнии // ВДИ. — 1955. — № 3. — С. 63-84.
48. Колосовская Ю. К. Паннония в I-III веках. — М.: Наука, 1973. — 253 с.
49. Колосовская Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакнии // ВДИ. — 1988. — № 4. — С. 20-37.
50. Конквест Р. История: как и почему? // Коммунист. — 1990. — № 17. — С. 111-115.
51. Коптев А. В. От прав гражданства к праву колоната: Формирование крепостного права в поздней Римской империи. — Вологда: Ардвисура, 1995. — 264 с.
52. Корсунский А. Р. Движение багаудов // ВДИ. — 1957. — № 4. — С. 71-87.
53. Корсунский А. Р. Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе // ВДИ. — 1964. — № 5.
54. Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). — М.: МГУ, 1984. — 255 с.
55. Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 411 с.
56. Кулаковский Ю. Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Эпиграфические исследования. — Киев, 1881. — 45 с.
57. Кулаковский Ю. Армия в Римской империи. — Б. м., б. г. — 24 с.
58. Левинтов Н. Г. Социально-философское содержание категории "кризис" // Философские науки. — 1980. — № 1. — С. 39-49.
59. Левинтов Н. Г. Теоретически-методологический аспект проблемы общенационального кризиса. — Ульяновск, 1980. — 110 с.
60. Ливий Т. История Рима от основания города. Т. 1 — 3: Пер. с древнегреч. Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе. — М.: Наука, 1989-1992.
61. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 472 с.
62. Мартеньянов А. П. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. — Харьков, 1990. — 22 с.
63. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и сущность. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 686 с.
64. Машкин Н. А. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке // ВДИ. — 1949. — № 4. — С. 51-61.

65. Машкин Н. А. История Древнего Рима. — М.: Госполитиздат, 1956. — 611 с.
66. Межеричский Я. Ю. "Республиканская монархия": метаморфозы идеологии и политики императора Августа. — М.; Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. — 442 с.
67. Мишина З. Выступление Максимиана и позиция сената // ВДИ. — 1938. — № 3. — С. 133-146.
68. Моммзен Т. История Рима. Т. 5. Провинции от Цезаря до Диоклетиана: Пер. с нем. под ред. и с предисл. Н. А. Машкина. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1949. — 631 с.
69. Недельский В. И. Революция рабов и происхождение христианства. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 76 с.
70. Нетушил И. В. Обзор Римской истории. — Харьков, 1916. — 376 с.
71. Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения: Пер. с нем. под ред. Т. Ф. Зеллинского и М. И. Ростовцева. — СПб., 1899. — 364 с.
72. Новицкая К. И. Некоторые вопросы аграрной политики начала Домината // ВДИ. — 1961. — № 4. — С. 85-97.
73. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. — М.: Госуд. Изд-во юридической литературы, 1956. — 131 с.
74. Покровский И. А. История римского права. Изд. 4-е. — Пг., 1918. — 430 с.
75. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. испр. и доп. — М.: Наука, 1979. — 232 с.
76. Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. — М.; Л., 1949. — 263 с.
77. Ременников А. М. Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250-251 гг. // ВДИ. — 1951. — № 2. — С. 201-210.
78. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — 148 с.
79. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. н. э. // ВДИ. — 1964. — № 4. — С. 131-138.
80. Ременников А. М. Борьба племен Подунавья с Римом в 70-х годах III в. н. э. // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности / Под ред. Т. В. Блаватской и др. — М.: Наука, 1967. — С. 188-192.
81. Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднестровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Учебное пособие. — Казань, 1984. — 81 с.
82. Светоний Транквили Г. Жизнь двенадцати цезарей: Пер. с лат., предисл. и послесл. М. Л. Гаспарова. — М.: Худож. лит., 1990. — 254 с.
83. Селезнев М. А. Социальная революция (Методологические проблемы). — М.: Изд-во МГУ, 1976. — 347 с.
84. Селезнев М. А. Марксистско-ленинская теория социальной революции. — М.: Мысль, 1982. — 77 с.
85. Сергеев В. С. История Древнего Рима. Культурно-исторический очерк в научно-популярном изложении. — М.: Госиздат, 1922. — 240 с.
86. Сергеев В. Кризис III века // Историк-марксист. — 1938. — № 3. — С. 52-79.

87. Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима. Ч. 1-2. — М.: Соцэкгиз, 1938. — 829 с.
88. Сергеев И. П. К вопросу об "антисенаторской политике" Септимия Севера // *Вісн. Харк. ун-ту.* — 1983. — № 238. — С. 89-94.
89. Сергеев И. П. Советская историография 50 - 80-х годов о кризисе III века в Римской империи // *Вестн. Харьк. ун-та.* — 1988. — № 316. — С. 85-91.
90. Сергеев И. П. О кризисе III века в Римской империи и его продолжительности (К постановке вопроса) // *Вестн. Харьк. ун-та.* — 1989. — № 343. — С. 62-65.
91. Сергеев И. П. О военных реформах в Римской империи в конце II-III вв. н. э. // *Вестн. Харьк. ун-та.* — 1992. — № 363. — С. 73-82.
92. Сергеев И. П. Социальные и идеологические предпосылки кризиса III века в Римской империи // *Социальные структуры и социальная психология античного мира. Доклады конференции.* — М., 1993. — С. 147-150.
93. Сергеев И. П. О масштабах выступлений низов населения Римской империи в период кризиса III века // *Вісн. Харк. держ. ун-ту.* — 1997. — № 396. — С. 8-14.
94. Сергеев И. П. К вопросу о трактовке понятия "кризис" в философии и антиковедении // *Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов).* — Харьков: АО "Бизнес Информ", 1997. — С. 205-213.
95. Сергеев И. П. Особенности политической ситуации в Римской империи в 275-276 гг. н. э. // *Вісн. Харк. ун-ту.* — 1998. — № 413. — С. 69-76.
96. Сергеев М. Е. Гонения Деция // *ВДИ.* — 1980. — № 1. — С. 171-176.
97. Слонимский М. М. Периодизация древней истории в советской историографии. — Воронеж, 1970. — 294 с.
98. Соколов В. С. Анонимные римские историки IV в. н. э. // *Вестник МГУ. Серия 9. История.* — 1963. — № 1. — С. 62-75.
99. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. — М.: Госполитиздат, 1945. — 652 с.
100. Стучевский И. А. Пальмира // *ВИ.* — 1970. — № 2. — С. 211-218.
101. Сюзюмов М. Я. К вопросу о феодализации в Римской империи // *ВДИ.* — 1955. — № 1. — С. 51-67.
102. Тарков П. Н. К вопросу о периодизации римской истории // *ВДИ.* — 1956. — № 4. — С. 130-138.
103. Тацит, Корнелий П. *Анналы* // *Соч. в 2-х т. Т. 1.* — Л.: Наука, 1969. — С. 7-326.
104. Тацит, Корнелий П. *История* // *Соч. в 2-х т. Т. 2.* — Л.: Наука, 1969. — С. 5-202.
105. Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. — М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935. — 288 с.
106. Февр Л. Бой за историю. Пер. с фр. — М.: Наука, 1991. — 629 с.
107. Федосик В. А. Церковь и государство. Критика богословских концепций. — Минск: Наука и техника, 1988. — 204 с.
108. Федосик В. А. Киприан и античное христианство. — Минск: Университетское, 1991. — 208 с.

109. Ферреро Г. Гибель античной цивилизации.: Пер. с фр. А. И. Казакова. — Киев; Лейпциг, 1923. — 121 с.
110. Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. — М.: Наука, 1987. — 524 с.
111. Фрай Р. К вопросу о падении Парфянского царства // ВДИ. — 1956. — № 4. — С. 113-119.
112. Хрестоматия по истории Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. — М.: Высшая школа, 1987. — 431 с.
113. Черноусов А. Е. Очерки по истории Римской империи 180-235 гг. Подготовка смуты III века. — Харьков, 1911. — 274 с.
114. Шабага И. Ю. Достоверность галльских панегириков (Сб. XII Panegyrici Latini) // Общество и государство в древности и средние века в странах Западной Европы. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — С. 36-47.
115. Шериль Р. И. Римское монетное дело. — Харьков, 1893. — 210 с.
116. Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата (I-III вв. н. э.). — М.: Наука, 1977. — 309 с.
117. Шифман И. Ш. Цезарь Август. — Л.: Наука, 1990. — 200 с.
118. Штаерман Е. М. Гонения на христиан в III в. // ВДИ. — 1940. — № 2. — С. 96-105.
119. Штаерман Е. М. Африканские восстания III века // ВДИ. — 1948. — № 2. — С. 65-74.
120. Штаерман Е. М. Отражение классовых противоречий II-III вв. в культе Геракла // ВДИ. — 1949. — № 2. — С. 60-72.
121. Штаерман Е. М. Рабство в III — IV вв. в западных провинциях Римской империи // ВДИ. — 1951. — № 2. — С. 84-105.
122. Штаерман Е. М. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. — 1952. — № 2. — С. 100-121.
123. Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. — 1953. — № 2. — С. 51-79.
124. Штаерман Е. М. "Scriptores historiae Augustae" как исторический источник // ВДИ. — 1957. — № 1. — С. 233-245.
125. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 512 с.
126. Штаерман Е. М. Кризис III в. в Римской империи // ВДИ. — 1977. — № 5. — С. 142-156.
127. Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. — М.: Наука, 1978. — 221 с.
128. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого способа производства // Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979. — Вып. 1. — С. 335-345.
129. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. — М., 1985. — Т. 1. — С. 22-105.
130. Целлер М. Римские государственные и правовые древности. Компендиум для студентов и учителей гимназий.: Пер. с нем. И. Семенова. — М., 1893. — 300 с.
131. Циркин Ю. Б. Кризис античного общества на территории Испании // Проблемы политической истории античного общества. — Л., 1985. — С. 152-171.

132. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. — М.: Госплитиздат, 1961. — С. 306-314.
133. Abbott F. F. A history and description of Roman political institutions. 3rd ed. — New York: Biblo and Tannen, 1963. — VIII, 451 p.
134. Abbott F. F., Johnson A. C. Municipal administration in the Roman empire. — Princeton: Princeton university press, 1926. — 599 p.
135. Alföldi A. Die römische Münzprägung und die historischen Ereignisse im Osten zwischen 260 und 270 n. Chr. // Berytus. — 1938. — Vol. V. — Fasc. I. — S. 47-91.
136. Alföldi A. La Grande Crise du Monde Romain au III-e siecle // L'Antiquite Classique. — 1938. — Т. 7. — P. 5-18.
137. Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1967. — 460 S.
138. Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreich. — Darmstadt, 1970. — XVIII, 323 S.
139. Alföldy G. Die Legionslegaten der römischen Rheinarmeen // Epigraphische Studien. 3. — Köln Graz: Bohlau Verlag, 1967. — 139 S.
140. Alföldy G. Septimius Severus und der Senat // Bonner Jahrbücher. — Bd. 168 (1968). — S. 112-160.
141. Alföldy G. Fasti Hispanienses. Senatorische Reichsbeamte und Offiziere in den spanischen Provinzen des römischen Reichs von Augustus bis Diokletian. — Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1969. — 335 S.
142. Alföldy G. Die Generalität des römischen Heeres // Bonner Jahrbücher. — Bd. 169 (1969). — S. 233-246.
143. Alföldy G. Noricum. — London; Boston: Routledge, 1974. — XXIV, 413 p.
144. Alföldy G. Historisches Bewusstsein während der Krise des 3. Jahrhunderts // Krisen in der Antike: Bewusstsein und Bewältigung / Hrsg. von G. Alföldy u. a. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. — S. 112-132.
145. Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. völlig überarb. Auflage. — Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1984. — 212 S.
146. Alföldy G. Die römische Gesellschaft: Ausgew. Beitr. — Stuttgart; Wiesbaden: Steiner-Verl., 1986. — 516 S.
147. Alföldy G. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962 — 1985. — Amsterdam: Verlag J. C. Gieben, 1987. — 575 S.
148. Alföldy G. Die Krise des Römischen Reiches: Geschichte, Geschichtsschreibung und Geschichtsbetrachtung. Ausgew. Beitr. — Stuttgart; Wiesbaden: Steiner — Verl., 1989. — 541 S.
149. Alston R. Roman military pay from Caesar to Diocletian // JRS. — Vol. 84 (1994). — P. 113-123.
150. Altheim F. Die Soldatenkaiser. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1939. — 304 S.
151. Altheim F. Die Krise der alten Welt im 3. Jahrhundert n. Zw. und ihre Ursachen. 3. Bd.: Gotter und Kaiser. — Berlin; Dahlem: Ahnenerbe-Stiftung Verlag, 1943. — 258 S.
152. Altheim F. Niedergang der alten Welt. Eine Untersuchung der Ursachen. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1952. — 1. Bd.: Die ausserrömische Welt. — 350 S.; 2. Bd.: Imperium Romanum. — 536 S.

153. Anderson J. G. C. The Genesis of Diocletian's provincial Re-organization // JRS. — Vol. 22 (1932). — P. 24-32.
154. Anderson P. Von der Antike zum Feudalismus: Spuren der Übergangsgesellschaften. — Frankfurt a. M., 1978. — 376 S.
155. L'annee epigraphique. Revue des publications epigraphiques relatives a l'antiquite romaine. — Paris: Presses universitaires de France, 1890-1989.
156. Arnheim M. T. W. The senatorial aristocracy in the later Roman empire. — Oxford: Clarendon press, 1972. — XIV, 246 p.
157. Arnold W. T. The Roman System of Provincial Administration to the Accession of Constantine the Great. — Oxford, 1906. — XVIII, 238 p.
158. Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Rinae subsequitur Epitome de Caesaribus / Recensuit Fr. Pichlmayr. — Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1966. — 226 p.
159. Barbieri G. L'Albo Senatorio da Settimio Severo a Carino (193-285). — Roma, 1952. — 794 p.
160. Barkoczi L. The Population of Pannonia from Marcus Aurelius to Diocletian // Acta Archeologica. — XVI. — fasc. 3-4. — 1964. — P. 257-356.
161. Barnes T. D. The new empire of Diocletian and Constantine. — Cambridge; London, 1982. — XIX, 305 p.
162. Beck H. — G. Konstantinopel — das neue Rom // Rom als Idee / Hrsg. von B. Kytzler. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. — S. 127-137.
163. Bengston H. Grundriss der römischen Geschichte (mit Quellenkunde). Bd. 1. — München: Beck, 1982. — 478 S.
164. Beranger J. Recherches sur l'aspect ideologique du principat. — Basel, 1953. — 318 p.
165. Van Berchem D. Armee de frontiere et armee de manoeuvre: alternative strategique ou politique? // Studien zu den Militärgrenzen Roms. II: Vorträge des 10. Internationalen Limeskongresses in der Germania inferior / Red. D. Haupt, H. G. Horn. — Köln, 1977. — S. 541-543.
166. Van Berchem D. L'armee de Diocletien et la reforme Constantinienne. — Paris, 1952. — 130 p.
167. Bernhardt Th. Geschichte Roms von Valerian bis zu Diokletians Tode (253-313 n. Chr.). 1. Abth.: Politische Geschichte des römischen Reiches von Valerian bis zu Diokletians Regierungsantritt. — Berlin, 1867. — XIV, 318 S.
168. Bernhart M. Handbuch zur Münzkunde der römischen Kaiserzeit. — Halle, 1926. — 1. Bd.: Textband. — 420 S.; 2. Bd.: Tafelband. — 38 S.
169. Besnier M. L'empire romain de l'avenement des Severes au concile de Nicee. — Paris, 1937. — 409 p.
170. Biegel G. Münzstätte Köln in der Zeit des Gallischen Sonderreiches // AuNdRW. Principat. 4. Bd. — Berlin; New York, 1975. — S. 751-762.
171. Birley A. R. The third century crisis in the Roman empire // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. — Vol. 58 (1975-76). — P. 253-281.

172. Birley A. R. The economic effects of roman frontier policy // *The Roman West in the Third Century: Contributions from Archeology and History* / Ed. by A. King and M. Henig. Part. 1. — Oxford, 1981. — P. 39-53.
173. Birley E. Roman Britain and the Roman Army. — Kendal, 1953. — X, 156 p.
174. Birley E. The Roman army: papers 1929 — 1986. — Amsterdam, 1988. — 457 p.
175. Blanchet A. Les tresors de monnaies romaines et les invasions germaniques au Gaule. — Paris, 1900. — X, 332 p.
176. Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Iohannes Zonaras. — München, 1992. — 415 c.
177. Bleicken J. Prinzipat und Dominat: Gedanken zur Periodisierung der Römischen Kaiserzeit. — Wiesbaden, 1978. — 30 S.
178. Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. 1-2. verbesserte Auflage. — Paderborn etc., 1981. — 352 S.
179. De Blois L. The policy of the emperor Gallienus. — Leiden, 1976. — 242 p.
180. Boack A. E. R. A history of Rome to 565 A. D. 3rd ed. — New York: MacMillan, 1945. — XIII, 552 p.
181. Le Bohec Y. Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin d. Gr. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. — 304 S.
182. Bolin S. State and currency in the Roman Empire to 300 A. D. — Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1958. — 357 p.
183. Bounegru O., Zaparade M. Les Forces Navales du Bas Danube et de la Mer Noire aux I-er — VI-e Siecles. — Oxford, 1996. — 124 p.
184. Brauer G. C. The Age of the Soldier Emperors: Imperial Rome, A. D. 244-284. — New Jersey, 1975. — X, 288 p.
185. Buckley B. Aeduan area in the third century // *The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 2* / Ed. By A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 287-315.
186. Von Bülow G. Die archäologischen Quellen zur Entwicklung der Villenwirtschaft // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert: Studien zu ausgewählten Problemen* / Hrsg. von K. — P. John. — Berlin, 1993. — S. 17-63.
187. Burckhardt J. Die Zeit Constantin's des Grossen. — Basel, 1853. — VII, 512 S.
188. Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. — Berlin; Stuttgart, 1905. — 294 S.
189. Bureth P. Les titulatures imperiales dans les papyrus, les ostraca et les inscriptions d'Egypte. (30 a. C. — 284 p. C.). — Bruxelles, 1964. — 131 p.
190. Calderini A. I Severi. La crisi dell'Impero nel III secolo. — Bologna: Licinio Cappelli editore, 1949. — 645 p.
191. Callu J. — P. La politique monetaire des empereurs romaines de 238 a 311. — Paris: Editions E. de Boccard, 1969. — 562 p.

192. Callu J. — P. Approches numismatiques de l'histoire du 3e. siècle (238-311) // *AuNdRW. Prinzipat*. 2. Bd. / Hrsg. von H. Temporini. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. — P. 594-613.
193. *The Cambridge Ancient History*. Vol. 12: The imperial crisis and recovery. A. D. 193-324 / Ed. by S. A. Cook a. oth. — Cambridge: At the university press, 1939. — 849 p.
194. Cameron A. Das späte Rom: 284 — 430 n. Chr. — München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994. — 265 S.
195. Campbell J. B. The Emperor and the Roman Army: 31 B. C. — A. D. 235. — Oxford: Clarendon press, 1984. — XIX, 468 p.
196. Cantineau J. Inventaire des inscriptions de Palmyre. — Fasc. III: La grande colonnade. — Beyrouth: Imprimerie Catholique, 1930. — 39 p.
197. Carratelli G. P. La crisi dell'impero nell'età di Gallieno // *La parola del passato*. — 1947. — Fasc. 4. — P. 48-73.
198. Carratelli G. P. *Res gestae divi Saporis* // *La parola del passato*. — 1947. — Fasc. 5. — P. 209-239.
199. Carrie J. — M. Eserciti e strategie // *Storia di Roma*. Vol. 3: L'età tardoantica. P. 1: Crisi e trasformazioni / G. Einaudi editore. — Torino, 1993. — P. 83-154.
200. Carson R. A. G. Principal coins of the romans. Vol. 2. The Principate. 31 B. C. — A. D. 296. — London; Wisbech, 1980. — 167 p.
201. Cary M. A history of the Rome down to the reign of Constantine. — London, 1935. — XVI, 820 p.
202. Casey P. J. Carausius and Allectus: The British Usurpers. — London, 1994. — 213 p.
203. Castritius H. Der römische Prinzipat als Republik. — Husum, 1982. — 12 S.
204. Cavenaile R. *Corpus papyrorum latinorum*. — Wiesbaden, 1956 — 1958. — XI, 444 S.
205. Cedrenus G. *Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkero suppletus et emendatus*. T. 1 — Bonnæ, 1838. — 802 p.; T. 2. — Bonnæ, 1839. — 1008 p.
206. Chastagnol A. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284 — 363). Paris: SEDES, 1982. — 394 p.
207. Chastagnol A. Le Sénat romain à l'époque impériale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. — Paris: Les belles lettres, 1992. — 484 p.
208. Chastagnol A. L'accentrarsi del sistema: la tetrarchia e Costantino // *Storia di Roma*. Vol. 3. L'età tardoantica. P. 1. Crisi e trasformazioni / Giulio Einaudi editore. — Torino, 1993. — p. 193-252.
209. Choix d'inscriptions de Palmyre / Traduites et commentées par J. — B. Chabot. — Paris: Imprimerie nationale, 1922. — 148 p.
210. Christ K. Römische Geschichte. Einf., Quellenkunde, Bibliogr. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. — XII, 335 S.
211. Christ K. The Romans. An introduction to their history and civilisation: Transl. from the german by Chr. Holme. — Berkley; Los Angeles: University of California press, 1984. — 294 p.
212. Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zu Konstantin. — München: Beck, 1988. — IX, 869 S.

213. Christol M. Les regnes de Valerien et de Gallien (253-268): travaux d'ensemble, questions chronologiques // *AuNdRW*. Bd. 2. Principat. — Berlin; New York, 1975. — P. 803-827.
214. Christol M. Les reformes de Gallien et la carriere senatoriale // *Tituli*. — 1982. — N 4. — P. 143-166.
215. Christol M. Essai sur l'evolution des carrieres senatoriales dans la seconde moitie du IIIe siecle ap. J. C. — Paris, 1986. — 354 p.
216. *Chronographus anni 354* // *Chronica minora*. Saec. IV, V, VI, VII. Vol. 1 / Edidit Th. Mommsen. — Berolini: Apud Weidmannos, 1892. — P. 13-148.
217. Cizek E. L'empereur Aurelien et son temps. — Paris, 1994. — 310 p.
218. *Codex Justinianus* / Recogn. P. Krueger. 6. Ed. ster. // *Corpus iuris civilis*. Vol. 2. — Berolini, 1895. — 513 p.
219. Cohen H. Description historique des Monnaies frappees sous l'Empire Romain communement appellees medailles imperiales. T. III. — Paris, 1883. — 426 p.; T. IV. — Paris, 1884. — 532 p.; T. V. — Paris, 1885. — 545 p.
220. Corbier M. Devaluations, inflation et circulation monetaire au IIIe siecle // *Hommes et richesses dans l'Empire Byzantin*. Tome 1: IVe — VIIe siecle. — Paris, 1989. — P. 195-211.
221. Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government A. D. 284-324. — Oxford: Clarendon Press, 1996. — 406 p.
222. *Corpus inscriptionum latinarum*. Vol. I — XV. — Berolini, 1863-1909.
223. Coutineau J. Inventaire des inscriptions de Palmyre. Fasc. 1: La grande colonnade. — Beyrouth, 1930. — 39 p.
224. Crawford M. Finance, coinage and money from the Severans to Constantine // *AuNdRW*. Bd. 2: Principat. — Berlin; New York, 1975. — S. 560-593.
225. Crees J. H. E. The Reign of the Emperor Probus. — London, 1911. — VI, 161 p.
226. Crevier. Histoire des empereurs romains depuis Auguste jusqu'a Constantin. T. 1 — 5. — Paris, 1750 - 1753.
227. Cunliffe B. Rome et son Empire. — Paris: Armand Colin, 1978. — 317 p.
228. Dahlheim W. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. — München, 1984. — 257 S.
229. Dahlheim W. Die Armee eines Weltreiches: Die römische Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // *Klio*. — Bd. 74 (1992). — S. 197-220.
230. Dannhäuser E. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Probus (276-282). — Jena, 1909. — 93 S.
231. Degrassi A. I fasti consolari dell'impero Romano dal 30 a. C. al 613 d. C. — Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1952. — 286 p.
232. Demandt A. Der spätrömische Militäradel // *Chiron*. — Bd. 10 (1980). — S. 609-639.
233. Demandt A. Die Spätantike: Römische Geschichte von Diocletian bis Justinian 284-565 n. Chr. — München: Beck, 1989. — XVIII, 612 S.
234. Demandt A. Die westgermanischen Stammesbünde // *Klio*. — Bd. 75 (1993). — S. 387-406.

235. Demandt A. Antike Staatsformen: Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. — Berlin: Akademie Verlag, 1995. — 672 S.
236. Demandt A. Der Idealstaat. Die politischen Theorien der Antike. — Köln; Weimar; Wien: Bohlau, 1993. — 477 S.
237. Demougeot E. La formation de l'Europe et les invasions barbares. P. 1: Des origines germaniques à l'avènement de Diocletien. — Paris: Aubier, 1969. — 615 p.
238. Dexippi Fragmenta // Historici Graeci minores. Vol. 1 / Ed. L. Dindorfius. — Lipsiae, 1870. — P. 165-200.
239. Die römischen Kaiser: 55 historische Portraits von Caesar bis Justinian / Hrsg. von M. Clauss. — München: Verlag G. H. Beck, 1997. — 501 S.
240. Digesta / Recognovit Th. Mommsen // Corpus iuris civilis / Ed. stereotypa 8. Vol. I. — Berolini apud Weidmannos, 1899. — 882 p.
241. Dio's Roman history / With an english transl. by E. Cary. In 9 vol. Vol. 9. — London etc., 1955. — 572 p.
242. Dietz K. — H. Senatus contra principem. Untersuchungen zur senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Thrax. — München: Beck, 1980. — XXV, 421 S.
243. Dionis continuatio // Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. 4 / Editore A. Firmin Didot, 1885. — P. 192-199.
244. Dittenberger G. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Vol. I — IV. — Lipsiae, 1915-1924.
245. Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry. From the First to the Third Century A. D. — London, 1992. — 256 p.
246. Dobo A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus: Die provinzielle Verwaltung. — Amsterdam, 1968. — 201 S.
247. Von Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. — Bonn, 1908. — V, 275 S.
248. Von Domaszewski A. Geschichte der römischen Kaiser. 2. Bd. — Leipzig, 1909. — 328 S.
249. Doyle M. W. Empires. — Ithaca; London: Cornell, 1986. — 407 p.
250. Drinkwater J. F. Roman Gaul: The three provinces, 58 BC — AD 260. — Ithaca (N. Y.): Cornell univ. press, 1983. — X, 256 p.
251. Drinkwater J. F. The Gallic empire: Separatism and continuity in the North — West. Provinces of the Roman empire A. D. 260-274. — Stuttgart: Steiner, 1987. — 276 p.
252. Duncan — Jones R. P. Pay and Numbers in Diocletian's Army // Chiron. — Bd. 8 (1978). — P. 541 - 560.
253. XII Panegyrici latini / Ed. A. Bachreus. — Lipsiae, 1574. — 326 p.
254. Durliat J. Qu'est-ce que le Bas-Empire? A propos de trois ouvrages récents // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. — Bd. 16/1 (1989). — P. 137-154.
255. Duruy V. Histoire des romaines. Tome 6. — Paris, 1879. — 438 p.
256. E libris Dexippi Atheniensis. De bellis Scythicis. Excerpta de legationibus gentium ad romanos // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars 1. — Bonnae, 1829. — P. 11-29.
257. Elbern S. Usurpation im spätrömischen Reich. — Bonn, 1984. — 255 S.

258. Elmer G. Die Münzprägung der gallischen Kaiser in Köln, Trier und Mailand // *Bonner Jahrbücher*. — Hf. 146 (1941). — S. 1-106.
259. Ensslin W. Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. — München, 1943. — 134 S.
260. Eunapii historiae fragmenta e Suida // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Pars 1. — Romae, 1829. — P. 99-100.
261. Eusebius. *Chronicorum canonum libri duo*. — Mediolani, 1818. — 396 p.
262. Eusebius Hieronimus. *Chronicon* // *Eusebius Werke*. Bd. 7 / Hrsg. von R. Helm. — Berlin: Akademie — Verlag, 1956. — LII, 455 p.
263. Eusebii Pamphili ecclesiastica historia / H. Valesio interprete. — Moguntiae, MDLXXII. — 665 p.
264. Eutropii Breviarium ab urbe condita / Recogn. F. Ruehl. — Lipsiae, MCMII. — 90 p.
265. Fears J. R. Princeps a diis electus. The Divine Election of the Emperor as a Political Concept at Rome. — Rom, 1977. — XXIII, 351 p.
266. Fears J. R. The Cult of Jupiter and Roman Ideology // *AuNdRW*. 2. Prinzipat. Bd. 17, 1. — Berlin; New York, 1981. — P. 3-141.
267. Fentress E. African building: money, politics and crisis in Anzia // *The Roman West in the Third Century ... Part 1*, 1981. — P. 199-210.
268. Ferrero G., Barbagallo C. Das alte Rom. — Stuttgart, 1927. — 875 S.
269. Firth J. B. Constantine the Great: the reorganisation of the empire and the triumph of the church. — Freeport; New York, 1971. — 368 p.
270. Fischer H. Zu Problemen von Stadt und Stadtentwicklung im Römischen Reich während des 3. Jahrhunderts // *Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert* / Hrsg. von K. — P. John. — Berlin, 1993. — S. 135-185.
271. Fittschen K. Die Krise des 3. Jahrhunderts n. Chr. im Spiegel der Kunst // *Krisen in der Antike: Bewusstsein und Bewältigung* / Hrsg. von G. Alföldy u. a. — Düsseldorf, 1975. — S. 133 — 144.
272. Fitz J. Legati legionum Pannoniae superioris // *AAASH*. — 1961. — T. 9. — Fasc. 1-2. — P. 170-187.
273. Fitz J. *Ingenius et Regalia* // *Collection Latomus*. Vol. LXXXI. — Bruxelles; Berchem, 1966. — 72 p.
274. Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // *Studien zu den Militärgrenzen Roms. Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland*. — Köln; Graz, 1967. — S. 113-121.
275. Fitz J. Der Geldumlauf der römischen Provinzen im Donaugebiet Mitte des 3. Jahrhunderts. — Budapest; Bonn, 1978. — 945 S.
276. Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193 — 284). — Budapest, 1982. — 86 S.
277. Fitz J. Honorific titles of Roman military units in the 3rd century. — Budapest; Bonn, 1983. — 327 p.
278. Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. — Milano; Roma, 1953. — 244 p.
279. Forni G. *Esercito e marina di Roma antica. Raccolta di contributi*. — Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1992. — 449 p.
280. Von Fritz K. *Schriften zur griechischen und römischen Verfassungsgeschichte und Verfassungstheorie*. — Berlin; New York, 1976. — 622 S.

281. Fuhrmann M. Rom in der Spätantike: Porträt einer Epoche. — München; Zürich: Artemis and Winkler, 1994. — 461 S.
282. Gage J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. — Paris, 1971. — 501 p.
283. Gallion P. Western Gaul in the third century // The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 2 / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 259-286.
284. Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. — New York, 1970. — 320 p.
285. Garnsey P., Saller R. The Roman Empire: Economy, Society and Culture. — London: Duckworth, 1987. — 231 p.
286. Γεωργιον Συνκελλον Εκλογη χρονογραφιας // Georgius Syncellus. Opera / Ex recensione G. Dindorfii. — Bonnae, 1829. — Vol. 1. — 788 p.; Vol. 2. — 595 p.
287. Gesche H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation // Chiron. — Bd. 8 (1978). — S. 377-390.
288. Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert: Studien zu ausgewählten Problemen / Hrsg. von K. — P. Johne. — Berlin: Akademie Verlag, 1993. — 403 S.
289. Grant M. Roman imperial money. — London etc, 1954. — 324 p.
290. Grant M. The Climax of Rome: The final achievements of the Ancient world A. D. 161-337. — London: Weidenfeld and Nicolson, 1968. — XVIII, 299 p.
291. Grant M. Greek and Latin authors, 800 B. C. — A. D. 1000. — New York: Wilson, 1980. — XIV, 490 p.
292. Grosse R. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. — Berlin, 1920. — XV, 346 S.
293. Hahn L. Das Kaisertum. — Leipzig, 1913.
294. Halfmann H. Itinera principum: Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich. — Wiesbaden; Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1986. — 271 S.
295. Hammond M. The Composition of the Senate, A. D. 68 — 235 // JRS. — Vol. 47 (1957). — P. 74-81.
296. Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III. Jh. n. Chr.). — Frankfurt a. M.; Bern: H. Lang, 1982. — 246 S.
297. Hasebroek J. Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Septimius Severus. — Heidelberg, 1921. — 201 S.
298. Hatt J. J. Histoire de la Gaule Romaine (120 avant J. — C. — 451 apres J. — C.): Colonisation ou colonialisme? — Paris: Payot, 1966. — 405 p.
299. Heichelheim F. M., Yeo C. History of the Roman people. — New Jersey, 1962. — 480 p.
300. Heinen H. Trier und das Trevererland in römischer Zeit. — Trier: Speer-Verlag, 1985. — 468 S.
301. Held W. Die Vertiefung der allgemeinen Krise im Westen des Römischen Reiches. — Berlin, 1974. — 247 S.

302. Herodianus ab excessu divi Marci libri octo / Edidit Curt. Stavenhagen. Editio stereotypa editionis primae (MCMXXII). — Stutgardiae in aedibus B. G. Teubneri, 1967. — 235 p.
303. Hertzberg G. F. Geschichte des römischen Kaiserreiches. — Berlin, 1880. — 892 S.
304. Hirschfeld O. Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diocletian. — Berlin, 1905. — 514 S.
305. Homo L. Essai sur le regne de l'empereur Aurelien (270-275). — Paris, 1904. — 390 p.
306. Homo L. De Claudio Gothico, romanorum imperatore (268-270). — Lutetiae Parisiorum, 1908. — 118 p.
307. Homo L. L'Empereur Gallien et la Crise de l'Empire Romaine au IIIe Siecle // Revue Historique. — CXIII (May — August 1913). — P. 1-22, 225-267.
308. Homo L. Les institutions politiques romaines. — Paris, 1927. — XVI, 471 p.
309. Hosek R. Die religiösen Vorstellungen des römischen Heeres an der Donau im 3. Jh. // Krise — Krisenbewusstsein — Krisenbewältigung: Ideologie und geistige Kultur im Imperium Romanum während des 3. Jahrhunderts. Konferenzvorträge. — Halle (Saale), 1988. — S. 33-38.
310. Howe L. L. The Praetorian prefect from Commodus to Diocletian (A. D. 180 - 305). — Chicago; Illinois: The University of Chicago press, 1942. — XIII, 141 p.
311. Ichikawa M. The Roman Army and the Crisis of the Third Century A. D. // Kodai. — 1992. — N 3. — P. 45-55.
312. Ideologie und Herrschaft in der Antike / Hrsg. von H. Klotz. — Darmstadt, 1979. — 515 S.
313. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. T. 3 / Ed. R. Cagnat. — Paris: Ernest Leroux, 1906. — 694 p.
314. Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. — Berolini, apud Weidmannos.: Vol. I. — 1892. — 580 p.; Vol. II. Pars 1. — 1902. — 736 p.; Vol. II. Pars 2. — 1906. — P. 737-1040; Vol. III. — 1914. — 600 p.
315. Jacques F. L'ordine senatorio attraverso la crisi del III secolo // Società Romana e impero tardoantico. Vol. 1: Istituzioni, ceti, economie / A cura di A. Giardina. — Editore Laterza, 1986. — P. 81-225.
316. Jahn J. Zur Entwicklung römischer Soldzahlungen von Augustus bis auf Diocletian // Studien zu den Fundmünzen der Antike. — 2 (1984). — S. 53 — 68.
317. John K. — P. Kaiser, Senat und Ritterstand // Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert / Hrsg. von K. — P. John. — Berlin: Akademie Verlag, 1993. — S. 187 - 244.
318. Jones A. H. M. Studies in roman government and law. — Oxford: Basil Blackwell, 1960. — 243 p.
319. Jones A. H. M. The Decline of Ancient World. — London: Longmans, Green and co, 1966. — VIII, 414 p.
320. Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284 — 602. A social, economic and administrative survey. Vol. 1. — Oxford: Basil Blackwell, 1973. — 766 p.

321. Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The prosopography of the Later Roman empire. Vol. 1. A. D. 260 — 365. — Cambridge, 1971. — XXII, 1152 p.
322. Jullian C. Histoire de la Gaule. Pars 4. — Paris, 1920. — 622 p.
323. Julien Ch. — A. Histoire de l'Afrique du nord. Tunisie — Algerie — Maroc. Des origines a la conquete arabe (647 Ap. J. — C.). — Paris, 1951. — 333 p.
324. Justiniani Digesta / Recogn. Th. Mommsen // Corpus iuris civilis. Editio stereotypa octava. Vol. I. — Berolini, apud Weidmannos, 1899. — 882 p.
325. Keppie L. The Making of the Roman Army: From Republic to Empire. — New Jersey, 1984.
326. Kienast D. Der augusteische Prinzipat als Rechtsordnung // Zeitschrift für Rechtsgeschichte (romanistische Abteilung). — Bd. 101 (1984). — S. 115-141.
327. Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit. — Bonn: R. Habelt Verlag, 1986. — 188 S.
328. Kienast D. Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. — 376 S.
329. King A. Roman Gaul and Germany. — Berkeley etc.: Univ. of California press, 1990. — 240 p.
330. Koder J. Zu den Folgen der Gründung einer zweiten Reichshauptstadt an der "Peripherie" des Römischen Reiches am Übergang von der Antike zur Mittelalter // Südostforschungen. — Bd. 48. — München, 1989. — S. 1-18.
331. Kolb F. Der Aufstand der Provinz Africa Proconsularis im Jahr 238 n. Chr. // Historia. — Bd. 26 (1977). — S. 440-478.
332. Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte im Römischen Reich des 3. Jahrhunderts n. Chr. // Bonner Festgabe Johannes Straub / Hrsg. von A. Lippold, N. Himmelmann. — Bonn, 1977. — S. 277-295.
333. Kolb F. Diocletian und die Erste Tetrarchie: Improvisation oder Experiment in der Organisation monarchischer Herrschaft? — Berlin; New York: De Gruyter, 1987. — 205 S.
334. Kolb F. Rom. Die Geschichte der Stadt in der Antike. — München: G. H. Beck Verlag, 1995. — 783 S.
335. König I. Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. — München: Beck, 1981. — XIII, 237 S.
336. Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung im Imperium Romanum. — Leipzig; Berlin: Teubner, 1930. — 209 S.
337. Kotula T. U zrodle afrykanskiego separatyzmu w III w. n. e. — Wrocław, 1961. — 134 S.
338. Kotula T. Trzeci wiek cesarstwa rzymskiego — kryzys czy przemiany? // Meander. — 1987. — N 4-5. — S. 229-236.
339. Kotula T. Les grands domaines et l'esclavage face a la "crise du IIIe siecle" // Eos. — LXXIX (1991). — P. 71 - 83.
340. Kotula T. Kryzys III wieku w zachodnich prowincjach cesarstwa rzymskiego. — Wrocław: Wyd. Univ. Wroclawskiego, 1992. — 189 s.
341. Kraus J.-U., Milonopoulos J., Cengia R. Schichten, Konflikte, religiöse Gruppen, materielle Kultur. — Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1998. — 876 S.

342. Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise. Die Regierungszeit der römischen Kaiser Valerianus und Gallienus (253-268 n. Chr.). — Bochum, 1979. — 92 S.
343. Kuhoff W. Felicio Augusto melior Traiano: Aspekte der Selbstdarstellung der römischen Kaiser während der Prinzipatszeit. — Frankfurt a. M. etc., 1993. — 373 S.
344. Lactantius Lucius Caelius Firmianus. De mortibus persecutorum / Cum notis S. Baluzii. — Broedelet, 1693. — 307+464 p.
345. Lafaurie J. L'empire Gaulois. Apport de la numismatique // *AuNdRW. Principat*. 2. Bd. — Berlin; New York, 1975. — P. 853-1012.
346. Lambrechts P. La Composition du Senat romain de Septime Severe a Diocletien (193-284). — Budapest, 1937. — 130 p.
347. Lecrivain Ch. Le Senat romain depuis Diocletien a Rome et a Constantinople. — Paris, 1888. — 237 p.
348. De Legibus L. La storia dell'Impero Romano nel terzo secolo. — Genova, 1963.
349. Lehmann K. F. W. Kaiser Gordian III. — Berlin, 1911. — 90 S.
350. Leonis Grammatici Chronographia // *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* / Editio B. G. Nieburii. — Bonn, 1842. — P. 1-131.
351. Levi M. A. L'impero romano dalla battaglia di Azio alla morte di Teodosio I. — Torino, 1973. — 675 p.
352. Levick B. The government of the Roman empire: A sourcebook. — London; Sydney: Croom Helm, 1935. — XXV, 260 p.
353. Liebenam W. Forschungen zur Verwaltungsgeschichte. I. Bd.: Legaten in den römischen Provinzen. — Leipzig, 1888. — 482 S.
354. Liebeschuetz J. H. G. W. From Diocletian to the Arab Conquest: Change in the Late Roman Empire. — Great Yarmouth Norfolk, 1990. — 474 p.
355. Lippold A. Kaiser Claudius II (Gothicus). Vorfahr Konstantins des Grossen und römische Senat // *Klio*. — Bd. 74 (1992). — S. 380-394.
356. MacCormack S. Change and Continuity in Late Antiquity: the Ceremony of Adventus // *Historia* (Wiesbaden). — Bd. 21 (1972). — P. 721-752.
357. MacMullen R. Soldier and Civilian in the later Roman empire. — Cambridge; Massachusetts: Harvard university press, 1963. — 217 p.
358. MacMullen R. Roman government's response to crisis. A. D. 235-337. — New Haven; London: Yale university press, 1976. — 308 p.
359. MacMullen R. Corruption and the decline of Rome. — New Haven, 1988. — 319 p.
360. Malala Ioannes. Chronographia / Ex recensione L. Dindorfii. — Bonn, 1831. — 796 p.
361. Manni E. L'impero di Gallieno. Contributo alla storia del III secolo. — Roma: Angelo Signorelli editore, 1949. — 116 p.
362. Marquardt K. J. Römische Staatsverwaltung. Bd. I-III. — Leipzig, 1873 — 1885.
363. Martin J. P. Providentia Deorum. — 1982. — 501 p.
364. Masi F. Diocleziano (biografia dell'ultimo grande imperatore romano). — Roma: Edizioni Italiane di Letteratura e Scienze, 1991. — 136 p.
365. Mattingly H. Roman coins. From the earliest times to the fall of the Western Empire. — London: Methuen, 1962. — XIV, 303 p.

366. Maxfield V. A. *The Military Decorations of the Roman Army*. — London: B. P. Botsford LTD, 1981. — 304 p.
367. Mazza M. *Lotte sociali e restaurazione autoritaria nel 3 secolo d. C.* — Roma; Bari: Laterza, 1973. — VIII, 714 p.
368. Merivale Ch. *History of the Romans under the Empire*. Vol. I-VII. — New York, 1852-1862.
369. Meyer E. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. — Zürich: Stuttgart: Artemis Verlag, 1964. — 578 S.
370. Millar F. *A Study of Cassius Dio*. — Oxford, 1964. — XIV, 239 p.
371. Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 B. C. — A. D. 337)*. — Ithaca; New York: Cornell university press, 1977. — XVI, 657 p.
372. Mocsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. — London; Boston, 1974. — XXI, 453 p.
373. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. — Leipzig, 1888: Bd. I. — XXVI, 708 S.; Bd. II. — XV, 1171 S.; Bd. III. — XVIII, 832 S.
374. Mommsen Th. *Abriss des römischen Staatsrechts. Neue ungekürzte Ausgabe*. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. — 303 S.
375. Moreau J. *Krise und Verfall // Moreau J. Scripta minora / Hrsg. von W. Schmitthenner*. — Heidelberg, 1964. — S. 26-41.
376. Mrozek S. *Przyczynki do zagadnienia kryzysu finansowego w cesarstwie rzymskim w III w. n. e. // Przegląd historyczny*. — 1968. — Tom 59. — N 3. — S. 470-480.
377. Nilsson M. P. *Imperial Rome*. — New York; Schocken, 1962. — X, 372 p.
378. Oliva P. *Pannonia and the onset of crisis in the Roman empire*. — Praha, 1962. — 420 p.
379. Orosii Pauli *Historiarum adversum paganos libri VII*. — Vindobonae, 1882. — 819 p.
380. Osier J. *The Emergence of Third-Century Equestrian Military Commanders // Latomus*. — Vol. 36 (1977). — P. 674-687.
381. *The Oxford history of the classical world / Ed. J. Boardman*. — Oxford; New York, 1987. — 882 p.
382. *The Oxyrhynchus Papyri*. Vol. 1-27. — London, 1898 — 1962.
383. Pareti L. *Storia di Roma e del mondo romano*. T. 5: *Da Vespasiano a Decio (69-251 d. C.)*. — Torino, 1960. — 727 p.; T. 6: *Da Decio a Costantino (251-337 d. C.)*. — Torino, 1961. — 648 p.
384. Parker H. M. D. *The Legions of Diocletian and Constantine // JRS*. — Vol. 23 (1933). — P. 175-189.
385. Parker H. M. D. *A History of the Roman World from A. D. 138 to 337*. — London: Methuen et co. LTD, 1935. — XII, 402 p.
386. Parson P. J. *A proclamation of Vaballathus? // Chronique d'Egypte*. — 1967. — T. XLII. — N 83-84. — P. 397-418.
387. Petit P. *Histoire generale de l'Empire Romain*. — Paris, 1974. — 800 p.
388. *Petri Patricii et magistri excerpta de legationibus gentium ad Romanos // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Pars 1*. — Bonnae, 1829. — P. 124-129.
389. *Petri Patricii Fragmenta // Fragmenta Historicorum Graecorum*. Vol. 4 / Editore A. Firmin Didot. — Parisiis, 1885. — P. 181-199.

390. Von Petrikovits H. Beiträge zur römischen Geschichte und Archäologie. 1931 bis 1974. — Bonn, 1976. — 667 S.
391. Pflaum H. G. Zur Reform des Kaisers Gallienus // *Historia*. — Bd. 25/1 (1976). — S. 109-117.
392. Polverini L. Da Aureliano a Diocleziano // *AuNdRW*. 2. Bd. — Berlin; New York, 1975. — P. 1013-1035.
393. Potter D. S. Prophecy and history in the crisis of the Roman empire: A Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle. — Oxford: Clarendon press, 1990. — XIX, 443 p.
394. Von Premerstein A. Vom Werden und Wesen des Prinzipats. — München, 1937. — 290 S.
395. Preuss Th. Kaiser Diocletian und seine Zeit. — Leipzig, 1869. — 182 S.
396. Von Ranke L. Vorrede zur "Weltgeschichte" // Über das Studium der Alten Geschichte/ Hrsg. von W. Nippel. — München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. — S. 180 — 184.
397. Reece R. The third century: crisis or change? // *The Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 1* / Ed. by A. Ring and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 27-38.
398. Reece R. Coinage and currency in the third century // *Roman West in the Third Century. Contributions from Archeology and History. Part 1* / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 79-88.
399. De Regibus L. La Monarchia militare di Gallieno. — Recco: Nicolo, 1939. — 127 p.
400. Reinhold M. Usurpation of status and status symbols in the Roman Empire // *Historia*. — 1971. — Bd. 20. — Hf. 1-6. — P. 275-302.
401. Remondón R. La crise de l'Empire Romain. De Marc — Aurele a Anastase. — Paris: Presses universitaires de France, 1964. — 363 p.
402. Remy B. Les fastes senatoriaux des provinces romaines d'Anatolie au Haut-Empire (31 av. J. — C. — 284 ap. J. — C.): Pont-Bithynie, Galatie, Cappadoce, Lycie-Pamphylie et Cilicie. — Paris: Ed. Recherche sur les civilisations, 1988. — VI, 428 p.
403. Ridley R. T. History of Rome: a documented analysis. — Roma, 1987. — 696 p.
404. Ritterling. *Legio* // *RE*. 23. Hbbd. — Stuttgart, 1924. — Col. 1186-1327; 24. Hbbd. — Stuttgart, 1925. — Col. 1329-1829.
405. Robertson A. S. Roman imperial coins in the Hunter coin cabinet university of Glasgow. Vol. 3: Pertinax to Aemilian. — London; Glasgow; New York: Oxford university press, 1977. — CXIII, 325 p.; Vol. 4: Valerian to Allectus. — London; Glasgow; New York: Oxford university press, 1978. — CCXVI, 340 p.
406. The Roman imperial coinage / Edited by H. Mattingly and E. Sydenham. Vol. IV. P. 2. — London, 1932. — 215 p.; Vol. IV. P. 3. — London, 1949. — 246 p.; Vol. V. P. 1. — London, 1927. — 424 p.; Vol. V. P. 2. — London, 1933. — 701 p.
407. Die Römer an Rhein und Donau. Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung der römischen Provinzen an Rhein, Mosel und oberer Donau im III. und IV. Jahrhundert. — Berlin: Akademie Verlag, 1975. — 517 S.

408. Römischer Kaiserkult / Hrsg. von A. Weisok. — Darmstadt, 1978. — X, 556 S.
409. Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman Empire. 2nd ed. Vol. 1. — Oxford: At the Clarendon press, 1957. — XXI, 541 p.
410. Roth J. The Size and Organisation of the Roman imperial Legion // *Historia* (Wiesbaden). — Bd. 43 (1994). — P. 346 - 362.
411. Rouge J. Les institutions romaines de la Rome royale a la Rome chretienne. — Paris: Libr. Colin, 1969. — 320 p.
412. Sander E. Das Recht des römischen Soldaten // *Rheinisches Museum für Philologie*. — Bd. 101 (1958). — Hf. 2. — S. 152-191; Hf. 3. — S. 193-234.
413. Scheidel W. Dokument und Kontext: Aspekte der historischen Interpretation epigraphischer Quellen am Beispiel der "Krise des dritten Jahrhunderts" // *Riv. Stor. Ant.* — 21 (1991). — P. 145-164.
414. Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats, Kriegs und Privataltertümer. — München, 1893. — 478 S.
415. Schonpflug U. Krise // *Historisches Wörterbuch der Philosophie*. Bd. 4 / Hrsg. von J. Ritter und K. Grunder. — Darmstadt, 1976. — S. 1235-1245.
416. Schulz O. Th. Das Wesen des römischen Kaisertums der ersten zwei Jahrhunderte. — Paderborn, 1916. — 94 S.
417. Schulz O. Th. Vom Prinzipat zum Dominat. — Paderborn, 1919. — 304 S.
418. *Scriptores historiae Augustae* / Ed. E. Hohl. — Lipsiae: Teubner, 1965. Vol. I. — 310 p.; Vol. II. — 308 p.
419. Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt: In 6 Bde. Bd. I. — Berlin, 1897. — 607 S.; Bd. II. — Berlin, 1901. — 456 S.
420. Seston W. Du "comitatus" de Diocletien aux "comitatenses" de Constantin // *Seston W. Scripta varia*. — Rome, 1980. — P. 483-495.
421. Seston W. Diocletien et la tetrarchie. Vol. I. — Paris, 1946. — 398 p.
422. Seyfarth W. Römische Geschichte: Kaiserzeit. Bd. 1. — Berlin: Akademie Verlag, 1974. — 329 S.
423. Shahid I. Rome and the Arabs: A prolegomenon to the Study of Byzantium and the Arabs. — Washington, 1984. — 193 p.
424. Silvestrini M. Il potere imperiale da Severo Alessandro ad Aureliano // *Storia di Roma*. Vol. 3: L'eta tardoantica. 1. Crisi e trasformazioni / G. Einaudi editore. — Torino, 1993. — P. 155-191.
425. Simonde de Sismondi J. C. L. Histoire de la chute de l'Empire Romain et du declin de la civilisation, de l'an 250 a l'an 1000. T. 1. — Paris, 1835. — 440 p.
426. Smith R. E. The Army Reforms of Septimius Severus // *Historia* (Wiesbaden). — Bd. 21 (1972). — P. 481-499.
427. Sotgiu G. Treboniano Gallo Ostiliano Volusiano Emilio (1960 — 1971) // *AuNdRW. Prinzipat*. 2. Bd. / Hrsg von H. Temporini. — Berlin; New York, 1975. — P. 798-802.
428. Sotgiu G. Aureliano (1960 — 1972) // *AuNdRW. Prinzipat*. 2. Bd. / Hrsg. Von H. Temporini. — Berlin; New York, 1975. — P. 1039-1061.

429. Speidel M. Roman army pay scales // JRS. — Vol. 82 (1992). — P. 87-106.
430. Speidel M. Roman Army Studies. Vol. 2. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. — 430 p.
431. Stade K. Der Politiker Diokletian und die letzte grosse Christenverfolgung. — Wiesbaden, 1926. — 190 S.
432. Stark F. Rome on the Euphrates. The story of a frontier. — New York, 1966. — XI, 481 p.
433. Starr C. G. The Roman Empire, 27 B. C. — A. D. 476: A study in survival. — New York; Oxford, 1982. — 206 p.
434. Stein A. Der römische Ritterstand. — München, 1927. — 564 S.
435. Stein A. Die Präfecten von Agypten in der römischen Kaiserzeit. — Wien, 1950. — 248 S.
436. Storia di Roma. Vol. 3 / G. Einaudi editore. — Torino, 1993. — 1128 p.
437. Straub J. Regeneratio imperii. Aufsätze über Roms Kaisertum und Reich im Spiegel der heidnischen und christlichen Publizistik. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. — 496 S.
438. Strobel K. Das Imperium Romanum im "3. Jahrhundert". Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr. — Stuttgart, 1993. — 408 S.
439. Sutherland C. H. V. Monnaies romaines. — Fribourg: Office du Livre, 1974. — 310 p.
440. Swain S. Macrianus as the "Well-Horned Stag" in the Thirteenth Sibylline Oracle // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1992. — Vol. 33. — N 4. — P. 375-382.
441. Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. — Oxford: At the Clarendon press, 1968. — VIII, 238 p.
442. Talbert R. J. A. The Senate of Imperial Rome. — Princeton (New York): Princeton university press, 1984. — XVII, 583 p.
443. Thebert Y. L'évolution urbaine dans les provinces orientales de l'Afrique romaine tardive // Opus. — 1983. — N 2. — P. 99-130.
444. Thierry A. Histoire de la Gaule sous l'administration romaine. 2e tome. — Paris, 1847. — 490 p.
445. Thomasson B. E. Zur Verwaltungsgeschichte der römischen Provinzen Nordafrikas (Proconsularis, Numidia, Mauretania) // AuNdRW. Prinzipat. Bd. II. 10. 2 / Hrsg. H. Temporini. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982. — S. 3-61.
446. De Tillemont S. L. Histoire des empereurs et des autres princes, qui ont regné durant les six premiers siècles de l'église. P. 1-6. — Paris, 1690 — 1738.
447. Unruh F. Das Bild des Imperium Romanum im Spiegel der Literatur an der Wende vom 2. zum 3. Jh. n. Chr. — Bonn, 1991. — 199 S.
448. Vitucci G. L'imperatore Probo. — Roma: Signorelli, 1952. — VIII, 161 p.
449. Vogelstein M. Kaiseridee — Romidee und das Verhältnis von Staat und Reiche seit Constantin. — Breslau, 1930. — 128 S.
450. Wachter J. The Roman Empire. — London; Melbourn: J. M. Dent and Sons Ltd., 1987. — 314 p.

451. Walker S. The third century in the Lyon region // *The Roman West in the Third Century. Contributions from Archaeology and History. Part 2* / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 317-342.
452. Walser G., Pekary Th. Die Krise des römischen Reiches. Bericht über die Forschungen zur Geschichte des 3. Jahrhunderts (193 — 284 n. Chr.) von 1939 bis 1959. — Berlin: De Gruyter, 1962. — XI, 146 S.
453. Wassink A. Inflation and financial policy under the Roman empire to the price edict of 301 A. D. // *Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte* (Stuttgart). — Bd. XL (1991). — S. 465-467.
454. Watson G. R. The Pay of the Roman Army. The Auxiliary Forces // *Historia* (Wiesbaden). — 1959. — Bd. 8. — Hf. 3. — P. 372-378.
455. Weber V. Zum Problem des Niedergangs der Munizipalaristokratie im 3. Jh. n. Chr. // *Listy filologicke*. — Bd. 114 (1991). — S. 150-155.
456. Webster G. The history and archeology of roman Britain in the third century // *The Roman West in the Third Century. Contributions from Archaeology and History. Part 2* / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 343-351.
457. Wierschowski L. Die historische Demographie — ein Schlüssel zur Geschichte? Bevölkerungsrückgang und Krise des Römischen Reiches im 3. Jh. n. Chr. // *Klio*. — Bd. 76 (1994). — S. 355-380.
458. Wilcken U., Mitteis L. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde. — Hildesheim; Olms, 1963. Bd. 1. — XXII, 437 S.; Bd. 1. — Hälfte 2. — 579 S.
459. Wilkes J. J. The Illyrian provinces: external threat and internal change // *The Roman West in the Third Century. Contributions from Archaeology and History. Part 2* / Ed. by A. King and M. Henig. — Oxford, 1981. — P. 515-524.
460. Williams S. Diocletian and the Roman Recovery. — London, 1985. — 264 p.
461. Willeumier P. Inscriptions latines des Trois Gaules. — Paris, 1963. — 256 p.
462. Xavier L. Chronologie du regne de Philippe l'Arabe (244-249 apres J. C.) // *AuNdRW. Prinzipat*. 2. Bd. / Hrsg. von H. Temporini. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. — P. 788-797.
463. Xavier L. Les premiers annees de la grande crise du IIIe siecle: De l'avenement de Maximin le Thrace (235) a la mort de Gordien III (244) // *AuNdRW. Prinzipat*. 2. Bd. / Hrsg. von H. Temporini. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. — P. 657-787.
464. Zonara I. Ioannis Zonarae Annales / Ex recensione Mauricii Pinderi. T. I. — Bonnae, 1841. — 581 p.; T. II. — Bonnae, 1844. — 647 p.
465. Zosime Histoire nouvelle. Tome 1 (Livres 1 et 2) / Texte etabli et traduit par F. Paschoud. — Paris, 1971. — 264 p.

Список сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ПИШ	— Преподавание истории в школе
AAASH	— Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AE	— L'Année Epigraphique
Amm. Marc.	— Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri quae supersunt. Vol. 1 — 2. - Lipsiae, 1874 — 1875.
AuNdRW	— Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. - Berlin; New York, 1975 ff.
Aur. Vict. De Caes.	— Sexti Aurelii Victori Liber de Caesaribus. - Lipsiae, 1966.
Cedren.	— Georgii Cedreni Compendium historiarum — Venetiis, 1729.
CIG	— Corpus inscriptionum graecarum
CIL	— Corpus inscriptionum latinarum
CIS	— Corpus inscriptionum semiticarum
Dexipp. De bell. Scyth.	— Dexippus De bello Scythico // Historici graeci minores. Vol. 1. - Lipsiae, 1870.
Dig.	— Iustiniani Digesta // Corpus iuris civilis. Vol. 1. — Berolini, 1899.
Dio	— Dio's Roman history with an english translation. — London, 1955.
Dion. Continuat.	— Dionis Continuatio // FHG. Vol. 4. — Parisiis, 1885.
Dittenberger	— Dittenberger G. Sylloge inscriptionum graecarum. Vol. 1 — 4. — Lipsiae, 1915 — 1924.
Epit.	— Epitome de Caesaribus // Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. — Lipsiae, 1966.
Euseb. Pamph.	— Eusebii Pamphili Ecclesiastica historia. — Moguntiae, 1672.
Eus. Pamph. Chron. Can.	— Eusebii Pamphili Chronicorum canonum libri duo. — Mediolani, 1818.
Eutrop.	— Eutropii Breviarum ab urbe condita. — Lipsiae, 1901.
FHG	— Fragmenta historicorum graecorum. Bde. 1 — 5. — Berlin, 1841 — 1870.

-
Gaius Inst.	— Gaius Institutiones // Corpus iuris civilis. Vol. 1. — Berolini, 1882.
Herodian.	— Herodiani ab excessu divi Marci libri octo. — Stutgardiae, 1967.
IGRP	— Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes
ILS	— Inscriptiones latinae selectae
JRS	— The Journal of Roman Studies
Lact. De mort. persec.	— Lactantius, Lucius Caelius Firmianus. De mortibus persecutorum. — Broedel, 1693.
Leon. Grammaticus	— Leonis Grammatici Chronographia // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. — Bonnae, 1842.
Liv. T.	— Livius Titus. Ab urbe condita libri. — Berlin, 1881 ff.
Malala	— Malala I. Chronographia. — Bonnae, 1831.
Oros.	— Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. — Vindobona, 1882.
P. Oxy.	— The Oxyrhynchus Papyri. — London, 1898 — 1984.
Petr. Patr.	
Exc. de leg. gent.	— Petri Patricii et magistri excerpta de legationibus gentium ad Romanos // Corpus scriptorum Byzantinae. — Bonnae, 1829.
RE	— Real Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. — Stuttgart, 1843 ff.
SHA	— Scriptores historiae Augustae. — Lipsiae, 1955.
Sueton.	— Suetonius, C. Tranquillus. Duodecim Caesares et minora quae supersunt opera. — Parisiis, 1828.
Syncell.	— Georgius Syncellus. Chronographia. — Bonnae, 1829.
Tac. Ann.	— Tacitus, Cornelius. Annalium libri XVI. — Lipsiae, 1820.
Tac. Hist.	— Tacitus, Cornelius. Historiarum libri qui supersunt. — Leipzig, 1885.
Zon.	— Zonara I. Annales. — Bonnae, 1844.
Zos.	— Zosime Histoire nouvelle. — Paris, 1971.